

милицейский детектив

Анатолий Силин

ПЕРСТЕНЬ ШАХА

Анатолий Савельевич Силин

Перстень шаха
(Милицейский детектив #1)

Книга представляет собой своего рода «записки следователя» - рассказы о службе и расследовавшихся в разное время делах главным ее героем -- подполковником милиции в отставке В. А. Мацаевым. Для широкого круга читателей.

Annotation

Книга представляет собой своего рода «записки следователя» - рассказы о службе и расследовавшихся в разное время делах главным ее героем -- подполковником милиции в отставке В. А. Мацаевым.

Для широкого круга читателей.

Анатолий Силин

Путь в милицию

Покаяние

Месть

Афганец

Наедине с «психом»

Ночной взрыв

«Пачкун»

Борьба с «джигитом»

Драка не состоялась

Схватка с «бакланами»

Болонку съели

Встреча с «Аборигеном»

Шапки были похожи

Трагедия в садах

Я - «иностранец»

Насильники

Кто кого?

Мошенница

«Чебурашка»

Иракское золото

Пропала студентка

Дело Плужникова

Личным сыском

Спецзадание

Перстень шаха

Убийство на улице Сакко и Ванцетти

Советы ветерана

От автора

Анатолий Силин

ПЕРСТЕНЬ ШАХА

Путь в милицию

Человек, о котором пойдет рассказ, как оперативник, неординарный, и читатель сможет в этом сам убедиться. Спросите, в чем же состоит его неординарность? Наберитесь терпения и почитайте. Его фамилия -- Мацаев, имя и отчество -- Виктор Алексеевич. Виктор по-гречески -- победитель. Но ближе к делу. Рассказывает наш герой.

-- Родился я в городе Воронеже в районе улицы Беговой -- это Северный микрорайон, окраина города. Здесь когда-то устраивались конные бега, потому и улица так названа. Из детства помню, что Воронеж после понесенных в войну разрушений быстро отстраивался и становился еще краше. Восстанавливались старые заводы, строилось много новых промышленных предприятий. Все трудились с победным огоньком, радовались мирному труду. В общем, жизнь вокруг кипела.

В каждой семье было много ребятшек. Между собой мы общались, знали, у кого где работают родители. Почему-то запомнилось, что было немало семей, где имелись судимые: у кого отец, у кого дед. Но Родину любили все: и несудимые, и освободившиеся из мест лишения свободы. Так было.

Одни мои сверстники с наших улиц занимались кражами, другие увлекались разведением голубей и содержанием разных птиц. Между прочим, меня голуби тоже сильно увлекали, но это отдельный разговор. И была огромная тяга у многих из нас к спорту. Ребята, занимавшиеся спортом, в нашей среде были особенно авторитетны. В восемь лет и я занялся вольной борьбой. Мне и моим друзьям крепко повезло: на нашей улице жил заслуженный тренер России по вольной борьбе динамовец Сергей Иванович Горожанкин. Как-то подошел он к нашей ребячьей ватаге и стал интересно рассказывать и про спорт вообще, и про вольную борьбу, занятия по которой вел среди подростков на «Динамо». В общем, посоветовал не балбесничать и не гонять без толку по улицам, а прийти на «Динамо» и начать тренировки. Мне, к примеру (может, чтобы подзадорить и увлечь), сказал, что из меня-то уж точно толк будет. Я страшно обрадовался, ведь кто сказал-то -- сам Горожанкин! Сергей Иванович был изумительным человеком. И скольким мальчишкам дал он путевку в жизнь! Назову лишь одного из тех, кому он помог войти в большой спорт: Александр Тамбовцев, ставший в 1985 году чемпионом страны по вольной борьбе. Да разве только он?

С легкой руки Горожанкина стал и я заниматься борьбой. Тренироваться нравилось. Скажу без хвастовства, у меня неплохо получалось. В 14 лет я уже выиграл чемпионат области по вольной борьбе и другие соревнования.

Отцом с мамой, братьями своими я гордился и горжусь: честные, порядочные люди. Отец, Алексей Иванович, -- фронтовик, после войны работал на заводе «Электросигнал». Мать, Мария Денисовна, трудилась на заводе тяжелых механических прессов.

Родителей на работе уважали и почитали, и мне за них никогда не было стыдно. У матери был брат Калашников Павел, который в войну совершил замечательный подвиг, он служил в органах военной контрразведки в звании капитана на Калининском, Западном, 3-м и 2-м Белорусских фронтах, но это отдельный разговор.

По-прежнему я упорно тренировался, часто выступал на разных соревнованиях по линии спортивного общества «Динамо» и, как правило, побеждал.

В двадцать лет был призван на срочную в ряды Советской Армии. Со службой повезло. Не исключаю, что и тут помогли мои активные занятия спортом. Да и внешне я, видимо, «сгодился». А дело в том, что меня направили в Москву, служба проходила в районе Кунцево, там, где раньше располагалась известная дача Сталина. Служба была ответственной, да это и понятно: мы охраняли отдых и покой руководителей государства. Многие из них к нам, охранникам, привыкли, здоровались за руку, расспрашивали о жизни, о семье. Мне, к примеру, довелось общаться с такими знаменитостями, как маршал А. А. Гречко, начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев, председатель комитета госбезопасности СССР Ю. В. Андропов и другими государственными деятелями.

Служба пролетела быстро. Последние полгода, из-за полученной на одном из соревнований травмы (повредил колено), меня перевели дослуживать в подмосковный район Ногинска, откуда я и был демобилизован на «гражданку».

Как и каждый срочник, думал, конечно, об устройстве дальнейшей жизни. Если честно, то хотелось и далее заниматься спортом, хотя и понимал, что не буду же бороться всю жизнь. И все-таки решил пока не уходить из большого спорта.

Мне предложили поехать в Литву -- в город Каунас и продолжить заниматься вольной борьбой там -- в Литве этот вид спорта был развит слабо. Согласился. Выступал опять же за общество «Динамо» и стал мастером спорта, чемпионом Литвы. И вот там-то мне и посоветовал мой тренер Иванов, чтобы я не терял время даром, а поступал в Каунасскую среднеспециальную школу милиции. Поступил. Нас, воронежцев, было в том наборе пять человек. Держались кучкой, знали, что в основном воронежцев после распределения направляют в Московскую область. До окончания учебы было еще немало времени. Я старательно занимался и, конечно, -- принимал участие в соревнованиях. Все шло нормально. За время учебы несколько раз отличился. Первый раз -- это когда приехал в Воронеж курсантом первого курса. Было так. Я с двумя девчонками стоял у театра оперы и балета. День был теплый, солнечный, девчонки, особенно одна из них, Лена, были прекрасны. Лена что-то рассказывала, и все смеялись. И вдруг подходят к нам три амбала, и среди них -- иностранец. Как я после узнал, студент из Алжира. Двое других -- нашенские, вроде как сопровождали его. Вид троицы ничего хорошего не предвещал, я это понял сразу. И вот алжирец бесцеремонно хватает Лену за руку, говорит, что она ему нравится, и тянет за собой. Двое других принимают при этом устрашающий вид. Лена в слезы, пытается вырваться, но бесполезно. И вдруг алжирец достает нож и подносит к ее лицу. Девушка в ужасе кричит...

Вот тут-то я и применил один свой приемчик, отчего нож у иностранца выпал, а рука повисла как плеть. Его напарники, не дожидаясь своей порции, бросились бежать. А я вызвал, как положено, милицию. Нашлись свидетели, что иностранец грозил девчонкам ножом. Алжирца задержали, отправили вначале в больницу, а после, как стало известно, его перевели на учебу в Минск. Этим делом, точно не помню, занимался следователь... не то Седых, не

то Соловьев. Так что первую милицейскую проверку на прочность прошел в родном городе.

Другого преступника задержал тоже будучи еще курсантом школы милиции. Это было в апреле 1978 года. Я и еще два курсанта-литовца находились на дежурстве от Ленинского РОВД г. Каунаса в городском парке. К нам приблизилась группа местных ребят, мы с ними поговорили и пошли дальше. Все же, что случилось потом, было как во сне. К парням, с которыми мы только что разговаривали, подъехал на мотоцикле парень и выстрелил в одного из них из обрезка. Тот с разбитой головой грохнулся на землю, а остальные просто остолбенели и стояли как в каком-то шоке. Тем временем мотоциклист, пытаясь уехать, стал разворачивать мотоцикл, но тот заглох. Бросив его, он с обрезком в руках стал убегать. Из всех кто был свидетелем этого дикого случая, в том числе и нас, троих курсантов, за мотоциклистом побежал один я. Гнался километра два. Пытаясь меня испугать, преступник стрелял вверх, но я продолжал преследование. Конечно же, был риск, что он остановится и выстрелит в упор. Но этого, к счастью, не случилось. Я его догнал, свалил на землю и скрутил руки, связав их ремнем.

За это задержание я был награжден Почетной грамотой министра внутренних дел СССР Н. А. Щелокова. Грамоту вручал при всем личном составе начальник школы. Потом мне пришлось не один раз ходить в суд в качестве свидетеля. Кто же был этот убийца на мотоцикле? Оказалось, что его девушка ему изменила и стала встречаться с другим парнем. Этот парень-то и был среди ребят, с которыми мы разговаривали во время дежурства. Подъехав на мотоцикле, ревнивец вроде бы хотел только попугать своего соперника, но выстрел оказался смертельным. Преступник был осужден к двенадцати годам лишения свободы.

...Наконец учеба в школе милиции закончена. Началось распределение. Меня упрашивали остаться работать в Каунасе или любом другом городе Литвы. Предлагали должность оперуполномоченного. Но я настойчиво добивался направления в Воронеж. Сколько же можно жить на чужбине? И так -- два года в армии, потом учеба в школе милиции. Своего добился: в октябре 1979 года я был назначен оперуполномоченным нашего Советского РОВД. Так в звании лейтенанта началась моя оперативная служба в органах внутренних дел.

Начальником Советского отдела милиции был в то время Василий Иванович Глазков, а заместителем начальника по оперативной (теперь -- криминальной) работе -- Мурат Владимирович Багаев. Он мне сразу понравился: грамотный, воспитанный, хороший юрист-практик. Не хитрил и не мудрил, как некоторые, все вещи называл своими именами. Начальником уголовного розыска, то есть моим непосредственным руководителем, был Алексей Яковлевич Журавлев. Он с большим пониманием относился ко всем оперативникам, но особенно был внимателен к молодым. Так что в этой части мне с начальством крепко повезло.

Еще обучаясь в школе милиции, я, вполне естественно, многое думал-передумал о своей дальнейшей службе. Не раз представлял и фантазировал, как буду раскрывать преступления. Но мечты и фантазии это одно, а конкретная работа -- совсем другое. Все как-то случалось неожиданно, а потом надо было много думать и крутиться-вертеться. А если преступлений несколько и сроки по их раскрытию поджимают? Тут уж безволнений не обходится и пахать

приходится, что называется, днем и ночью, на износ. Такая уж служба у сотрудников уголовного розыска, и они не должны быть равнодушными и спокойными, если преступления не раскрываются и преступники находятся на свободе. Но это общие слова, хотя они и отражают непростую специфику нашей работы. К трудностям службы я был готов и не был настроен пасовать. Кроме того, был хорошо подготовлен физически, что очень важно. В 1981 году поступил в ВГУ на юридический факультет, в 1986 окончил его. И еще об одном не могу не сказать: я и тогда не пил и не курил, и сейчас, находясь на пенсии, не пью и не курю. Для большинства бывших, да и нынешних оперативников выглядел как белая ворона. Ведь как бывает в реальной жизни -- оперативники пьют, если преступление раскрыто, и пьют, если раскрытие по каким-то причинам не идет.

Однако лучше я вспомню о раскрытии тех дел, которые оставили в моей душе и памяти самый глубокий след. У каждого из них были свои особенности, да и люди, совершавшие те или иные преступления, были самыми разными. Память сохранила множество фамилий, имен, кличек, конкретных ситуаций, которые, возможно, кому-то и в чем-то могут быть полезными. Да, вот еще о чем забыл сказать -- о моей зоне обслуживания. Она была велика. В нее входили сады в районе улицы Острогожской и сады Советского района от улицы Острогожской до поселка Малышево, а еще полностью поселок Западный, улица Дорожная, частично поселок Малышево, от микрорайона энергетиков вплоть до стрельбища. Зона непростая, но особое беспокойство доставляли мне сады, где совершалось немало краж и других правонарушений, в том числе и убийств.

Покаяние

На должность инспектора уголовного розыска Советского РОВД города Воронежа, как я уже говорил, меня назначили после окончания Каунасской среднеспециальной школы милиции. Меня упрашивали остаться работать оперуполномоченным в Каунасе или каком-то другом городе Литвы, но я рвался в родной Воронеж и своего добился.

Территория по оперативному обслуживанию мне досталась непростая -- частный сектор поселка Западный. Преступлений на окраине района и города совершалось немало, плюс к этому добавились нераскрытые уголовные дела. «Висуны» или «Глухари», как их называют, стояли на учете и в районном отделе милиции, и в прокуратуре, и в УВД. За их раскрываемость приходилось отчитываться каждый квартал, вновь и вновь составлять планы по их раскрытию, отработке разных версий. Времени на это уходило немало, а ведь совершались и новые преступления, которые тоже надо было раскрывать. Честное слово, загружен был под самую макушку. Голова была постоянно забита кучей всяких мыслей, которые не давали спокойно жить и отдыхать. Приведу лишь один пример того, на что уходило служебное время.

Ранее поселок Западный обслуживал старший инспектор уголовного розыска отдела милиции Вячеслав Гирчев. Он передал мне несколько нераскрытых преступлений, среди которых было и дело по убийству жителя улицы Малыгина Александра Тимофеевича Козловского. Знакомя меня в общих чертах с делом, Гирчев сказал, что труп Козловского обнаружила жена во дворе собственного дома, когда они с сестрой вернулись с богослужения из Никольской

церкви. Детей в семье не было, в доме проживало трое: сам Козловский, его жена и младшая сестра жены Клавдия. Все трое были солидного возраста, занимались хозяйством, держали кроликов, коз, птицу. Сам Козловский в чем-то плохом ранее замечен не был. Соседи отзывались о нем в принципе положительно, хотя отмечали, что «старичок от жены подгуливал».

А еще Козловский увлекался радиотехникой, и его частенько видели возле комиссионного магазина по улице Краснозвездной, где шла бойкая торговля радиоаппаратурой и радиодетальями и где он был не прочь что-то купить или продать. Гирчев говорил также, что версия по спекуляции радиодетальями им отработывалась, но не подтвердилась: радиоприемник ВЭФ и имеющиеся у убитого радиодетали остались нетронутыми. Еще Гирчев говорил, что жена и ее сестра помещались на трое суток в камеру предварительного задержания (КПЗ) по подозрению в убийстве. К женщинам подсаживали сокамерниц, которые пытались хоть что-то выведать от них по убийству, но все впустую. Жена с сестрой молчали и все время молились. Отработывались через КПЗ и другие лица, которые подозревались в убийстве, но положительных результатов получено не было.

Вот такое, причем не одно, досталось мне от старшего оперуполномоченного нераскрытое преступление. Их надо было раскрывать. Много думал и прикидывал над этим. Скажу не хвалясь, что мои мозги в раскрытии, казалось бы, непростых преступлений в целом соображали неплохо. Вот и делом Козловского занялся вплотную: посетил родственниц погибшего, а также многих людей, проживавших по улице Малявина, стараясь вникнуть в детали как семейной жизни Козловского, так и всего, что помогло бы выйти на убийц.

Запомнилась первая встреча с женой Козловского и ее сестрой. Представился, что я теперь их новый инспектор уголовного розыска, что начал раскрывать убийство родного им человека и буду очень рад, если они мне станут в этом помогать. Но что бросилось в глаза! Женщины были какие-то испуганные и, как мне показалось, нисколько не настроены говорить откровенно. Сразу возник, да и не мог не возникнуть, вопрос: почему? В мои понятия это совершенно не укладывалось: самые близкие Козловскому люди -- и не проявляют никакого интереса к поиску его убийц! «Что-то тут не так», -- подумал я. Чувствовал, что никакой симпатии я у них не вызвал. Но сам тоже решил пойти на хитрость и своего мнения о их поведении высказывать не стал, а вроде как поддержал. Заявил твердо и решительно, что если их по данному делу хоть кто-то станет дергать, расспрашивать, то я их защищу, а кого надо -- накажу. После этих слов бабушки явно воспряли духом. На всякий случай оставил им свой номер телефона, а сам нет-нет да стал к ним заезжать, но об убийстве -- ни слова. Интересовался кроликами, козочками, о том, как им живет, не мешает ли кто? В общем, общался, стараясь быть к ним поближе.

Прошла неделя, потом вторая, месяц... Время текло неумолимо, а по раскрытию дела пока никаких подвижек. Старушки меня охотно встречали, что-нибудь рассказывали о своей жизни, о козочках и кроликах, которых разводили, а потом приторговывали мясом крольчатины и козьим молочком. А вот как шло расследование убийства, их мало интересовало. Когда меня об этом спрашивали, то и я, подстраиваясь к ним, пожимал плечами, вздыхал, давая понять, что у меня и без того работы по горло.

Сестры были глубоко верующими и часто ездили в церковь на богослуже-

ния, отмечали все церковные праздники, блюли посты, усердно молились. Меня благодарили за заботу и внимание, просили почаще заезжать. Я и заезжал, но по-прежнему не покидал вопрос -- почему они так равнодушны к расследованию? Точила мысль, что женщины от меня что-то скрывают. И если так, то как проникнуть в их души? Нет, к ним нужен был какой-то другой подход. Похоже, они меня воспринимают все-таки настороженно. И постепенно созрел дерзкий план. Задумка, в общем-то, была проста, но ее реализация могла помочь войти в полное доверие к бабушкам. Что это был за план?

На улице Малявина жила семья Власовых, в которой были два брата, склонных к употреблению спиртного и мелкому воровству. Они у меня были на постоянном учете. Под большим секретом я попросил их своровать у бабушек несколько кроликов. Совершить кражу было несложно, зная, когда старушки уедут в церковь на богослужение. Сказал, что за кражу им ничего не будет, так как она мне необходима в целях проведения оперативных комбинаций по раскрытию убийства. Но строго-настрого предупредил братьев, чтобы ни один кролик не пропал, а то за это ответят на всю катушку.

Они согласились и вскоре позвонили, сообщив, что кроликов и двух козлят у старух сперли, и вся эта живность под замком в их сарае. Еще раз предупредив, чтобы все было в сохранности, я стал с нетерпением ждать звонка от старушек. Знал, непременно позвонят, и не ошибся. Вскоре позвонила вдова Козловского, Евдокия, и в расстроенных чувствах попросила побыстрее заехать к ним.

-- Что-то случилось? -- спросил я. Но по телефону она объяснять ничего не стала, заявив, что все расскажет при встрече. Велев больше никому не звонить, я, не задерживаясь, выехал.

При встрече старушки сквозь слезы поведали о том, что я, собственно, уже знал, и Христом Богом просили найти воришек. Пообещав обязательно найти воров, я рванул к братьям Власовым. Забрал козочек и кроликов и погрузил в машину, решив вернуть их хозяйкам на следующий день. Передержать живность у меня было где.

Ой, как были рады старушки, когда я им вернул в целости и сохранности кроликов и козлят! Это надо было видеть. Они от счастья плакали и всё благодарили, благодарили. Я сказал, что воры задержаны и ответят по всей строгости. Пришлось врать, но с того дня я стал их лучшим другом.

Гм, но другом-то хоть и стал, а вот про гибель Александра Тимофеевича они по-прежнему молчали, хотя по всем другим вопросам охотно откровенничали. Меня это расстраивало и вновь заставляло задуматься. Что же их сдерживает рассказать всю правду, ведь всем своим нутром чувствовал, что они знают, как все было... Ну и упертые же попались бабушки-богомолки! Только и слышишь -- помилуй, нас, Господи, помилуй души наши грешные!..

В раздумьях я больше склонялся, что это могла сделать жена хозяина. Общаясь с некоторыми соседями, узнал, что Александр Тимофеевич был хоть и пожилым, но чувствовал себя еще таким резвым козликом и не раз изменял жене, из-за чего в доме происходили ссоры и скандалы. Но шло время, и она его каждый раз прощала. А куда денешься в такие-то годы, надеялась, что муж со временем перебесится. Поделиться кроме сестры Клавдии было не с кем, вот и изливала ей свое горе. Да сестра сама все видела и понимала.

Клавдия переехала в дом Козловских несколько лет назад. Собственная

семейная жизнь у нее не сложилась, детей не было, вот и откликнулась на просьбу сестры пожить вместе. Так и жили, радуясь домашнему хозяйству -- кроликам, козочкам, курочкам. Я к Клавдии долго присматривался и все больше убеждался, что не такая уж она и «бабушка», а, что называется, женщина еще в соку. Но такая божественно-робкая, скромная, тихая! Нет, эта на убийство вряд ли могла пойти. А вот старшая сестра, Евдокия, -- наоборот: нервная, невыдержанная, эта вполне могла сорваться и в порыве гнева пырнуть мужа ножом.

Как-то сестры затеяли разговор при мне, что надо бы по церковному обряду освятить дом и двор. Да вот пока не клеится...

-- А почему не клеится? -- встрял я в разговор.

-- Знакомый батюшка слишком занятый, -- отвечают.

-- Понимаю, понимаю, -- кивнул я. -- Власть такие дела не особенно приветствует, потому и не каждый священник пойдет на это...

Сестры-то, как я смекнул, хотели провести обряд по-тихому, чтобы не привлечь внимания соседей. Но разве от людей что скроешь...

И этот разговор навел меня на интересную мысль. А что если к освящению домовладения привлечь своего человека, которому они могли бы признаться в содеянном? Стал шевелить мозгами. Такой человек у меня на примете был: он приторговывал на рынке джинсами, рубашками и разным другим барахлом. Миша-артист, как звали его все, кто с ним общался, умел поговорить на любую тему. Уж он точно подойдет на роль священника, решил я. Фигура и внешность что надо, волосы длинные до плеч. Если одеть в рясу, да повесить на шею крест (а это достать будет не сложно у священнослужителей, проживающих в конце улицы Острогжской), то у старушек никаких сомнений не возникнет. Но, конечно, надо с Мишей поработать и разъяснить, что от него потребуется. Священника он должен сыграть, как говорится, без сучка и задоринки. Моя задача заключалась в том, чтобы обеспечить своего человека церковными атрибутами да заставить хоть разок сходить в церковь и посмотреть, как ведут богослужение. Я был почти уверен, что Миша сможет добиться признания старушек. И он на мое предложение согласился.

Все до конца продумав и взвесив, я приступил к подготовке этой непростой операции. И когда все было готово, сообщил бабушкам, что сумел договориться с одним толковым молодым попом, который согласился приехать вечером и совершить обряд освящения их домовладения. Уж так обрадовались мои подопечные, что словами не передать.

В назначенное время я привез «Отца Михаила», будем так его теперь называть, к дому Козловского. Между ним и старушками сразу завязалась оживленная беседа, а потом начался и сам обряд освящения. А я сидел в машине и дожидался, чтобы отвести «Отца Михаила» домой и узнать, чем же все закончится.

Но закончилось неудачно. Когда возвращались обратно, «Отец Михаил» рассказал, что все делал как задумали: он и со старушками толково поговорил, и убедительно попросил, чтобы они раскаялись и открыли свои души. Но те только переглядывались да молились, а о своих душевных тайнах -- ни слова. После освящения в каждой комнате «Отец Михаил» приклеивал к стенам небольшие бумажные квадратики со словами «Освящено», а внизу две буквы «Х. В.» -- (Христос Воскрес). Но бумажки почему-то держались слабо и падали

на пол. Из-за этого «Отец Михаил» пытался склонить женщин к большему откровению. Но откровения не было. И он заявил старушкам, ходившим за ним по пятам, что освящение никак не получается, а почему -- сам не знает. И хозяйки очень расстроились, когда «Отец Михаил» сказал, что обряд придется перенести на завтра, и посоветовал им «хорошенько подумать», чтобы все прошло удачно.

Да-а-а, если бы женщины услышали наш разговор в машине, то, наверное, сошли бы с ума. Я расстроено говорил ряженому Михаилу, что если к его «Божьим» словам они не прислушались и души ему не открыли, значит, он плохо сыграл роль священника.

-- Да может, им и не за что каяться, -- оправдывался Михаил.

-- Ты это прекрати, -- сердился я. -- Всем нутром чую -- есть за что.

-- Не знаю, делал все как надо. Даже в церковь ходил и смотрел, как батюшка служит, машет кадилом и окропляет водой богомольцев. Да я и сам когда-то собирался стать церковником.

-- Ты то артистом хотел, то церковником... -- проворчал я, сбавляя свое недовольство. Он ведь и в самом деле старался.

-- Не вышло ни то, ни другое. Торгую вот шмотками. Жить-то надо!

-- Ладно-ладно, не обижайся, -- утешил я несостоявшегося артиста. -- Завтра всё повторишь, но уж так, чтоб наверняка получилось.

Договорились, во сколько за ним заехать. Михаил снял рясу, крест и сложил все во вместительный пакет.

На другой день я привез его, и он вновь приступил к освящению дома и двора, снова перед этим душевно поговорив с хозяйками. Рассказывал им о чудодейственной силе иконки Божьей Матери, которую привез с собой.

Я же уехал в райотдел и с нетерпением стал ждать звонка.

Дождался.

Михаил обрадовал, сказав всего лишь несколько слов: освящение прошло удачно. Приезжайте -- признались!

А было у них так.

-- ...Ладно, все расскажу... -- вздохнула наконец Клавдия. -- Бога грешно обманывать... -- Она достала из-под половицы завернутый в тряпку нож. -- Всё как есть расскажу... Я мужа сестры убила, отец Михаил...

А вот что Клавдия рассказала в подробностях потом мне.

-- ...Мы с сестрицей Дусей в тот вечер были в церкви. Когда вернулись, то она себя плохо почувствовала и попросила, чтобы я покормила козочек и кроликов. Александр Тимофеевич был дома, глядел телевизор. Я вначале покормила козочек, а потом стала в сарайчике резать кроликам траву. Слышала, как из дома вышел хозяин. Войдя в сарайчик, он сказал, что жена приняла таблетку и уснула. «Слава Богу, -- говорю, -- уж дюжа на боль в голове жаловалась». А сама не оборачиваюсь, согнувшись, режу ножом траву. А потом... -- Не знаю, что на него нашло, но вдруг всем своим передом стал прижиматься к моему заду, а руками полез куда не надо лезть. И все упрашивал, уговаривал полежать с ним в этом сарайчике. «Чуешь, -- говорил, -- как весь горю! Давай потешимся, ну чево тебе стоит?.. Не бойся, Дуся не узнает».

Он и раньше приставал ко мне, когда сестры дома не было, предлагал втихую с ним посожительствовать. Но разве я могла помешать родной сестре? А в этот раз совсем обнаглел. Ах, думаю, кобеляка ты старый! Сестра лежит

больная, а тебя на такую похоть тянет! Да разве можно!.. Не знаю уж, как получилось, я и не думала его убивать, а просто хотела оттолкнуть от себя...

В общем, с силой отмахнулась рукой назад, чтобы отвалить его, а в руке-то нож, каким только что траву резала, -- вот и попала в самое сердце. Каюсь, не хотела... Так получилось...

Потом побежала к сестре, стала будить ее, рассказывать, а когда вошли в сарайчик, он уже мертвый лежал. Долго плакали и думали, что же дальше делать. Дуся решила меня не выдавать. Ножик спрятала под пол, а сама стала звонить в милицию...

Ко всему этому добавлю только, что я изъял орудие убийства и всех троих привез на допрос в прокуратуру. Так мной было раскрыто преступление на улице Малявина. Клавдию осудили за убийство по неосторожности на два года условно.

Месть

Этот случай произошел в холодную январскую ночь 1985 года. В мою память он врезался надолго. Я дежурил тогда в оперативной группе, и дежурство проходило спокойно.

-- Вот здорово! -- радовался тому, что на улице под тридцать градусов мороза, а я в тепле. Думал, и вся ночь пройдет без вызовов. Однако...

Где-то около четырех утра позвонил дежурный по отделу Сегитов и сказал, что надо срочно проехать на улицу Комарова; там беда -- сын облил отца серной кислотой и ушел из дома, чтобы то же самое сделать со своей матерью. В ту ночь его мать дежурила вахтером на заводе «Электроприбор».

Я записал адрес, и мы с водителем Алексеем (фамилию не помню), выбежали во двор, где стояла дежурная машина, которую сотрудники называли «буханкой». А на улице и в самом деле морозец ой-ей-ей какой! То ли оттого, что вышел из теплой комнаты, то ли, потому, что наша «буханка» за ночь основательно остыла, но пока Алексей заводил машину да стал немного ее прогревать, моя спина чуть не примерзла к сиденью. Наконец тронулись, но ощущение такое, будто сижу на куске льда.

Ехал и думал: что же случилось в квартире на улице Комарова? Когда звонил дежурный, я попытался разузнать подробности, но он не ответил, а нетерпеливо поторопил: «Езжайте быстрее! Как разберешься -- позвони!»

Подъехали, вот тот дом и подъезд. Водитель остался в машине, а я бегом в дом. Нашел квартиру. Дверь приоткрыта. Если откровенно, то опасался -- мало ли что меня там ожидает, тем более что не было никакой конкретной информации.

Заходил осторожно, прислушиваясь и приглядываясь, ведь могла ожидать любая замануха или провокация, потом перед прокуратурой не отпираться. В коридоре никого. На кухне тоже. Двери в туалет и ванную закрыты, в комнате, что с левой стороны, все аккуратно прибрано. Я уже подумал не обман ли какой? Но почему тогда дверь в квартиру была приоткрыта? Да и чей-то голос, когда заходил, вроде как слышался. И вот дальше, в другой комнате, я увидел то, что приковало все мое внимание. Сбоку стола с телефонной трубкой в руке сидел мужчина лет под пятьдесят, все тело которого было усыпано красными пятнами, волдырями и подтеками. А воздух в комнате густо

пропитан запахом кислых щей. Страшное зрелище!

Понял, что сидел сам хозяин. Глаза страдальца -- он, видно, вовремя успел их закрыть, потому и не ослеп -- выражали нестерпимую боль, тоску, скорбь и зывали о помощи. Еле слышно он попросил меня подойти поближе. Я подошел. Мужчина сбивчиво стал пояснять, что сын после ссоры облил его серной кислотой, а потом с бутылкой кислоты пошел убивать мать. Он уже вызвал скорую и умолял поспешить к «Электроприбору», где в эту ночь дежурила жена. Уточнив, давно ли ушел сын и в чем был одет, я быстро известил дежурного о том, что случилось, вкратце объяснил ситуацию и -- бегом к машине, чтобы перехватить сына.

Водитель движок не глушил, хорошо прогрел его, и мы рванули к «Электроприбору». Время было утреннее, транспорта на улице почти никакого. Подъезжая к проходной завода, дежурный по отделу сообщил, что когда на квартиру по вызову приехала скорая помощь, хозяин был уже мертв. Он также проинформировал, что туда направлен дежурный следователь прокуратуры.

Остановились у заводской проходной. Я полагал, что до завода сын скорее всего станет добираться через улицу Депутатскую, потом по частному сектору, чтобы выйти к улице 20-летия Октября. Его надо было опередить. Увидев на вахте женщину, спросил:

-- Вы, Алёхина? Проживаете на улице Комарова?

Она утвердительно кивнула и с тревогой спросила:

-- А в чем дело?

Разговор наш был скоротечным: я спешил, чтобы не допустить еще одной смерти. А она, как узнала, что я из милиции, разволновалась, видно, материнским чутьем почувствовав неладное и буквально забросала меня вопросами. Я сказал, что ее сын с отцом крепко повздорили и что скоро вернусь, расспрошу о взаимоотношениях в их семье.

Выскочив из проходной, подошел к машине и попросил водителя отъехать в сторону Вогрэсовского моста и там ждать дальнейших указаний. Сам же неспешно пошел в сторону Дома быта. Был твердо уверен, что сын пойдет именно по улице 20-летия Октября.

Мороз не слабел, ветер крепчал, бросая в лицо колючую снежную поземку. Шел, прикрываясь правой рукой, но так, чтобы видеть всех идущих навстречу. Правда, встречных было мало.

Однако метров через двести я еще издали обратил внимание на приближающегося рослого мужчину, который одну руку держал за пазухой пиджака. По описанию отца понял, что это и есть его сын. Мужчина явно торопился, и расстояние между нами быстро сокращалось.

Надо было срочно принимать решение. Возвращаться назад и брать его у проходной было опасно, потому как он мог заподозрить неладное и выкинуть неизвестно какой крендель. Ясно, что за полой пиджака посудина с серной кислотой. Я уверенно шел ему навстречу, теперь уже прикрывая лицо обеими руками, -- мало ли что этот псих выкинет! Брат решил мгновенно. Решил: как только Алёхин будет проходить мимо, я крутнусь на сто восемьдесят градусов, правой рукой рвану его за шею к себе, а левой выхвачу из-за пазухи емкость с кислотой, и тогда он будет не так опасен.

Все, как задумал и произошло. Убийца очухаться не успел, а бутылка из-

под кефира, запечатанная фольгой, была уже у меня. Пока он приходил в себя, я связал его руки ремешком, который кстати оказался в кармане. Только теперь от души отлегло.

Потом вместе с ним пошли к проходной завода. Остановив ехавшее в сторону Вогрэса такси я попросил шофера передать водителю нашей «буханки», возвращаться к проходной «Электроприбора».

Главное сделано -- преступник Алёхин задержан, убийство предотвращено. Подъехала машина. Вместе с Алексеем мы затолкали убийцу в машину.

Но предстояла не менее сложная задача -- поговорить с матерью. Ну как, как сообщить несчастной женщине, что сын убил ее мужа и хотел убить ее?! Иду к проходной, а сам думаю, думаю. Мысли в голове прыгают, роятся -- случай-то больно неординарный. Ну чем же родители так обидели своего дитя, что он решил расправиться с ними таким жестоким образом?.. В общем, вопросов куча, и все пока без ответа. А квартира-то у них хорошая, в комнатах прибрано и ухожено, все как у нормальных людей. И такая беда! Что-то не вяжется!..

Зашел в проходную. Алёхина в тревожном ожидании. Конечно, надеялась услышать что-то ободряющее, хотя по испуганному и напряженному взгляду видно, что ожидала и худшего. Но надо ли посвящать ее именно сейчас во все подробности домашней трагедии? Поэтому я только взял объяснение по взаимоотношениям в семье, а именно: что представлял собой сын, его отношение к родителям и соседям, в общем, все, что давало возможность представить картину их семейной жизни. А потом попросил ее после дежурства прийти в райотдел на улице Маршака, 6 «А» и обратиться к дежурному за всеми подробностями.

Вернувшись в отдел, я сдал задержанного в дежурную часть и написал рапорт о произошедшем.

А где-то через неделю меня, как свидетеля, вызвали в прокуратуру, опросили и за успешно проведенную работу по задержанию убийцы, а также, предотвращение другого убийства направили в отдел представление о моем поощрении. Бывший замполит отдела Вячеслав Алексеевич Мухин в то время работал начальником отдела милиции Центрального района, а новый замполит, -- Александр Николаевич Бондарев, распорядился объявить мне благодарность. Вот такой была моя работа в милиции.

...Но точку по данному уголовному делу ставить не хотелось бы. Много раз думал над причинами того убийства. Страшно представить -- была семья, и нет семьи.

Немало убийц за время службы в органах внутренних дел мне пришлось задерживать и отдавать под суд. И всегда в душе оставался горький осадок. Как так? Ведь все дети рождаются по любви, а получается, что определенная часть из них потом становятся убийцами. Многое тут зависит и от семьи ребенка, от личного примера и внимания к нему пап и мам. А сколько у нас семей, в которых детей воспитывает мать-одиночка! Это же неполноценная семья, но таких, к сожалению, все больше и больше. Не секрет, как много для себя дети черпают из личной жизни своих родителей: их отношения друг к другу, культуры поведения, добропорядочности, в общем, вся их жизнь у детей на

виду, и те учатся у предков, как надо жить --хорошо или плохо. Весь негатив плохого воспитания --и я в этом твердо убедился -- ис-ходит, как правило, из семьи. Там и вырастают хорошие или плохие люди. За плохое воспитание родителям приходится потом страдать, мучиться, но упущенного уже не вернешь. И случай, о котором я рассказал, -- яркий пример того, чем порой приходится расплачиваться родителям, -- даже собственной жизнью.

При проведении оперативно-следственных действий по данному убийству было установлено, что единственный сын в семье Алёхиных родился не совсем здоровым; он и рос невыдержанным, психованным, истеричным. Однако родители на это должного внимания не обращали и продолжали всячески его лелеять. А подрастая, сынок стал вытворять такое, что и в голове-то не укладывалось. Но родители это старались замалчивать, хотя давно следовало бы обратиться к врачам и заняться лечением ребенка.

В итоге неврастеник сын к своим тридцати годам уже страдал опасной формой шизофрении. У него возникало немало неприятностей в общении с товарищами, особенно с девушками. Личная жизнь не складывалась. Все это заставило его самому пойти к врачам. Больного основательно обследовали и принялись лечить. Лечение проходило сложно. Однажды врач спросил, почему родители раньше его лечением не занялись. А что он мог ответить, зная их позицию, что все уладится само собой. Не уладилось...

А болезнь прогрессировала, вылечить сына становилось невозможным. И тогда он на отца и на мать затаил злобу. «Это они во всем виноваты! -- считал он. -- Почему не лечили?» Решив отомстить, начал собирать и прятать серную кислоту. Достать ее было в то время несложно. У заправщиков аккумуляторов стояли целые баки этого химиката. После очередной бурной ссоры с отцом, сын в порыве гнева плеснул на него из стеклянной банки кислоту, а потом пошел на работу к матери, чтобы и с ней совершить то же самое.

Ну а что было дальше, я уже рассказал.

Афганец

В годы моей работы в уголовном розыске преступления, так же, как и сейчас, совершались самые разные. Иные как-то постепенно забылись, а иные, оставив в сердце свой след и свою метку, запомнились. То, о чем расскажу, буду помнить, пока жив. Таких случаев не очень много, но они были. Любопытно, что в тех ситуациях мне, как правило, не приходилось разрабатывать каких-то сложных оперативно-розыскных мероприятий. Это были случаи не «длительного действия», а скорее разовые, быстротечные, но они потребовали большого напряжения и сил, и воли.

Вот один из них. Но вначале вкратце о предыстории. В Советском и Ленинском районах города Воронежа с периодичностью в одну-две недели стали происходить довольно странные события: молодой мужчина в камуфляжной форме и с автоматом Калашникова в ночное или предутреннее время останавливал машины и брал у водителей небольшие деньги, на пиво и сигареты. Забрав деньги и поговорив о том о сем с водителем, он его, как правило, отпускал. Многие водители молча уезжали от греха подальше и никуда не обращались. Но были и такие, которые сразу же звонили в отделы милиции и просили принять срочные меры. Однако выезды дежурных нарядов на места происшествий были безрезультатны -- человек с автоматом исчезал. Думали всякое:

может, какой-то солдат сбежал из воинской части, а возможно, это больной человек. Но страсти накалялись, а результата все не было.

В конце сентября 1986 года я дежурил по отделу милиции. В три часа ночи, это хорошо запомнил, к райотделу подъехал таксист и, волнуясь, рассказал, что его на улице остановил мужчина с автоматом и в камуфляжной форме, угрожая оружием забрал три рубля, а потом отпустил. Странно как-то, думал я, сопоставляя данный случай с прежними, -- под угрозой оружия человек берет у водителя лишь три рубля и сразу же отпускает. Это показалось странным и таксисту. Он решил проследить за непонятным грабителем и, когда тот остановил грузовую машину возле ателье «Березка», таксист, не теряя времени, поехал в милицию. Записав данные таксиста, я вышел из райотдела. Во двор как раз въехала машина Госавтоинспекции. Рассказав сотруднику ГАИ о случившемся, сел к нему в машину, и мы поехали к ателье. По дороге думал: вот бы застать таинственного автоматчика и посмотреть, что это за вояка. Лишь бы не исчез как невидимка. Уж слишком много на его необычные ночные действия стало поступать сигналов. Думалось и о другом: через несколько часов мое дежурство должно было закончиться и я пойду домой. Жил же как раз в доме возле названного ателье «Березка».

Наконец подъезжаем. Еще издали увидел грузовую машину «ЗИЛ». Ее водитель как-то странно сидел на асфальте на корточках и держал руки на шее. Рядом с водителем -- человек с автоматом и в камуфляже. Не доезжая метров двадцати, мы остановились и вышли из машины. Мое внимание по-прежнему приковано к человеку с оружием. Кто он? Почему разгуливает с автоматом в ночное время и останавливает машины?.. И как он себя дальше поведет?.. В моей службе подобного случая еще не бывало. И вдруг человек с автоматом обернулся и, направив на нас оружие, властным голосом крикнул:

-- Стоять или стрелять буду!

Вот те раз, подумал я, вздрогнув от резкого крика. Полоснет сейчас сдуру очередь, и грохнусь я рядом с родным домом. Бросил взгляд на окна своей квартиры: света в них не было, значит, мои еще спят. Они-то и не догадываются, что со мной сейчас происходит. Скопив взгляд назад, заметил, как сотрудник ГАИ попятился за машину. Испугался... Мысли в голове просто скачут: что же делать? Прикидываю: пойду вперед -- может убить, назад -- то же самое. Издали смотрит на меня не различимое в предутренней мгле лицо неизвестного человека в камуфляжной форме. Вскинутое дуло автомата готово задрожать как только вояка нажмет пальцем на курок. Заметил, а может, и со страху показалось, что водитель еще сильнее сжался в комок.

«Помоги и спаси нас, Господи», -- подумал я и шагнул вперед -- на автомат. Будь, что будет. Иду, а ноги точно одеревенели и стали ватными, по всему телу бьет холодная дрожь, на голове зашевелились волосы. Вновь услышал:

-- Еще шаг и стреляю!

Если честно, то никогда не было так страшно, как в этот момент. Но словно какая-то внутренняя сила меня подталкивала вперед.

-- Сказал -- стоять! Застрелю! -- вновь прокричал вояка. А я иду, как будто ничего не слышу. Хотя почувствовал в голосе незнакомца какую-то фальшь и растерянность. Да-да, именно растерянность и нерешительность. Это меня воодушевило. Отвечаю как можно спокойней:

-- Брось, браток, шутить! Опусть ствол...

Остается сделать всего лишь пять-шесть шагов. Четко различаю лицо «камуфляжника» и его безумно уставившиеся на меня глаза, а в них -- злость, страх, тупое безразличие. Мое сердце стучит так, что чуть из груди не выскакивает. Пальнет или нет?.. Последние шаги и... еще не забытым мной спортивным приемом я рывком выхватил автомат и, отбросив его в сторону, тут же скрутил незнакомцу руки. Подбежал на помощь гаишник, распрямился водитель. И только когда опасность миновала, до меня дошло, что автомат-то был не настоящий, а резиновый: макет, точь-в-точь разукрашенный под «калашникова».

Отпустив перепуганного водителя, мы с сотрудником ГАИ посадили задержанного в машину и повезли в отдел милиции. Дежурный Сигитов принял «стрелка» и произвел его досмотр. Да, автомат Калашникова был не настоящим, а талантливо исполненной подделкой. Позже я узнал, что подобные макеты боевого автомата продавались, и их можно было купить. Задержанным оказался воронежец, некто Комаров (фамилия изменена). Он бывший афганец, награжден орденом Красной Звезды. Во время боевых действий Комаров был контужен и на гражданке получал пенсию по инвалидности. Страдал психическим расстройством, лечится. После прохождения очередного курса лечения Комаров, со слов матери, какое-то время вел себя тихо и никого не беспокоил. Но когда болезнь начинала прогрессировать, он, прихватив с собой макет автомата и облачившись в камуфляжную форму, выходил по ночам «на войну». В общем, ночью бодрствовал, а днем отсыпался. У остановленных им водителей чаще просил мелкие деньги на пиво и курево и почти сразу же отпускал. Но иногда были и заскоки -- более жесткое обращение с водителями. Мать же о том, что сын шатается по ночным улицам и пугает людей, не знала. После этого случая Комарова вновь направили на лечение, после которого его поведение было взято на контроль участковым инспектором милиции.

Наедине с «психом»

За время службы было немало выездов на утихомиривание семейных неурядиц, потасовок и прочих передразг, которые, как правило, происходили из-за злоупотребления алкоголем. Все заканчивалось, в общем-то, одинаково: на возмутителя спокойствия составлялся протокол, его воспитывали, предупреждали, а если и это не помогало, то изолировали от членов семьи. Но порой приходилось сталкиваться с такими случаями, от которых волосы на голове становились дыбом. Я не собираюсь пугать тех, кто решил связать свою жизнь с работой в милиции. Милицейская служба действительно благородная и нужная. Но необходимо знать, что кроме внешнего блеска есть еще и ее скрытые, не всегда видимые стороны милицейской жизни, требующие от сотрудников большого мужества. С этим в разное время и в разных обстоятельствах придется сталкиваться. Мне пришлось испытать это на себе.

В конце августа, год точно не помню, я дежурил в оперативной группе. Ответственным от руководства райотдела был майор Вячеслав Алексеевич Мухин. Он работал в то время замполитом и вскоре был назначен на должность начальника отдела милиции Центрального района. Но ближе к делу. Дежурство проходило в основном тихо и спокойно. Где-то часов в 11 ночи в дежурке раздался звонок. Звонил житель дома с улицы Домостроителей. Причина его беспокойства заключалась в том, что в соседней квартире он услышал

страшный крик женщины, звавшей на помощь. Потом крик стих, но стали раздаваться какие-то тупые удары. Звонивший пояснил, что в той квартире проживают два человека: хозяйка лет шестидесяти и ее сын -- сорока. Сын был психически больным и часто бросался на мать.

Больной-то он больной, но к матери приставал как к женщине, чтобы удовлетворить свою мужскую похоть. В таких случаях она обычно убегала из квартиры и пряталась у соседей, а когда пыл у сына спадал, возвращалась обратно. Что случилось в этот раз, никто не знал, но громкий женский крик о помощи сосед расслышал отчетливо.

Дежурный о поступившей информации срочно доложил Мухину, тот зашел в мой кабинет. Зная, что я приезжаю на работу на своей машине, а дежурная была как раз в отъезде, спросил:

-- Машина на ходу?

Я кивнул. Майор рассказал о тревожном звонке и предложил проехать вместе с ним. Вышли и вдвоем поехали на улицу Домостроителей. Слава богу, недалеко. Подрулив к дому, стали искать квартиру. Нашли. Стали звонить, потом стучать. Но внутри тишина, будто все вымерли. Как ни странно, но и из соседей тоже никто не вышел. Квартира располагалась на третьем этаже. Мухин спустился вниз, чтобы пригласить кого-то из жильцов в качестве свидетелей. А я нажал на дверь покрепче -- и она неожиданно распахнулась. В коридоре темень, а фонарик с собой впопыхах забыл взять. Шарю ладонью по стене, чтобы найти выключатель. Никак не нахожу, но чувствую, что туфли наступают на что-то жидкое и скользкое. Под ногами хлюпает, кое-как нащупал выключатель и включил свет... О Боже!!! Картина не для слабонервных... Сам поначалу опешил, потому как такого жуткого зрелища видеть не приходилось. Да такое даже в дурном сне не приснится. А увидел я перед собой, буквально метрах в трех, абсолютно голого мужчину с топором в руке, всего измазанного кровью. По коридору и в комнате разбросаны куски порубленного им тела. Человек смотрел на меня безумными, оловянными глазами и молчал. Не знаю, видел ли он что перед собой? По-моему, нет, его взгляд был отрешенным. Мухин где-то внизу, а я лихорадочно стал соображать, что делать. Да, я вооружен и могу запросто достать из кобуры пистолет и всадить убийце пулю прямо в лобешник. По всей видимости, это и есть психобольной сын хозяйки. У меня имелись все основания застрелить его: он совершил убийство своей матери и стоял передо мной с топором. Мог бы запросто сказать, что он бросился на меня и я был вынужден защищаться...

На меня напало какое-то оцепенение, но, к счастью, быстро прошло. Да, это он убил недавно свою мать, это ее предсмертный крик слышал сосед, а потом раздавались удары топора. Убить я его мог, но... не сделал этого. Ведь он даже не размахивал топором, а стоял как истукан. И я решил оружия не применять. Зачем стрелять, если своей силы и умения с ним справиться должно вполне хватить. Топор в случае чего отбить сумею. Размышляя об этом, осторожно подошел к нему и рывком -- хватать рукой за топор. А мужик не отпускает. Я дернул еще раз, другой -- не оторвать, будто присох к руке.

Тогда я потянул мужика, как он был голым и с топором, назад, к выходу. Услышав, как в коридоре заохал Мухин, попросил его срочно вызвать оперативную группу, а поднявшимся с ним жильцам велел освободить проход и не мешать. А еще предупредил, чтобы в квартиру никто не заходил. Медленно,

по чуть-чуть, стали вдвоем пятиться назад. Сцена такова, что глянешь и век потом не забудешь. В глаза убийце не смотрю, но стараюсь быть готовым к его неожиданным вывертам: этого мне никак нельзя было проморгать -- слишком велика опасность. Сам только что видел порубленное на куски человеческое тело. О чем он думает и что может в своем безумстве еще сотворить? По спине пробегает неприятная дрожь. Понемногу пячусь назад и тихонько приговариваю: «Спокойно, спокойно... Хорошо, хорошо... Вот так, так...», пытаюсь его успокоить. А сам готов ко всяким неожиданностям. Ох и долгим же был тот спуск с третьего этажа на первый! Мучительно длинным и долгим. Мысли сосредоточены на одном: хоть бы никто не помешал криком, шумом или еще чем-то... Замечаю, что противника я словно загипнотизировал, он мне подчиняется. Мухин тем временем стоял на первом этаже, перекрыв жильцам путь снизу вверх, а его свидетели останавливали всех наверху.

Вот так «мирно» мы на пару и спускались под мой убаюкивающий шепот: «Тихо-тихо... вот так... хорошо...» Я шептал, а в голове мысль: только бы вовремя прибыла оперативная группа. Хотя, уж если выйдем на улицу, там я и сам скручу его... Бросил взгляд на брюки и туфли -- ох и вымазался в крови!.. Вот и входная дверь... Мое беспокойство, к счастью, оказалось напрасным. Майор Мухин еще до моей просьбы вызвал дежурку. Только мы вышли из подъезда, как сотрудники патрульно-постовой службы ловко вырвали у мужика топор, скрутили ему руки и посадили в машину, которая тотчас отправилась в райотдел.

А в квартире приступила к работе оперативно-следственная группа. Вернувшись в отдел, я первым делом скинул с себя верхнюю одежду и надел трико, а также другие туфли. Но перед этим отмыл замазанные чужой кровью руки водкой. Да, купил бутылку и отмывал, сам-то, повторяю не пил и не пью. Все, что снял, сложил в пакет и потом сжег.

Позже подтвердилось, что мужчина страдал острым психическим заболеванием. В припадке психического расстройства он убил топором мать и разрубил ее тело на части. Но он не всегда был таким: когда-то работал на заводе инженером, после 30 лет тяжело заболел. Несвоевременное лечение привело к такой вот семейной трагедии. Больного отправили в психушку, и дальнейшая его судьба мне не известна.

Ночной взрыв

На каждом дежурстве в составе оперативной группы у меня случались какие-то сюрпризы. Было это и в то ночное дежурство, о котором пойдет речь. В целом оно проходило тихо и спокойно, каких-то серьезных ситуаций не возникало, хотя выезды по телефонным звонкам и были. Но вот уже за полночь в дежурную часть райотдела поступили один за другим три звонка. Звонила женщина, проживавшая по улице Жигулевской. Каждый раз она, плача, говорила, что муж напился, выгнал ее из дома, кричит и грозит, что взорвет дом вместе с нею. Дежурил по отделу Василий Иванович Рыжков. Он и попросил меня сгонять на Жигулевскую и разобраться. Пояснил, что дежурная машина в отъезде, участковый отсутствует по семейным обстоятельствам, и послать больше некого. Да и звонившая голосила, что в случае беды найдет потом на милицию управу. Вот такая была записка.

Ехал я на Жигулевскую улицу и думал: что же это там за подрывник нашелся? И чем собирается взрывать? Лезли в голову и всякие другие мысли. Почему, к примеру, улицу назвали Жигулевской? Уж не из-за «Жигулевского» ли пива? Может, и так, ведь рядом пивзавод, вот и придумали назвать улочку Жигулевской...

Подъехал к обычному частному домишке. Ко мне подбежала пожилая женщина и слезливо стала рассказывать то, что, собственно, я уже знал: муж напился, а пьяный он дурак-дураком, выгнал ее на улицу и даже во двор не пускает. Ну и грозит взорвать дом вместе с нею. Чем хочет взорвать -- она не знает. Сказала, что держит в кулаке какую-то железку. Что за железка, где он ее взял, -- неизвестно, хотя не больно верится, что взорвет. Небошь просто пугает, но ведь домой-то не пускает, а сколько же можно на улице торчать?!

Прежде чем войти во двор, я спросил, как зовут ее мужа. А звали его Алексеем Ивановичем -- дядей Лешей, и был он простым работягой на заводе. Ему около 60 лет, собирается на пенсию. Из-за чего напился, жена пояснить не могла, сотый раз повторяла, что пьяный он дурак, а из тверезого -- хоть веревки плети.

Как только я открыл скрипучую калитку и вошел вместе с женщиной во двор, тут же услышал грозный окрик:

-- Не входи, сука, убью!

Учитывая, что время ночное, я взял с собой фонарик, но и без того всюду светила луна и вокруг было светло и тепло. Кончался май-месяц, и было хорошо слышно, как где-то рядом в саду громко переливались соловьиные трели. Подумал: ведь и послушать соловья некогда, всё пьяными дядями Лешами приходится заниматься... По крику просек, что сидел он, согнувшись, на какой-то дровяной куче; рядом сарай, а в отдалении, почти в самом углу участка, скособоченный и без двери туалет. Двор был пуст, просвечивался луной, а мы стояли около калитки, как бы в тени дома, и дядя Леша мог нас и не видеть. Он еще раз пригрозил:

-- Не подходи -- взорву!

Стою и думаю: как бы узнать, чем же он хочет взорвать и как пьяного дядю Лешу можно успокоить? Спросил у жены.

-- Ясно чем, -- зло буркнула та. -- Дать еще выпить!

-- Так дайте, пусть выпьет, а потом разберемся, -- предложил я.

-- Нету у меня ничего, всё выжрал! -- сказала раздраженно жена. -- Да и не поверит он мне, -- добавила устало. Значит, надо придумывать что-то другое, стал размышлять я, стоя сбоку дома. Меня дядя Леша не видел, зато я его видел как на ладони. Но надо было действовать. Я еще разок специально поскрипел калиткой и громко крикнул:

-- Это я, дядь Леш, ваш участковый. Ты чего людям спать не даешь? Взрывать грозишься? Шутишь или в самом деле? Чем взорвать?

Ответа не было долго, потом услышал:

-- А ты, участковый, покажись на свет, дай на тебя поглядеть.

«Хорошо, что в форме приехал, вон как обернулось», -- подумал я, выйдя из тени. Пока мужик меня разглядывал, я шепнул хозяйке:

-- Буду уговаривать, так не мешай и со всем соглашайся. -- Понимал, что разбушевавшийся хозяин зол на нее за то, что не дала денег на спиртное. С этого, собственно, и разгорелся сыр-бор. Было слышно, как дядя Леша бурчал,

грозя жене, что отметелит ее, побьет, порежет, ну и опять -- взорвет. Обзывал ее разными нецензурными словами. Я пока не перебивал, пускай выговорится. Заметил, что моему появлению он даже чуть ли не обрадовался: есть теперь кому пожаловаться на жену, которая его не понимает.

-- Так чем взорвешь-то? -- вновь крикнул я. -- Или шутишь?

-- Не шучу, у меня граната, -- услышал ответ.

-- Какая?

-- Лимонка.

-- Где взял?

-- Не помню...

«Всё он помнит, но не хочет говорить», -- подумалось мне. В Северном районе города, там, где шли жестокие бои с немцами, находили столько всякого оружия, что не сосчитать: и пулеметы, и автоматы, винтовки, гранаты, снаряды, патроны разных калибров. Оружие искали с помощью острых шомполов в земле, потом выкапывали и приводили в должный вид. Значит, и дядя Леша купил лимонку у кого-то из таких копачей, на всякий случай, а может, и сам нашел. Не исключено, прячет и еще какое оружие -- проверить потом надо. Но что же делать? Ведь по пьяни может запросто и сам подорваться. Думать надо, думать... Жена сказала, что никакая у него не граната, а небось кусок железа с завода припер. «Небось»... А если граната? Уж тогда не сошлешь-ся на небось. Надо проверить, должен же он знать, из чего состоит граната.

-- А чека-то у гранаты на месте? -- кричу.

-- Была, да уронил куда-то... -- послышалось с дровяной кучи. -- Можга, в дрова упала...

Ничего себе, «можга, в дрова!..» Значит, чеку выдернул и сидит с зажатой в кулаке гранатой? Рванет же, если забудется и разожмет ладонь.

-- Ну а где сама граната? -- уточняю.

-- В кулаке она. Рука аж занемела! Щас брошу куда-нибудь...

Вот это номер!.. И куда же он ее бросать собрался?..

А дядя Леша опять загудел на жену, грозя ей и обзывая по-всякости. Я палец к губам -- ей, молчи, мол. А сам говорю:

-- Да не ругай ты ее, она и так, бедная, плачет. Говорит, сама бы с тобой пивка попила. Я обещаю, что не трону и пивка достану. Соображаешь? Смотаюсь на пивзавод и куплю у охранников пяток бутылок.

-- Не брешешь? -- недоверчиво протянул дядя Леша.

-- Клянусь!

-- А куда же теперь гранату девать? -- поинтересовался он, и я растерянно завертел головой по сторонам. Без чеки ее придется только взрывать, но где? Справа и слева люди живут. Куда-то выходить -- вдруг споткнется, и тогда ему калпец. А если бросить в туалет? Стоит в отдалении, да и сам развальня-развальней. Авось новый потом сделает. Заинтересовавшись пивком, хозяин меж тем уже приставал с расспросами к жене:

-- Нюр, а Нюр, правда, участковый сказывал? А?

-- Правда-правда!

-- И ты попьешь?

-- Вместе попьем...

-- Дядь Леш, -- перебил я. -- Ты туалет свой видишь?

-- Ну-у?

-- Так вот, отойди к забору, где вишенка цветет, и как только я скажу «три», бросай гранату в туалет, а сам сразу падай на землю. Понял? Не стой, понял?

-- Понял-понял, -- прогудел дядя Леша.

Жену я попросил уйти от греха подальше, а сам, отойдя к забору и проследив, пока хозяин приблизится к вишенке, стал громко считать. Сказав «три», плюхнулся на землю. Жду взрыва, а его нет. Поднял голову:

-- Ну? Чего не бросаешь?

В ответ слышу:

-- Думаешь, так просто? Это тебе не мячик запустить.

-- В армии-то служил?

-- Служил, а гранату не бросал.

-- Хватит болтовней заниматься! При счете «три» бросай, а сам ложись, понял?

Я снова стал считать. Видел, как дядя Леша размахнулся и легко кинул гранату точно в открытый проход туалета. Когда прижался к земле, раздался глухой взрыв. Хозяин хоть и был пьян, но тоже вовремя распластался. Волна вонючего воздуха с «фрагментами» нечистот пронеслась по двору. Зажав нос, я выскочил на улицу -- слава богу, думал про себя. Ведь всякое могло случиться. Мог запросто и уснуть на куче дров с гранатой в кулаке. Как без чеки-то ее было бы взять?

Раздались хлопанья дверей разбуженных взрывом соседей и тревожные голоса:

-- Что громыхнуло?.. Откуда?..

Пришлось успокаивать народ. Попросил хозяйку позвать мужа и идти с ним в дом. Тот уже поднялся и, ворча, стряхивал с себя разлетевшиеся какашки. Я же поехал на машине за пивом. Раз обещал -- надо выполнять. Пиво привез, но с ними не пил. Этого еще не хватало. Но надо было видеть гордость дяди Леша, что пивом его с женой угостил сам участковый!

Концовка в этом деле была самой обычной. Приехав под утро в райотдел, я доложил дежурному, что с семейным конфликтом разобрался на месте. Об оружии у дядя Леша выяснил той же ночью. Кроме гранаты, которой он хотел поугатать жену, никакого оружия у него больше не было. Думаю, что не обманывал. Через неделю дядя Леша сделал новый туалет, о чем доложил при очередной нашей встрече. Меня теперь считал своим спасителем.

Вот так-то. Чего только не бывало в моей службе, а тот туалетный ночной запашок и соловьиное пение вспоминается до сих пор...

«Пачкун»

Мне иногда некоторые друзья-товарищи говорили, что я везунчик, что мне в раскрытии преступлений везет. Не согласен. Везет тому, кто много работает, а не поглядывает на часы: во сколько прийти на работу и во сколько уйти с нее. Вот таким оперативникам уж точно никогда не повезет. Я всегда говорил, что оперативник должен много двигаться и думать, думать, думать. Наверно, не случайно переделали поговорку: оперативника ноги кормят. В этой фразе большая доля истины.

У хорошего оперативника должна быть и хорошая действующая агентура

на обслуживаемом им участке -- его глаза и уши. Это я понял с самого начала своей работы и делал все для того, чтобы мои «глаза и уши» не только зорко видели и остро слышали, но и вовремя информировали меня о происходящих событиях. Есть немало оперативников, которые в работе с агентурой ленятся, редко с ними встречаются, не стараются агентов чем-то заинтересовать, проявить к ним внимание и даже угостить. Иногда те, кого считают отбросами общества, людьми без определенного места жительства, знают то, что нас как раз и интересуется, и при умном к ним подходе обязательно помогут. Без хорошей агентуры оперативнику работать просто невозможно. Это однозначно. Вот почему я сразу начал записывать в тетрадь все, что могло меня заинтересовать. Пусть не сейчас, не сразу, но когда-то уж точно пригодится. Свою работу в данном контексте я сравнивал с врачебной и вот почему. Врач подробно описывает состояние больного. Так почему же я должен знать об интересующем меня человеке лишь его паспортные данные? Это неправильно. Я должен знать как можно больше: где, с кем и на что он живет, чем конкретно занимается, его связи и т.д. Не надо выдумывать о человеке всякую всячину (вдруг да повезет) -- надо знать конкретно, точно. В единые рамки всё не вложишь, но смысл один -- по интересующему меня персонажу я должен владеть полной информацией. За годы работы в розыске база данных у меня была, скажу не хвалясь, отличная. Результаты по службе всегда считались примерными. И я каждый раз радовался, когда раскрывал какое-то запутанное преступление. Считал, что сделал для людей еще одно полезное дело, раз еще одним нераскрытым преступлением стало меньше. Очень хотел бы, чтобы мой опыт пригодился другим оперативникам.

Дальше я не буду рассказывать ни о выезде на место происшествия, ни о том, как раскрывалось какое-то дело. Просто расскажу об одном случае. В нем нет ничего интригующего и опасного, как в предыдущих рассказах, но, имея хорошую агентурную осведомленность, я помог знакомому сотруднику комитета госбезопасности сходу установить личность, которую он и его сослуживцы долго пытались установить и никак не могли этого сделать. Не смог бы и я, если бы, опять повторяюсь, не владел обстановкой на своем участке.

С этим парнем, Виктором, мы вместе осваивали на «Динамо» азы вольной борьбы. Он был на несколько лет постарше меня. Ну а дальше наши пути-дороги разошлись. После окончания школы милиции я стал работать оперуполномоченным в отделе милиции Советского района, а он -- в системе Комитета госбезопасности. Мы встретились и разговорились, поговорить было о чем. Я заметил, что обычно веселый и общительный Виктор чем-то расстроен. Спросил -- чем? И он рассказал, что уже долгое время они с коллегами по службе никак не могут установить личность человека, который в разных местах общественного пользования и вообще всюду где только можно пишет всякие гадости про Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева. Где только не бывали, с кем не встречались и кого только не спрашивали -- все бесполезно. Этот невидимка продолжал свое дело. Даже название этому писаке придумали -- «Пачкун».

-- Почему «Пачкун»? -- улыбнулся я.

-- Да говорю же, везде: на стенах домов, в проходных арках, в туалетах пишет всякую чушь про Горбачева!

-- А может, этим занимается не один, а несколько человек?

-- В том-то и дело, что один. Проведена графологическая экспертиза по всем «текстам», и результат таков, что пишет одно и то же лицо.

-- А что пишет-то? -- поинтересовался я.

-- Ха! -- усмехнулся Виктор. -- Всяко непотребно: «Горбача -- на мясо», «Горбач -- негодяй», «Меченого -- под пресс», ну и другое.

-- Да-а, -- хмыкнул я. -- И в самом деле есть над чем поломать голову... А хочешь, покажу тебе того, кто это делает?

-- Шутишь? -- даже с какой-то обидой поглядел на меня искатель «Пачкуна». -- А мне не до шуток. Каждый раз приходится отчитываться перед начальством и получать втыки. Ну ничего, найдем -- ему это просто так с рук не сойдет!..

Виктор продолжал возмущаться, а я вспомнил разговор с одним из моих агентов. Тот рассказал, что познакомился с одним интересным парнем -- Дроновым (фамилия изменена), который без правой руки вернулся из Афганистана. Парень неплохой, за участие в боевых действиях против моджахедов награжден орденом Красной Звезды.

Руку Дронов потерял в день Советской Армии -- 23 февраля 1985 года, когда его часть подняли по тревоге для перекрытия дороги одной банде. Как и все солдаты, Дронов ждал и надеялся, что вот-вот их подразделение выведут из Афганистана -- не вывели, а теперь еще и остался без руки. Вернувшись в Воронеж инвалидом, Дронов на льготных условиях поступил на юрфак университета. Но и тут у него не заладилось. Поступить-то поступил, но первую же сессию завалил, и его из университета отчислили. Оставшись не у дел, злой на всех и вся, а особенно на главного партийного деятеля страны Горбачева, который вовремя не вывел войска из Афганистана и он из-за этого стал инвалидом, а также за отчисление, Дронов поздними вечерами, а то и ночью стал ходить по улицам и писать свои лаконичные проклятья Горбачеву.

Обо всем этом мой агент рассказал подробно. Я его выслушал, а потом кратко записал в тетрадь про беды однорукого солдата и его адрес. А жил он на улице Комарова. У меня, оказывается, имелся даже номер телефона его старшего брата, которого я знал раньше. Вот ведь как порой случается. Дождавшись, когда Виктор наконец-то выговорится, я спросил:

-- Всё сказал?

-- Всё! -- выдохнул тот.

-- Тогда слушай: сейчас я вызову человека, который по стечению разных обстоятельств занимался писаниной, и ты удостоверись, что делал это именно он. Пока будем ждать, расскажу тебе историю его жизни. Только прошу: будь с ним полаяльней, не дави на психику. -- Позвонил брату Дронова и попросил, чтобы он передал своему младшему срочно подойти ко мне. Тот поинтересовался, в чем дело. Я же его успокоил: ничего страшного. Пока ждали прихода младшего Дронова, я рассказал то, что знал о нем. И гляжу -- мнение о «Пачкуне» у Виктора стало меняться.

-- Да-а, выходит, не повезло парню, -- сказал он, уже сожалеючи. -- Но почему из университета отчислили? Тут-то уж наверняка сам виноват?

-- Так-то оно так, учиться за него никто не станет, -- кивнул я, не зная, почему Дронов полностью завалил первую же сессию. Думаю, уровень подготовки у него был слабый, а требования на юрфаке ко всем общие, жесткие. Предложил еще разок попытаться протолкнуть Дронова в университет: может,

учтет свои прежние ошибки и все-таки получит специальность юриста. Долго спорили, как это лучше сделать и в чем будет заключаться наша поддержка. В конце концов пришли к выводу, что дело, в общем-то, полезное со всех сторон: Дронов продолжит учебу, а заодно даст слово, что прекратит писать на Горбачева всякую всячину. Пока определялись, как лучше поступить и кого потом подключить к восстановлению Дронова в университете, позвонил дежурный и сказал, что ко мне по вызову пришел инвалид.

-- Явился наш писака, -- сказал я и поднялся, чтобы его встретить, но Дронов уже постучал в дверь и вошел.

-- По вашему приказанию инвалид Дронов прибыл! -- отчеканил он по-военному и даже чуть приподнял правую руку.

Павел был выше среднего роста, спортивного телосложения, симпатичный брюнет. Я знал, что до службы в армии он довольно успешно занимался боксом. Бросил взгляд на его руки: вместо правой протез, а там, где ладонь -- перчатка. Этой рукой он и пытался нас поприветствовать, но не получилось. Опустил глаза.

-- Да вы садитесь, садитесь, Павел, -- сказал я и пододвинул ему стул. Дронов сел и вопросительно уставился на нас. Виктор кивнул мне -- давай, мол, выясняй. Я не стал тянуть и спросил без всяких вихляний, напрямую:

-- Скажите, Павел, это вы мелом пишете по городу про Горбачева?

-- Ну я... -- ответил он после некоторого молчания.

-- Назовите места, где вы писали, -- предложил Виктор, не ожидавший такого быстрого признания. Он еще сомневался, думал, что я над ним подшутил. Но Павел назвал почти все места, где оставил свои «автографы», и даже сказал, что именно и где было написано. Про несколько точек он забыл, но когда напомнили, подтвердил, что и там тоже его работа.

-- Но зачем вы это делали?! Ведь это же не лезет ни в какие ворота! -- возмутился Виктор.

-- Я из-за него руку в Афгане потерял! -- озлился и Дронов. -- Только и знает что без умолку болтать. Лучше б войска из Афгана вовремя вывел. Так все ждали, так ждали!.. -- В общем, Павел завелся и пошел долбать Горбачева за все его ошибки.

-- Ты чего несешь, Дронов? Ты соображаешь, чего городишь? Он же наш Генеральный секретарь! -- попытался как-то образумить его Виктор.

-- А мне плевать! -- огрызнулся Павел. -- Вот вы его защищаете, а народу он поперек горла. Выйдите на улицу и спросите -- вам скажут. Не любит народ Горбача за болтовню!..

...Ну, думаю, надо как-то выкруливаться к тому, о чем до этого говорили с Виктором. Ведь все равно от этой перепалки никакого толка не будет. Что можно сделать с озлобившимся инвалидом войны? Да ничего. Его сколько ни убеждай -- не убедишь, сколько ни грози -- не запугаешь. Поэтому наш дальнейший разговор во всех подробностях приводить не считаю нужным. Тот план, который мы приняли до встречи с Дроновым, оказался единственно верным. В конечном итоге мы пообещали Павлу оказать содействие в его восстановлении на учебу в университете, а он твердо пообещал, что больше никаких надписей, порочащих Горбачева, не будет. Свое слово мы сдержали: Дронова восстановили на юрфак. Сдержал свое слово и он, Павел Дронов: надписей против Горбачева нигде больше не появлялось.

Борьба с «джигитом»

Я был назначен на должность старшего участкового инспектора отдела милиции Центрального района. Моим штабом работы был опорный пункт охраны правопорядка, располагавшийся на улице Ломоносова дом N 92. Вместе со мной работали участковые инспекторы Беляев Александр Петрович и Бабаев Владимир Иванович, сотрудники опытные и старательные. В зону моего обслуживания входили лесной поселок, Дом престарелых, санаторий имени Максима Горького, несколько общежитий лесотехнического института и другие объекты. Мне как старшему участковому по должности приходилось отвечать за улицы и объекты, которые обслуживались Беляевым и Бабаевым. А участок сложный. В нем было одних только студенческих общежитий -- девять, десятки улиц частного сектора. Много беспокойства доставляла студенческая молодежь лесотехнического и сельскохозяйственного институтов. Первое время я, как и положено, изучал не только свою зону обслуживания, но и зоны участков Беляева и Бабаева. На работе пропадал целыми сутками. Не всегда все проходило гладко, и порой приходилось выкручиваться. Расскажу об одном таком случае. Я с Беляевым и Бабаевым знакомился с работой общежитий ЛТИ. В общежитие N 6 зашли после одиннадцати часов ночи. Меня интересовало, как обеспечивался порядок проживания студентов именно в позднее время. И что же увидел: почти на каждом этаже у студентов застолье и веселье. Мы заходили в комнаты, я представлялся как новый старший участковый инспектор, просил объяснить, в связи с чем проводится вечеринка с выпивкой. Оправдания, как всегда, находились.

Студенты, правда, перед нами извинялись, и веселье прекращалось. Но так гладко проходило не везде. На каком-то этаже всю гульбанули студенты-кавказцы. Шел, что называется, пир горой, а шум и крики из этой комнаты раздавались по всему этажу. И -- это почти полночь, а утром студентам идти на занятия. Спрашиваю Беляева, так как раньше он обслуживал это общежитие, часто ли подобные веселья случались? Ответил как-то двусмысленно: мол, видно, у кого-то день рождения, пускай, мол, джигиты погуляют... Такой ответ мне не понравился. Вошли в комнату, а там за столами человек под тридцать. Увидев нас, стали гостеприимно приглашать к столу, а на мое замечание, что мешают людям отдыхать, реакция была совсем не такой, какой должна быть. Один из собравшейся братвы, видно, пользовавшийся у всех авторитетом, вальяжно и даже с нагловатой улыбочкой сказал:

-- А вы скажите, кому мешаем. Мы сами с ними разберемся.

В общем, на мое замечание никакой реакции. Тут еще Беляев на ухо нашептывает: да пускай, мол, ребята повеселятся. Вот эту слабинку бывшего участкового кавказцы, похоже, давно поняли и привыкли к тому, что им все дозволено. Жаловаться же на них студенты просто боялись, так как были разобщены и могли получить по шее от сплоченных кавказцев. Поэтому старались в соблюдение порядка, а точнее в его несоблюдение не вмешиваться.

Я еще раз, уже более требовательно, сказал, чтобы сабантуй прекратили и дали людям нормально отдохнуть.

Под одобрителный гул друзей «главный» вновь стал меня убеждать, что они тут сами разберутся и поговорят с теми, кому мешают.

Меня это зацепило. На нас, работников правопорядка, они попросту плю-

ют! Видите ли, они сами разберутся, а пока что хотят, то и творят!

-- Да кто же вам дал такое право -- самим тут разбираться? -- сказал я, стараясь держаться спокойно. -- Кто позволил нарушать распорядок проживания в общежитии? Сказано, кончайте, вот и кончайте!

Смотрю, кавказец тоже завелся. Он-то думал, что пригласит ментов за стол, выпьют вместе вина и никаких тебе проблем. Ведь так всегда и было. А этот новый участковый прицепился как репей и не отстает. Сказал он со злостью:

-- Уж слишком вы смелый и непослушный... Милицейскую форму натянули на себя, а без нее тоже побоялись бы зайти. -- И засмеялся. Засмеялись и его дружки. Смотрят, ждут, что же дальше будет.

Можно было бы пойти на обострение, но я этого не сделал.

-- Не знаю, как вас зовут, -- сказал я. -- Но милицейскую форму не вы мне давали и я не хочу этот вопрос обсуждать. Думаю, что ваши друзья это правильно поймут.

Мои коллеги Беляев и Бабаев молчат и переминаются с ноги на ногу. Я понял, что кавказцы и не думают сворачивать свое ночное гульбище. Ах, думаю, наглец, еще и форму мою милицейскую цепляет, страшает, что без формы-то я струсил бы.

-- А я вот смотрю и диву даюсь, -- отвечаю. -- Вы такой смелый и накачанный, что даже работник милиции вам нипочем. Может, померимся силой, а? Могу и побороться, на Кавказе любят заниматься борьбой.

-- Ха-ха, с работником милиции бороться! -- воскликнул кавказец. -- Нет, не пойдет. Вдруг да что-нибудь поломаю, отвечай потом. -- Ребяшня загудела. Такого предложения от меня они явно не ожидали. Мне было понятно, что кавказец, видно, борьбой занимался и безусловно силен. Ах, как ему хотелось проучить этого настырного участкового! Что-то закурлыкали на своем языке, то и дело хохоча и восклицая. Бабаев сбоку меня толкнул:

-- Не вздумай бороться! Им только этого и надо. Пошли на следующий этаж, а их предупредим, что зайдем через часок.

Не-ет, думаю, если сейчас пойду на попятную, то этот парень, да и все, кто здесь собрался, будут считать, что и нового участкового обломали. Слух моментально разлетится среди студентов, и уж тогда точно кавказцы еще больший верх возьмут. Почему бы и не побороться? Сбоку от общежития хорошая спортплощадка, есть свет, вот там и проверим, кто из нас сильнее. Если «джигита» смущает милицейская форма и он боится, как бы мне что-то не поломать, так как отвечать же потом придется, заявлю при всех, что форму сниму и жаловаться ни на кого не буду. И сказал кавказцам все, что думал. Как же все разом изменилось, как совсем по-другому повели себя те, кто только что с каким-то не то что пренебрежением, но уж точно неуважением смотрел на меня и моих товарищей по службе. Я только сказал им, чтоб шли не балаганом, а тихонько и никого не разбудили. Надо было видеть, как они послушно, чуть не на цыпочках выходили из общежития.

Пришли на площадку, нашли местечко, где решили бороться. Я скинул китель и отдал его подержать Беляеву. Брюки снимать не стал, а зря. Они были чуть-чуть узковаты и при резком движении могли порваться. Мои коллеги ворчат: им непонятен мой замысел, да и волновались, вдруг победит кавказец. Риск, конечно, был, но кто не рискует, тот и не побеждает. А кавказцы кто

по-своему, кто по-русски лопочут, радуются предстоящему зрелищу. Они-то уверены, что их друг победит. Мой противник приготовился к правилам вольной борьбы, как с ним договорились. И вот мы наконец встали друг против друга. На всякий случай я еще раз предупредил собравшихся, чтобы не было громких возгласов и криков, ночь все-таки -- не день.

Бороться начал решительно, как когда-то учили. Сумев крепко обхватить противника чуть ниже поясницы, я его приподнял и бузанул спиной об землю. Он, видимо, такого профессионального приема не ожидал, но тотчас вскочил и вновь бросился ко мне. Я опять, малость с ним повозившись, прочно обхватил руками и, приземлив спиной, прижал своим телом к земле. Победа стопроцентная. Собравшиеся вокруг только охали и ахали. А вот брюки-то надо было все-таки снять. Когда во второй раз прижимал кавказца к земле, они, как и предполагал, расползлись по шву. Можно б было попросить у кого-то для борьбы тянучки. Но что теперь об этом, главное свершилось, и я победил настырного кавказца. Победил на глазах его друзей -- тут уж не скроешь. Расцепив руки, встал. И, ей-богу, не ожидал, что побежденный бросится на меня драться. Пришлось немного позащитаться, а потом, тут уж было не до шуток, я, скрутив ему назад руки, спокойно спросил:

-- Ну что -- ломать?

Но этого я, конечно, позволить себя не мог. И надо было видеть, как после схватки переживал кавказец. Он бросился на траву, хватал горстями землю и грыз ее зубами. Однако каких-то обид ко мне как от него, так и от его друзей не было. Скажу честно, что после того ночного случая, я стал у этих ребят авторитетным милиционером. Будет и еще один эпизод с кавказцами, о котором я сейчас расскажу, но там были больше виноваты наши местные студенты.

Драка не состоялась

Обстановка в 1991 году в Воронеже, насколько я помню, была сложной и порой непредсказуемой как в политическом, так и общественно-бытовом плане. Это был период какого-то безвластия, брожения, когда всюду проходили шествия, митинги, собрания и крикуны прорывались к власти. Единственной силой, на мой взгляд, которая в то время обеспечивала должный правопорядок, была милиция. Милицию население побаивалось, и она безусловно играла положительную, сдерживающую роль. О том непрестом времени в моей памяти отложилось несколько эпизодов. Вот один из них.

В то время я работал старшим участковым инспектором, и наш опорный пункт, как уже раньше говорил, располагался в общежитии сельскохозяйственного института по улице Ломоносова. Был конец августа 1991 года. Перед началом учебного года в сельскохозяйственный, лесотехнический и другие институты съезжалась после летних каникул студенческая молодежь. Студенты встречались в общежитиях, велись разговоры об отдыхе, учебе, о жизни, а вечером -- танцы на дискотеках. В двух названных мной институтах в то время обучалось немало студентов кавказских национальностей. Много кавказцев проживало и в общежитиях, которые входили в зону моего милицейского обслуживания. Трудно сказать, когда и с чего началось нездоровое противостояние между русскими и кавказскими студентами. Видимо, оно назревало и как больной нарыв должно было вот-вот прорваться. Последний такой кон-

фликт произошел во время танцев на дискотеке «Околица» в 35-й столовой.

Основу конфликта составил, в общем-то, можно сказать, спор: кто (русские или кавказцы) умнее, круче, блатней? Подобных слов нетрудно подобрать и еще, но смысл один -- кто в молодежной среде должен верховодить? Кавказцы явно этого добивались, но не хотели уступать первенства и местные студенты, особенно те, что обучались на факультете механизации сельскохозяйственного института. Ребята там подобрались в основном из сельской местности: крепкие, работяги, и за себя постоять они могли. Несмотря на то, что русских в происходивших локальных стычках, ссорах и разборках было большинство, кавказцы уступать никак не хотели, держались организованно, слитно, поддерживали связь со своими земляками из других институтов. И наконец долго зревший нарыв -- лопнул. Были определены место, день и час, когда в районе санатория имени Максима Горького должны были встретиться две противостоящие друг другу силы и расставить все точки над «і». Я же узнал об этом от одного студента, который зашел в наш опорный пункт и рассказал обо всей этой катавасии. Сколько человек должно собраться для выяснения обстоятельств, а точнее для драки, студент не знал, да и точное место сбора назвать не мог. Плохо, что я и другие работники милиции об этом узнали так поздно. Хотя я работать в этом микрорайоне стал совсем недавно, но ответственность с себя нисколько не снимал. О ссоре на танцах в 35-й столовой между студентами факультета механизации СХИ и студентами-кавказцами с других факультетов я узнал и решил с этим срочно разобраться, но не успел. Теперь коротко о том, как развивались события дальше и чем все это закончилось.

В опорном пункте кроме меня были в то самое время участковые инспектора Александр Петрович Беляев и Владимир Иванович Бабаев. Они слышали, о чем рассказал студент, и мы без лишних разговоров все трое вышли на улицу, сели в мою машину и поехали к санаторию имени Горького.

По пути обсуждали предстоящее событие. Главное -- сколько ж собралось студентов и как дальше эта ситуация будет развиваться? А может, драка уже началась? Вдруг да у кого-то окажется оружие или пойдут в ход ножи?.. Страшно представить. И как нам-то себя вести в этой обстановке? Может, следовало прежде чем ехать позвонить дежурному по райотделу? А если на месте сбора нет ничего серьезного, да и вообще никакого сбора нет, а нас просто ввели в заблуждение? Уж если что, то сообщить в райотдел успеем. Так порешили мы между собой, проезжая гостиницу профсоюзов. Потом спустились вниз. С правой стороны открылась ровная площадка, с левой -- два больших взгорка, разделенных между собой неглубокой ложбиной. Ложбина покрыта густым кустарником. Взгорки не слишком крутые, от подножья до верхушек ни кустика, ни деревца, а вот дальше вперемежку начинаются сосны, дубы и другие деревья. Спускаясь вниз, мы еще издали слышали несущиеся со взгорков громкие крики и возгласы молодых людей. То ли Беляев, то ли Бабаев охнул:

-- Да их тут целая прорва -- тьма-тьмущая!

Я специально подробно обрисовал место, где собрались студенты для своих разборок, чтобы вам стало ясно: мы оказались в весьма невыгодном положении. Остановил машину как раз напротив ложбины, разделяющей взгорки: на одном из них были, скажем так, кавказцы, а на другом -- русские. Когда вышли из машины, крики и улюлюканье резанули уши, пожалуй, громче, чем

бывает на стадионе при жарком футбольном матче. Огляделись, поняли, что драки еще не было. Прикинул, сколько же с двух сторон собралось народу. Кавказцев, как мне показалось, было человек пятьдесят, а русских раза в два больше. Может, я еще и не всех увидел, так как часть парней могла прятаться в лесочке. И собрались с обеих сторон безусловно далеко не хилые ребята.

Я уже поругал себя, что перед выездом не позвонил таки в райотдел. Но теперь ругай не ругай, а делу не поможешь, да и уехать нельзя -- это только еще больше подогреет конфликт и уж точно спровоцирует драку. И кто тогда ответит за ее последствия, которые могут быть очень тяжелыми?

Я старший, мне и принимать решение. Мои товарищи ждут. А крики, возгласы, галдеж понеслись с новой силой. Слышу, как громко кричат -- и с той и с другой стороны: «Менты, во-он отсюда!.. Не бойтесь ментов!.. Мы их затопчем!..» Мы внизу, драчуны -- наверху. Передние из них начали размахивать цепями, колами, палками, всем, что у кого было в руках, и медленно спускаться вниз. Мысли скачут как зайцы, а в голову почему-то пришли кадры из кинофильма «Чапаев» -- та незабываемая психическая атака каппелевцев. Ведь и сейчас было психологическое давление драчунов на нас, троих милиционеров: мол, убирайтесь отсюда, пока и вам не накондыляли! Хотели нас запугать.

Я поднял руку, и всеобщий гам хоть и на немного, но притих. Громко, так, чтобы было слышно всем, прокричал:

-- Предупреждаю, если будете драться -- применим оружие! -- Повторил еще и еще раз. Потом сказал, что подстрекатели будут немедленно изолированы. Попросил участковых достать пистолеты. Те мое приказание выполнили.

«Атака» разгоряченных драчунов несколько замедлилась, но потом вновь продолжилась, а крики и призывы стали еще громче и воинственней. Цепи спускались все ниже и ниже, до нас оставалось каких-то метров тридцать, не больше. Особенно выделялся своими выкриками один из русских ребят. Был он в красной футболке, рослый, крепкий, его голос перекрывал другие крики. Вот он-то, как я понял, и был главным заводилой.

-- Не бойтесь ментов! -- кричал он. -- Они уже в штаны наложили!.. Будем лупить и их вместе с кавказцами!.. Смелей, не трусьте!..

Обстановка накалялась. Конечно же, мы не думали отступить и, в крайнем случае, если бы на нас набросилась толпа с кольями и цепями, применили табельное оружие. Но этого не произошло. Бывает же, что иногда вдруг неожиданно везет, вот и нам в тот раз повезло. К нам подъехала машина вневедомственной охраны, причем с пульта, который располагался рядом с нами. Мы этих ребят знали. В машине были водитель и два автоматчика. Они ехали по своим служебным делам и оказались здесь как нельзя кстати. Криков и всякого гвалта со стороны спускавшихся поубавилось, цепи все ближе и ближе. Бузотер в красной футболке не умолкал, его призывы перекрывали другие голоса: «Кого боитесь!.. Да мы их!..» Так и спускались вниз две противостоящие группы возбужденных молодых людей, провоцируя друг друга на драку.

-- Да вы их боитесь! -- кричали с одной стороны.

-- Нет, это вы их боитесь! -- отвечали с другой.

Я принимаю решение и говорю старшему из подъехавшей машины:

-- Видишь вон того крикуна в красной футболке?

-- Вижу, -- отвечает он. -- И что?

-- Как только скомандую -- поверх его головы дай очередь из автомата, а потом добавьте еще одиночными.

-- А дальше? -- спрашивает он.

-- Ты их положи, -- поясняю, -- а я тем временем добегу до этого горлопана и притащу в машину.

Кто-то из охранников засомневался:

-- Да они тебя там колами забьют.

-- А это мы еще посмотрим, -- ответил я и громко, насколько хватило голоса, завопил, показывая рукой на бузотера: -- Вон того, в красной футболке, пристрели!.. Пристрели!.. -- И рванул на взгорок к тому самому заводу, не дожидаясь, когда прострочит очередь из автомата.

Как я и предполагал, все парни сразу же залегли. Бросился на землю и заводила. В несколько прыжков я оказался рядом с ним. Как и было договорено, раздались еще несколько одиночных выстрелов. Этого было достаточно, чтобы сбить с драчунов спесь и заставить их лежать на земле. Парень в красной футболке довольно крепок и силен. Вскочив на ноги, он бросился на меня с кулаками, но со мной-то такие штучки не проходят. Я его сходу вырубил, свалил, схватил за пояс и мы вместе покатались вниз. Буквально за пару минут, не больше, основной зачинщик готовящейся драки был от всех изолирован и уже сидел в наручниках в машине.

Да-а, мне эти минуты дались непросто. Я тяжело дышал и смотрел на взгорок, куда только что тигром бросился «на штурм». Успел, слава богу, успел...

Теперь уж не помню кто протяжно закричал:

-- О-мо-он! Оо-мон!..

Но ОМОНа еще не было. Он прибудет чуть позже. Это подъехала машина с дежурным нарядом из райотдела. Наряд был вызван по рации, пока мы определялись и решали, что и как предпринять. Но этого крика оказалось достаточно, чтобы драчуны с обеих стороны бросились врассыпную в сторону леса. Потом подъехал ОМОН и началось вылавливание замешкавшихся. Кое-кого успели задержать.

По данному факту было возбуждено уголовное дело по 206-й статье УК. Я и мои коллеги -- участковые инспектора милиции А.П. Беляев и В.И. Бабаев, помогали выявлять зачинщиков намечавшейся драки, которая, к счастью, так и не состоялась.

Я часто спрашиваю себя, а правильно ли поступил, когда стал кричать -- пристрели того, что в красной майке? Ясно, что никто стрелять в него не собирался. Это был ход, и этот ход позволил нам изолировать активного зачинщика массовой драки, которая, если бы состоялась, могла принести тяжелые последствия. Драки не было, и это самое главное. Значит, выход из трудного положения мной был выбран правильный.

... В процессе работы старшим участковым в микрорайоне СХИ у меня сложились хорошие взаимоотношения с руководством сельскохозяйственного и лесотехнического институтов. Ректоры Шевченко и Попов безотказно помогали мне во всем. Обычно на нарушителей правопорядка мы составляли протоколы: один экземпляр отправляли в отдел милиции, а копию передавали в ректорат. Нарушителям легче было понести наказание рублем, чем отвечать перед товарищами в своем коллективе. Спрос с них здесь был жестким, и

тех, кто не исправлялся, нередко отчисляли из института. Работников милиции, тем более участковых, в то время побаивались. Кстати, и мы не стояли в стороне от институтской жизни. Я, к примеру, принимал участие в межвузовских соревнованиях студентов по вольной борьбе и не раз занимал призовые места. Проректор ЛТИ по хозяйственной части Гончаров когда-то вместе со мной занимался борьбой в обществе «Динамо» и в должности проректора института оказывал мне всяческую помощь. Активно влиял на улучшение работы со студенческой молодежью ректор ЛТИ Попов. Сам выпускник института, он вникал во все сферы жизни студентов, и от него я всегда получал необходимую помощь.

Кстати, тот кавказец, с которым я боролся ночью, оказался хорошим парнем и позже был ко мне исключительно вежлив. Он, конечно же, узнал, что я занимал высокие призовые места и являлся мастером спорта по вольной борьбе. Как-то встретившись, спросил его, чем занимается в свободное от учебы время. Ответил, что увлекается борьбой. Мне это услышать было приятно. Выходит, моя победа в ту ночь не прошла для него даром.

Схватка с «бакланами»

В начале 90-х годов прошлого века была заметна слабость местной власти. Сотрудники милиции ощущали это в своей работе. Когда в стране раздраз, обычно начинают себя проявлять разные паразитирующие и хулиганствующие элементы. Своими противоправными действиями они вносят в общественную жизнь населения нервозность и сумятицу. Мне запомнился случай, который произошел с сотрудниками известной в то время телепередачи «Взгляд» телекомпании Центрального телевидения, свидетелем которого я был лично.

Это случилось в июне 1990 года. Телевизионщики вели на проспекте Революции съемки, посвященные, насколько помню, теме «Вечерний Воронеж». Неожиданно группа молодежи из пяти человек стала им всячески мешать. Таких ребят я называю «бакланами». Эти молодчики приставали к телевизионщикам, отнимали у них камеру, требовали, чтобы снимали их, в общем, мешали работать.

Кто-то позвонил в дежурную часть Центрального РОВД. В тот день я как раз дежурил в составе оперативной группы. Дежурный отдела попросил меня проехать к Центральному универмагу и разобраться с тем, что там происходит. С водителем Бочаровым мы немедленно выехали к ЦУМу. Нас встретил сотрудник Воронежского телевидения Николай Колтаков и в общих чертах обрисовал, что произошло. Оказалось, к тому времени хулиганы уже ушли в сторону Дома офицеров. Вместе с Колтаковым пошли туда: опыт подсказывал, что «бакланы» вряд ли успокоятся. Хотел предупредить ребят, чтобы не нарушали общественный порядок. Мы увидели их в летнем кафе «Лада», что располагалось напротив Дома офицеров. Они сидели за двумя столиками и были явно навеселе. Было жарко, я снял китель и находился в форменной рубашке. Подойдя к столикам, за которыми шел громкий разговор, я успел сказать всего лишь несколько слов:

– Ребята! Вы выпили, но ведите себя прилично. Не мешайте людям...

И вдруг почувствовал сзади, под левой лопаткой, резкую боль. Рука слов-

но налилась свинцом. Я круто обернулся и увидел стоящего напротив молодого человека с ножом в одной руке и поднятой бутылкой -- в другой. Парень был на голову выше меня и физически довольно крепок. И он бутылкой -- трах меня по голове. Удар был сильным, рассек кожу, и я почувствовал, как по шее поползла струйка крови. Увернуться же от удара бутылкой я не мог: взгляд был прикован к руке с ножом, каким он только что полоснул меня сзади. Я разозлился и, выбив у противника нож, схватил его, приподнял и шматанул об землю. Потом навалился и начал заламывать ему руки. Но парень пытался вывернуться, и удерживать его становилось все трудней: сказывалась боль и потеря крови из рассеченной головы и ножевой раны. А тут еще налетела его братва и стала своего друга отбивать: меня били руками, пинали ногами. Я искал глазами водителя Бочарова, который мог бы прикрыть меня сзади, но так и не увидел его. Тот, кого я прижимал к земле, наконец с помощью друзей вывернулся, и вся шарага бегом рванула в сквер Дома офицеров. Я поднялся и стал приводить себя в порядок. Мой внешний вид был далеко не привлекателен: кровь на голове и спине, порванная рубашка, чего же тут хорошего? В подобных ситуациях меня больше всего раздражала и раздражает толпа зевак. Когда пьяные молодчики лупили меня кулаками и пинали ногами, никто из окружавших этого будто не видел и в защиту меня, капитана милиции, даже пальцем не шевельнул. А как сволочи дали деру, сердобольные тут как тут облепили со всех сторон и заохали, запричитали, чтобы я не бросался за ними вдогонку, так как их много, а я один. Раздавались голоса:

-- Вызовите скорую! Где тут телефон? Куда подевалась милиция?..

И все же я вырвался от обступивших радетелей и побежал через дорогу, чуть не попав при этом под машину, догонять убежавших хулиганов. Спешил догнать того самого, который пырнул меня ножом и стукнул бутылкой. Они убежали всего лишь на одну-две минуты раньше. «Успею, -- думал я. -- Главное угадать, куда побежали...»

Это был бег с остановками. Я не мог знать, а только догадывался, куда драпанула пьяная кампания. А ведь они могли и разбежаться в разные стороны.

Проскочив сквер Дома офицеров, вылетел на улицу Фридриха Энгельса и в кратком раздумье остановился. Куда дальше? Прямо к улице Никитинской или свернуть направо к Комиссаржевской? А может, повернуть налево, в сторону улицы Карла Маркса? На раздумья времени в обрез, и я свернул налево -- к улице Карла Маркса. Фигура того, кто меня поранил, мелькнула около шахматного клуба и тут же скрылась.

Слава богу -- не ошибся! Прибавил ходу. Видел, как люди останавливались, устремляя на меня удивленные вопрошающие взгляды. Но не объяснять же каждому, что со мной случилось, надо спешить. Моя цель -- догнать того, кто без всякой причины применил против меня холодное оружие. В голове стучало, давала о себе знать боль, полученная от удара ножом, но об этом ли думать? Мысли совсем о другом. Побежит ли «баклан» к проспекту Революции или повернет в сторону Кольцовской улицы? Я повернул к Кольцовской и вновь не ошибся. Там, в районе пятиэтажек, недалеко от Дворца спорта «Юбилейный», увидел беглеца и стал настигать. Когда он запрыгнул на крышу гаража и схватил металлический прут, я понял, что драки не миновать.

...На данное происшествие я выехал без табельного оружия. Так получилось. Полагал, что и без оружия образумлю нарушителей. Приходилось бы-

вать в ситуациях куда более крутых, чем в этот раз, но оружия никогда не применял: считал, что у меня и так хватает силы, ловкости и природной смекалки.

Спокойно подхожу к гаражу. Таких тут было несколько. По ним можно убежать и перепрыгнуть через забор, а там территория небольшого заводика, расположившегося рядом с колючей оградой следственного изолятора. «Баклан», поигрывая прутом, с усмешкой смотрит на меня, а я смотрю на него и думаю: здоровый, ничего не скажешь, на нем бы пахать да пахать. Зачем же поднял руку на сотрудника милиции? Неужели думал меня запугать?.. Представился, назвал свою должность, фамилию, имя и отчество. Но его мое официальное представление, видимо, совсем не заинтересовало. С явным пренебрежением он процедил:

-- Ну чё, чё ты мне сделаешь?.. -- И назвал крупного чина, который поможет его защитить. И вновь этак пренебрежительно: -- Скажи спасибо, что в кафежке промахнулся, а то лежать бы тебе там... -- Как бы утрашая, достал нож, повертел в руках, потом засунул обратно в карман.

-- Спустишь вниз и сдай нож, иначе хуже будет, -- предупредил я «баклана».

-- Ха-ха! -- услышал в ответ. -- А ты попробуй возьми!

Ну, малый совсем оборзел, не понимает, что творит и какие могут быть потом последствия.

-- Учти,-- сказал я, -- ты от меня не уйдешь. Все равно найду и как миленький предстанешь перед судом. Сказал и спокойненько так стал отходить. А потом резко развернулся и что было сил бегом к гаражу. Оттолкнувшись от земли, запрыгнул на крышу, сходу приемом самбо выбил из руки мерзавца прут, свалил его и стал заламывать руки. Теперь, думаю, уж точно не вырвешься.

Борясь, мы покатались по крыше вниз и свалились на землю. Мне удалось скрутить ему руки. Эту борьбу видела из окна какая-то женщина и вызвала по «02» наряд милиции. По телефону она, не разобравшись в происшедшем, заявила, что какой-то милиционер избивает гражданина. А меня уже разыскивали, поэтому к месту задержания «баклана» прибыли сразу два наряда. Но еще до приезда машин задержанный уже сам рассказал мне, кто он и откуда, а также назвал фамилии своих дружков. Все они, как оказалось, проживали на улице 9 Января. Фамилия главного зачинщика беспорядков -- Михайлов (изменена). Когда его доставили в дежурную часть, он оформил явку с повинной. Да, у него был изъят и нож, которым он меня поранил. Затем в сопровождении работника милиции его отправили в медицинское учреждение: у него после нашей схватки и падения с крыши гаража были травмированы рука и нога. А со следующего дня Михайловым стал заниматься сотрудник прокуратуры. Я тоже прошел медосмотр в больнице скорой помощи. Мне наложили швы и повязки на пораненные голову и плечо.

Свой рассказ я начал с того, что время было сложным и работать милиции было тогда непросто. И вот этого Михайлова, несмотря на его агрессивность и применение холодного оружия к сотруднику милиции, не арестовали, так как у него и в самом деле нашлись высокие покровители. Но несмотря на то, что он находился на свободе, -- дома не ночевал, а первое время где-то скрывался. Мне говорили, что якобы боялся встречи со мной: ему будто бы сказали, что я его разыскиваю. Может, из-за этого (не хотелось бы верить) Ми-

хайлов вскоре угнал автомашину и совершил на ней дорожно-транспортное происшествие, после чего был задержан и арестован. Михайлова за его «подвиги» суд приговорил к 5 годам лишения свободы, а его дружков -- к 4 годам условно.

От того суда у меня остались не совсем приятные впечатления. Всю эту дерзкую компанию защищали юристы из университета. Михайлова, к примеру, защищал Панько. С его слов выходило, что его подзащитный, который внаглую мешал работе телевизионщиков, а также применил по отношению ко мне, офицеру милиции, холодное оружие, -- просто ангел небесный. Это была защита вседозволенности, той самой анархической свободы, при которой можно творить все, что хочешь.

На суде от Воронежского телевидения присутствовал в качестве свидетеля Николай Колтаков, который говорил тому же Панько -- открой глаза и посмотри, кого защищаешь!

Проходила свидетельницей на суде и та женщина, которая вызывала милицию и заявляла, что милиционер избивает какого-то гражданина. После она извинялась, что не знала того, что произошло, и кто там был прав, а кто виноват. Вот такие перипетии произошли у меня летом 1990 года.

Болонку съели

Какими только вопросами не приходилось мне заниматься. Вспоминается случай. Прихожу в отдел, а дежурный протягивает номер телефона и говорит, чтоб позвонил в УВД. Звоню -- спрашивают: в моем ли оперативном обслуживании сады? Говорю: да, в моем. Тогда мне назвали фамилию женщины, номер ее домашнего телефона и попросили с ней связаться. Она обо всем расскажет сама. Не откладывая в долгий ящик, созвонился с этой женщиной. Она преподает в медицинском институте, уже в преклонных годах, и рассказала мне вот такую случившуюся на даче историю.

Дача Марины Викторовны (будем так ее звать) находится на улице Яблочной. Это самые дальние сады. Обычно она приезжала туда с семилетней внучкой и маленькой собачкой -- болонкой. В тот раз, о котором пойдет речь, она приехала туда, когда с дач почти все поразъехались. Для нее это даже лучше: меньше людского шума -- больше нормального, спокойного отдыха: на работе стала сильно уставать.

Вечерело. Марина Викторовна пропалывала грядку, а внучка играла с Белянкой, так звали пушистую беленькую болонку. Потом внучка заигралась, а Белянка куда-то убежала. Обычно она сама возвращалась, а тут нет и нет. Стали бабушка с внучкой искать собачку. Долго ходили и искали свою любимицу, но так и не нашли. Услышав в одной из пустующих дач, каких было немало, шум и крик, подошли туда. На участке дымил костер и пахло жареным мясом. Возле кострища лежали и сидели пятеро немолодых мужчин. Все они походили на бродяг, и никого из них Марина Викторовна не знала. В центре «стола» бутылки спиртного и какая-то закуска. Мужчины о чем-то громко рассказывали, хохотали и матерились. Все были явно навеселе и абсолютно отрешены от всего происходящего вокруг. Марине Викторовне стоило больших усилий докричаться до них и спросить, не видели ли они тут маленькую собачку. Внучка следила за этим балаганом через старую, всю в дырках дощатую ограду. На-

конец до пьяных мужиков дошло, о чем спрашивает их немолодая женщина, и все вдруг ни с того ни с сего расхохотались. Смеялись долго и с каким-то упоением. Наконец смех прекратился и один из них, пошатываясь, подошел к ограде.

-- Саб-бачку? -- спросил заплетающимся языком.

-- Да-да, собачку! -- крикнула внучка и стала говорить дяденьке, какая она маленькая, добрая и красивая. Пьяный нагнулся к девочке и чуть не грохнулся на землю. Потом он ухватился руками за забор, отчего тот затрепал и зашатался.

-- Ваша ма-ахонькая, бе-еленькая собачка... -- сказал «дяденька», растягивая слова, -- у нас вот тут... -- и несколько раз шлепнул себя ладонью по животу. Все мужики опять дружно загоготали. Кто-то крикнул:

-- Гляньте вон туда! -- И указал рукой на угол забора, где висела беленькая шкурка их болонки.

-- Узнаете? Можете забрать, а из мяса вашей собачки мы пожарили шашлык!..

Бабушка поначалу просто онемела, а девочка расплакалась. Шкурку Белянки они не взяли, а заспешили в сторожку, где был телефон. Вытирая платком глаза, Марина Викторовна стала названивать в милицию. Ее устное заявление о том, что пьяные бомжи съели собаку, записали и пообещали разобраться. Но ни в тот вечер, ни на другой день по заявлению никто из милиции не приехал. Марина Викторовна с внучкой уехали в Воронеж, так как внучке стало плохо. В Воронеже же бабушка нашла телефон знакомого работника милиции, и тот позвонил мне.

Я договорился встретиться с ней на даче и там на месте разобраться. Приехал и выслушал со всеми подробностями. Вместе прошли к бесхозному дачному участку. Никаких мужиков там уже не было, шкурка на заборе не висела, лишь в углях костра я наковырял несколько мелких косточек -- все, что осталось от собачки.

«С чего же начинать? -- думал я. -- И что могут получить, если разыщу, взрослые дяди за свой, прямо скажем, гадкий поступок? А ничего они не получают, кроме разве что общественного порицания, на которое таким безмозглым идиотам просто-напросто наплевать. Об ответственности за подобное действие у нас в законе ничего не прописано...» Не стал дальше голову ломать -- надо еще этих собакоедов отыскать, а там видно будет, как с ними поступить.

Начал искать тех, кто тут недавно пьянствовал и хозяйничал. Установил, что дача принадлежала бывшим работникам железной дороги. Они уже умерли, но у них остался сын, который раньше отбывал срок за изнасилование. На даче сын появлялся совсем редко, а вот его друзья частенько устраивали здесь попойки. По всей видимости, они гульбанули и в прошлый раз. Установил место проживания хозяев дачи, встретился с сыном и стал выяснять у него, кто бы мог бывать на даче. Тот долго крутил-вертел головой, изворачивался, не желая выдавать своих бывших дружков. Отвечал одно и то же: не знаю, я там не был, туда всякий мог зайти... Пришлось пострадать, что придется ему самому за это отвечать. О собаке ничего не говорил, пусть поломают голову. Наконец он назвал одного из своих бывших друзей, проживавшего в районе мясокомбината. Кличка у того Губа.

В информцентре УВД я уточнил, что он неоднократно судился за кражи и

хулиганство. Попросил оперуполномоченного Владимира Воронцова проехать со мной к этому типу: в работе мы часто друг другу помогали. Его зоной обслуживания была улица Домостроителей. Отыскали дом, квартиру. Дверь открыла жена. На наш вопрос она как-то неуверенно сказала, что мужа дома нет. Но мы представились и в квартиру все-таки вошли. Стоим в коридоре, разговариваем о том, где муж мог быть сейчас, и тут вдруг что-то сильно в туалете громыхнуло.

-- Кто там? -- спросил жену.

-- Это племяшка, -- ответила она скороговоркой. Но сколько мы ни стояли, а «племяшка» из туалета так и не выходила. Чего бы ей там так долго делать? Подошел, нажал посильнее на дверь -- она открылась, а там на унитазах пристроился тот, кто как раз нам и был нужен.

Жена охает и ахает, извиняется за своего растрарафреченного муженька. А у того буквально все тело в наколках. Даже над глазами наколото, и, когда он их закрывал, то можно было прочесть: «Не буди». Работников милиции Губа явно не ждал и не знал, по какому вопросу мы к нему заявили. Не теряя времени, я завел его в ванную комнату и задал вопрос:

-- Кто собаку съел?

-- Я не ел, -- сходу и без раздумий ответил Губа, тем самым признав, что был участником той пьянки на даче, когда убили, а потом зажарили и съели собаку.

-- Кто зарезал? -- напирал я, прикрыв плотнее дверь в ванную. -- Говори, и учти: если набрешешь, я тебя самого как собаку зажарю, понял?

Повертелся, покрутился Губа, но потом все-таки назвал того, кто зарезал собачку. Им оказался некто Третьяков с улицы Клинической, по кличке Трёшка. Третьякова я знал, раньше приходилось с ним встречаться. Жучок тот еще, вор-карманник, судимый, и дружки у него тоже карманники. Жил Третьяков в старом двухэтажном доме и, как ни странно, увлекался разведением голубей. Вот и пойми: с одной стороны, огромная любовь к голубям, а с другой -- зарезать маленькую беззащитную домашнюю собачку, а потом вместе с дружками сожрать ее. Ну и ну!

...Разговор с Третьяковым происходил возле его голубятни. Он как раз кормил птиц, нас встретил без особой радости. Я молча глядел, как он ухаживает за голубями, Воронцов стоял поодаль, а Губа, подойдя к Третьякову сзади, надоедно ныл и канючил:

-- Я сдал тебя, я не мог просто... -- Видеть и слышать это было противно.

-- За что собаку сожрали? -- спросил Третьякова напрямую. Спросил грубо, но по-другому до таких людей не доходит. Третьяков, видно, ожидал чего-то для себя худшего, отчего втянул голову в плечи. Потом начал «шурупить» и чесать затылок. Я повторил свой вопрос.

-- Думал, что бродячая, -- ответил наконец он. -- Не разобрал по пьянке.

-- Не хитри, не поможет, -- процедил я зло и добавил: -- Вот поджарю сейчас твоих голубей и скажу, что они с мусорки. Или вообще всю голубятню спалю! Как тебе понравится?

-- Лучше меня убей, а голубей не тронь! -- запсиховал Третьяков.

-- А-а, ишь какой жалостливый! Чем же собачка перед тобой так провинилась? Из-за нее девочка в постель слегла, пожилая женщина совсем горем убита. За что вы ее, как голодные звери, сожрали? -- Подойдя ближе к Третьякову,

приказал: -- Садись в машину, поедем...

-- Бить за собаку станешь? -- как-то покорно пролепетал, явно трусая, Третьяков.

-- Не стану, не трясись как ненормальный! Я не такой, как ты, живодер. Будешь извиняться перед старушкой и ее внучкой. Посмотрю, как поведете себя перед ними.

Приехав в отдел, я поместил Третьякова в камеру предварительного заключения, а Губа ждал, когда я назначу ему встречу на завтра. С Мариной Викторовной и ее внучкой договорились встретиться на следующий день около их дачи, в полдень.

Встреча состоялась, и мне кажется, что польза от нее все-таки была как для хозяев собачки, которую уже не вернешь, так и для тех, кто ее убил. Сцена, конечно, горькая и малоприятная, но уверен: для участников -- поучительная и полезная. Когда мы подъехали к даче, нас уже поджидали Мария Викторовна, ее внучка и кое-кто из хозяев соседних дач.

И вот два взрослых «барбоса» (по-другому их и назвать не могу) рухнули на колени и стали просить прощения. Вид их был жалок. Чтобы не убежали, я из их брюк вытащил ремни, и брюки они поддерживали руками. В нашей практике это называется «мягкой вязкой». Возможно, с этой «вязкой» я и перегнул, но мне хотелось, чтобы свое покаяние они запомнили на всю жизнь.

Марине Викторовне и ее внучке я сказал: вот те, кто убил и съел вашу собачку. Правда, не всех, кто был на том сборище, я привез, но эти просят прощения и за себя, и за остальных. Много неприятного услышали «гурманы» в свой адрес! Люди горячились, говорили, что от бродяжни и пьянчуг покоя нет. Девочка, которая столько слез выплакала по любимой собачке, кричала, что эти дяди самые гадкие!.. О других подробностях «покаяния», думаю, нет необходимости говорить. Считаю, что данное дело я довел до конца. Заявительница с внучкой и их соседи получили хотя бы моральное удовлетворение. Позже они написали в мой адрес благодарственное письмо, и вообще-то это неплохо сработало на повышение авторитета милиции. Для меня это было как раз самым важным.

Встреча с «Аборигеном»

Шло селекторное совещание. Его вел начальник райотдела Александр Петрович Жабин. Как обычно, кто-то отчитывался о проделанной работе, кого-то критиковали, а кого-то хвалили, ставились задачи. И вдруг раздался звонок. Звонил начальник УВД Иван Михайлович Солохненко. Жабин предупредительно поднял руку, и все притихли. Я был на том совещании и часть разговора между начальником УВД и начальником отдела милиции района услышал. Речь шла о садах и о неизвестно откуда появившемся там каком-то «Аборигене», который делает все, что захочет, и всех дачников застращал. Генерал просил немедленно с этим разобраться и об исполнении доложить ему лично. Совещание закончилось, Жабин всех отпустил, а меня попросил остаться.

-- Сады у тебя? -- спросил.

-- Так точно, -- отвечаю.

-- Вот и разберись. Только учти, что этот самый, как сказал генерал, Абориген, теперь у него на контроле.

-- Может, генерал еще что сказал? -- спросил я -- разговор-то слышал не

весь.

Жабин встал, длинный, худощавый, немного сутулый, и вышел из-за стола.

-- Да, еще он сказал, что этот тип ворует с дач все подряд, требует, чтоб его кормили, а главное -- молчали. Иначе грозит расправой и поджогом. -- Жабин куда-то спешил, и на этом наш с ним разговор закончился.

Да-а, невесело думал я, идя в свой кабинет. Это же черт знает что! Но почему я об этом Аборигене ничего не слышал? Кто он и откуда появился? Ведь не первый год обслуживаю сады и ничего подобного не слышал. Что ж, тем хуже для меня, что не слышал, буду искать...

Долго ездил по садам, а это огромная площадь. Там же сады ближние, средние и даже дальние, а улиц столько, что можно заблудиться. Встречался с дачниками, расспрашивал, но все будто воды в рот набрали: стояли, молча слушали, пожимали плечами. Мотался один, так как с участковыми, кроме разве что Рожнова, мне не везло, долго на этом участке не задерживались.

Была зима, и людей на дачи приезжало совсем мало. Я туда ездил в выходные и в обычные дни: когда днем, когда вечером, а когда и ночью. После многих безуспешных поездок решил все же попросить Жабина поговорить с генералом насчет этого Аборигена. Интересно было узнать, откуда к нему поступила информация? Может, вообще никакого Аборигена нет и все это чья-то выдумка?

Или хотя бы назвал источник информации, у кого можно более подробно выяснить суть дела. Жабин внимательно выслушал, но звонить генералу не стал. Сказал как и в прошлый раз: «Ищи!»

Честное слово, из-за этого Аборигена я потерял всякий покой. Вставал и ложился с мыслью только о нем. Сам себя сколько раз спрашивал и убеждал, что человек -- не иголка, не может же вот так затеряться? Значит, тут что-то другое. Может, и в самом деле он настолько запугал людей, что они молчат и боятся о нем говорить? Кому хочется лишиться своей дачи? Поисковую работу продолжал (обо всем не расскажешь и не напишешь), но сколько ни разъезжал на своей машине и не сидел, замерзая, в засадах, Абориген не попадался, а дачники, как всегда, отмалчивались.

«Сколько же можно мотаться! -- думал иной раз расстроено. -- Столько бензина пожег! Да что там бензин, если сам генерал ждет конкретного результата! А где тот результат? Абориген, если он и есть в самом деле, словно сквозь землю провалился...» Ох, как же я желал встретиться с этим таинственным «человеком-невидимкой».

Попросил как-то Владимира Воронцова (уже о нем раньше говорил) проехать со мной в обычный день в сады и поговорить с людьми. Он мне никогда не отказывал. Выехали мы, когда еще не было и семи часов утра.

Ехали на моей машине с липецкими номерами. Эту машину мне подарил отец моей жены, который рано умер. Я не случайно подчеркиваю, что номера были липецкими. Дело в том, что иногда это мне оказывало определенную помощь. Так случилось и на сей раз.

Подъезжаем к ближним садам, а там у сторожки стоит сторож а с ним дюжий детина -- этакая заросшая образина ростом метра под два, ноги что ступы, не руки -- лопаты, пиджак подпоясан широченным ремнем, за который подоткнуты топор и два ножа, еще один нож воткнут за голенище сапога. Я остано-

вил машину, вышел и пошел им навстречу. Иду, а сам думаю: лишь бы сторож не опознал меня как работника милиции. Заодно рассматриваю незнакомца. А он и в самом деле будто из далекого прошлого к нам заявился -- вроде как снежный человек, которого (кроме следов) никто так и не видел. Руки грязные, глаза навывкате, весь зарос -- страшила, да и только. Даже издали от него исходила вонь и запах костра.

-- Здорово, мужики! -- говорю этак весело и благодарю Бога, что сторож сделал вид, что не знает нас. Сторож только вежливо кивнул, а Абориген утробным голосом прохрипел:

-- Здоров, коль не шутишь!

Развиваю «легенду» дальше. Ведь надо представиться: кто мы, как тут оказались и куда путь держим.

-- Да вот с девками вчера гульнули и надо срочно добраться до Воронежа. Не подскажите, как на дорогу выехать? -- сочиняю на ходу.

-- О-о, земляки! -- то ли радостно, то ли удивленно прогудел Абориген, разглядывая номера машины. -- Может, у вас закурить и выпить найдется? -- спросил, держа руку на топорнице.

-- Без проблем, -- отвечаю. -- Найдется и закурить, и выпить. Щас принесу. Развернулся и пошел к машине. По дороге кивнул Воронцову, чтобы тот шел к мужикам, а сам открыл багажник. Ковыряюсь там и думаю: хорошо, что выехали не в форме, а по гражданке. Скорее всего, этот бугай и есть тот самый Абориген, о котором звонил генерал Солохненко. Во всяком случае, внешне подходит. К тому же земляками по номерам машины назвал, значит, не воронежский. Как же удобней его взять? Просто так эту дубину не свалишь, да и не свяжешь -- силища! Сунул веревку и пистолет в какую-то сумку и, пока Воронцов отвлекал внимание чужака, я, подойдя к нему сзади, выхватил из сумки пистолет и со всей силы саданул его между лопаток. Он ойкнул и мешком грохнулся на землю. Кое-как нацепили наручники, потом втроем, помогал и сторож, связали Аборигену ноги и руки. Осталось дотащить немалый груз до машины и запихнуть туда. Не сразу, но удалось сделать и это.

Слава богу, кое-как уложили. Теперь можно ехать.

Когда приехали в райотдел и задержанному помогли выбраться из машины, нас со всех сторон окружили ребята, удивляясь, как это удалось нам справиться с таким огромным детиной. Удивлялся и Жабин. Тут же позвонил начальнику УВД и доложил, что Аборигена изловили. Тот вначале не поверил, но потом сам приехал посмотреть, ходил тоже вокруг и удивлялся его габаритам.

В тот раз мне иные позавидовали, сравнивали даже с везучим игроком в карты, которому всегда выпадает хорошая масть. А чего завидовать-то? Пусть другой пораньше встанет и пойдет на свой участок, да там попашет, а не сидит сиднем в кабинете. Вот тогда, поверьте, каждому будет больше везти и результаты нашей оперативной работы станут несомненно лучше.

Однако вернусь к задержанному. Он оказался липчанином, сбежавшим около двух лет назад из спецкомендатуры. Все это время находился в розыске. Обосновался в лесу недалеко от Малышевской свалки. Место для него вполне удобное: лес, свалка и дальние сады, где всегда можно было неплохо пожить. В лесу два бомжа (их фамилии так и не удалось установить) соорудили беглецу удобную землянку. Изнутри она была отделана деревянными кругля-

ками, отапливалась, так что можно было спокойно зимовать. Липчанин признался, что от бомжей он потом избавился -- придушил их, так как боялся, что наведут милицию на его след, а он этого не хотел.

В выходные дни, когда на дачи обычно съезжаются их хозяева и бывает многолюдно, Абориген, дабы не привлечь к себе внимание, из землянки не выходил. А вот в обычные дни всюду шастал по дачам. Разобрался, кто из дачников одинок, и требовал от таких, чтобы ему возили еду, иначе плохо будет. Короче говоря, приказал кормить -- и его кормили, пригрозил, чтобы молчали, иначе сожжет, порежет, и люди молчали, потому как боялись за себя и свои дачи. Может быть, так все и продолжалось бы дальше, но соседи генерала Солохненко, который в то время жил с семьей на улице Донбасской, рассказали ему о творящихся на дачах страшилках и попросили разобраться. Вот он и позвонил начальнику отдела милиции Советского района Александру Петровичу Жабину, а тот поручил разобраться мне, так как сады находились в зоне моего обслуживания. С этой задачей я справился. Начальник райотдела поощрил меня премией в сто рублей.

Да, вот еще о чем забыл сказать. Когда проводился осмотр довольно-таки вместительной землянки, в которой жил бродяга, то из нее вынесли на целых полмашины разного ворованного барахла: велосипеды, всякая посуда и многое другое. Дачники, которые писали заявления о совершенных у них кражах, находили здесь свои вещи. Таким образом, были раскрыты десятки краж. Вся эта история заставила меня более внимательно отнестись к работе с дачниками и не считать, что я владею полной информацией. Всякое может случиться. Длительное скитание здесь так называемого Аборигена -- весомое тому доказательство.

Шапки были похожи

Моя основная заповедь -- не быть безучастным ко всему, что происходит вокруг тебя. Отдыхаешь ли ты, идешь на работу или с работы, едешь в своем или общественном транспорте, никогда не забывай, что ты работник милиции.

Трамвай уже подходил к остановке на улице Кольцовской. Ближе к выходу в вагоне стояла женщина с двумя детьми. Почти рядом с женщиной стоял молодой парень. Когда трамвай остановился и открылась дверь, парень неожиданно резким движением руки сорвал с женщины норковую шапку, выпрыгнул из трамвая и бросился бежать. Пронзительный крик о помощи я услышал, так как проходил недалеко от остановки. Видал, как побежал в сторону кондитерской фабрики парень, на которого показывала рукой кричавшая женщина. Интуиция и опыт работы в уголовном розыске, а потом и в службе участковых меня не подвели и на этот раз. Увидев, куда метнулся молодой грабитель, я бросился за ним и вскоре настиг. В погоне с меня самого слетела шапка, но я не остановился. Это и помогло не упустить правонарушителя. В этот раз грабителю явно не повезло. Он даже и не предполагал, что рядом окажется работник милиции. Сорванная с головы женщины норковая шапка была спрятана у него под курткой. Возвращаясь с задержанным вором к остановке, я увидел шедшую мне навстречу женщину с точно такой же шап-

кой в руках, которую я изъясил у грабителя. Женщина радостно говорила, что нашла свою шапку, которая валялась на дороге и благодарила меня, что задержал правонарушителя. Она думала, что нашла свою шапку.

-- Спасибо и вам, -- от души рассмеялся я, -- что подняли и не дали пропасть моей шапке. А вот эта шапка уж точно ваша. Возьмите.

Приказом начальника УВД области за задержание грабителя я был поощрен денежной премией.

Трагедия в садах

Я еще не проработал и года, а у меня уже были раскрытые преступления. То, о чем речь пойдет ниже, по ряду причин запомнилось особенно. Звонок дежурного по отделу поднял меня в три часа ночи 1 сентября 1980 года. Дежурный сказал, что в районе Острогожских садов совершено убийство и за мной уже послана машина. Приехал сотрудник патрульно-постовой службы. Я сел в машину, и мы поехали в сады. У поворота в машину сели еще и судмедэксперт, дежурный следователь прокуратуры, криминалист. По дороге подсел сотрудник уголовного розыска УВД Кудинов. В общем, оперативная группа была в полном составе. Я узнал, что убийство совершено на дальних садах, о чем в отдел позвонила женщина, случайно увидевшая труп, а метрах в пятнадцати от него еще и раненого мужчину.

Приехали. Стали разбираться. Убийство -- дело как всегда непростое. Тут надо, что называется, все уяснить, зафиксировать и постараться определиться по версиям.

Каждый занялся своим делом. Я какое-то время посидел около раненого, который стонал, -- он был в тяжелом состоянии, говорить ничего не мог. Срочно вызвали скорую помощь, чтобы отправить его в больницу. Стали осматривать местность вокруг, и нам повезло -- неподалеку от места трагедии обнаружили водительские права и еще кое-какие документы, что позволило установить фамилию как убитого, так и раненого. Версии высказывались разные. Кудинов сказал, что, по всей вероятности, была какая-то разборка и убитый (фамилия его Кукуня), возможно, судим и надо посмотреть по картотеке. Кстати, после выяснится, что судимым он не был, жена же его работала заведующей столовой в Воронежском университете. У Кукуни была машина -- «Жигули» шестой модели, и он иногда на ней подрабатывал. Его-то водительские права как раз и были найдены. Вносились и другие версии. Я слушал, помалкивал. Меня больше интересовало заключение судмедэксперта. А он, осмотрев труп, сказал, что одни раны колото-резаные, а другие нанесены широким лезвием. Меня заинтересовали орудия убийства, и я сказал, что убийство могли совершить некие Гридин и Хаустов. Тот и другой были судимы и находились в розыске. Хаустов, кстати, жил со мной на одной улице и разыскивался за то, что порезал старика и молодого парня. В общем, личность та еще. Сделать такое заявление меня заставили слова судмедэксперта. Кстати, у меня на Гридина и Хаустова были оперативные разработки, и я имел информацию, что Гридин носил с собой немецкий кинжал, а Хаустов -- заточенный штык-нож. Хаустов только что освобожден из мест лишения свободы, Гридин был судим раньше за угон автомашины и за кражи. Жил он на улице Южно-Моравской.

Утром я заскочил домой, чтобы перекусить, и сразу поехал в РОВД. Надо

было принимать срочные меры к розыску Гридина и Хаустова. Где они, у кого прячутся? Если бы только знать! Но заявление мною сделано, и теперь предстояло подтвердить его практическими делами. Весь день крутился как белка в колесе. Разыскал некоторые адреса, где они могли появиться, организовал наблюдение за этими квартирами. Подключили к розыску участковых инспекторов милиции, сотрудников ГАИ, патрульно-постовой и других служб. Розыск подозреваемых велся даже с вертолета, но пока безрезультатно.

После обеда мне позвонил агент по кличке Бык и попросил срочно встретиться с ним. Встретились. Разговор был короткий, но исключительно важный. Агент рассказал, что вчера поздно вечером к нему заезжали на автомобиле Гридин и Хаустов. С ними в машине сидела молодая девушка. Быка уговаривали поехать с ними, намекая, что хорошо проведут время, но он отказался. Что за девушка была в машине, он спрашивать не стал, но дружки проболтались, что едут в Землянск. Информация эта имела для меня большое значение. Теперь я был убежден, что именно Гридин и Хаустов совершили преступление и разъезжают на машине убитого ими Кукуни. Но кто была та девушка? Прошел день, второй, поиск продолжался.

А через несколько дней в отдел обратилась с письменным заявлением некая девушка. Суть заявления заключалась в том, что два парня посадили ее в машину, завезли в лес и изнасиловали. Хотели вроде даже убить, но спешить не стали, возможно, хотели еще поразвлечься, а она отпросилась по туалетным надобностям и убежала. Но вот ведь в чем была загвоздка: по описанию внешности насильников получалось, что это не Гридин и не Хаустов. Волосы у насильников были черными и совсем не такими, как у Гридина и Хаустова -- этих-то я знал как облупленных.

Странно... Вроде бы все сходилось, даже машина, на которой они разъезжали, та самая, а внешность совсем другая. Может, она их с перепугу не разглядела? -- думал я. К тому же темнело. Да все могло быть, но я продолжал свои поиски. Забегая вперед, скажу, что девушка была права -- волосы у Гридина и Хаустова оказались черными и вот почему: перед совершением преступления они сходили в парикмахерскую и там перекрасились в брюнетов.

Вскоре поступила информация, что недалеко от Землянска обнаружена обгоревшая машина «Жигули» шестой модели. Стало ясно, что Гридин и Хаустов где-то прячутся и вот-вот должны появиться. Я и мои коллеги их ждали.

Первым был задержан Гридин: опять поступила информация от агента по кличке Бык, что Гридин скрывается у своего отца, проживавшего в частном секторе Чижовки. Я -- бегом к заместителю начальника РОВД Багаеву. Доложил, как положено, и попросил разрешения отправиться на задержание. Он выделил мне в помощь оперуполномоченного В.Д. Воронцова, а учитывая, что Гридин вооружен не только холодным, но и огнестрельным оружием, провел необходимый инструктаж. Дом отца Гридина долго искать не пришлось. А вот когда с подстраховкой Воронцова я попытался Гридина задержать, он сумел выскочить во двор и бросился бежать. Убегая, стрелял в меня в упор, но, к счастью, пистолет дал осечку. Заскочив в какой-то тупик и повернувшись ко мне, он прохрипел:

-- Застрелю!

-- Брось оружие, Гридин, хуже будет! -- крикнул я. Сзади уже с пистолетом в руке к нам подбегал Воронцов. Гридин бросил оружие на землю, и в наруч-

никах я доставил его в отдел милиции. А буквально через день-два был задержан и Хаустов, скрывавшийся у своего друга в Северном районе. Все обошлось без стрельбы, хотя я и к этому был готов, зная необузданный характер Хаустова. Но у него была гаденькая черта: если Хаустов среди своей братвы, то это -- лев, а вот если один -- то словно овечка. В общем, все обошлось благополучно. Уголовное дело вел следователь районной прокуратуры Алексей Алексеевич Летов.

В ходе расследования многое прояснилось. Обозначу лишь некоторые детали. Подкалымливая на своей машине, Кукуня в тот злополучный для него вечер стоял у кинотеатра «Спартак». К нему подошли Гридин и Хаустов и попросили подвести до Острогужских садов, пообещав хорошо заплатить. Никакого подозрения они у Кукуни не вызвали: парни как парни. По дороге Кукуня посадил еще одного пассажира -- Рублева. А вот когда приехали в дальние сады, -- там все и началось. Разговор был приблизительно такой. Кукуня:

-- Давайте, ребятки, расплатимся.

Хаустов (он сидел сзади):

-- Ты чё, мужик, охренел? Сам же покататься упросил. Ха-ха!

Рублев молчал, не понимая, в чем дело, его-то водитель обещался подвести лишь после садов.

Кукуня начинал злиться:

-- Кончайте шутить, гоните деньги!

Хаустов, ухмыляясь:

-- А у нас их нету.

Наступило зловещее молчание. Кукуня, видимо, стал понимать, что обстановка складывается не в его пользу. Сказал уже миролюбивее:

-- Ладно, так и быть, выходите, я спешу. -- Обернувшись к Рублеву, добавил: -- А вы останьтесь.

Гридин и Хаустов будто ничего и не слышали. Кукуня, поглядев на сидевшего сбоку Гридина, повторил:

-- Выходи, чего уселся?

Тот улыбнулся:

-- Это ты выходи, уважаемый. -- Гридин был красивый малый и любил говорить вежливо.

-- Да вы чего, мужики, издеваетесь?! -- воскликнул Кукуня и тут же дико закричал. -- Хаустов сзади, сверху вниз, с силой всадил в него штык-нож. Он успел открыть дверцу, но улыбчивый Гридин полоснул сбоку кинжалом. Кукуня заорал и мешком вывалился из машины. Гридин с Хаустовым тоже выскочили и стали его добивать. Ополумевший Рублев бросился бежать. Хаустов догнал и свалил его. Потом подбежал Гридин. Рублев орал, увертывался от ударов, просил пощадить, но Гридин с Хаустовым озверели и били, били... Вытащив из карманов деньги, оттолкнули к кустам труп Кукуни и еще живого Рублева. Гридин сел за руль, а Хаустов -- с ним рядом. Убийцы вытерли руки от крови о валяющуюся под ногами тряпку.

Вдали послышался шум машины, и Гридин развернул «Жигули», включил фары и поехал в сторону Воронежа. По пути посадили, чтобы поразвлечься, голосовавшую девушку. Заехали к Быку, стали звать его с собой. На Быка у них был давний зуб, не терпели они его и хотели проучить. Бык ехать с друзьями отказался наотрез. Сорвалось. Сказали, что поедут веселиться в сторону

Землянка. Машина есть, деньги были. В общем-то, планировали махнуть на юг. Девушку в лесу изнасиловали, хотели зарезать, но она (уму непостижимо) упростила их отпустить в туалет и... убежала. Бросились искать -- не нашли, орали друг на друга. Планы менялись. Отогнав машину подальше, подожгли ее. Договорились скрываться кому где удастся и подольше не встречаться.

Впоследствии вина Гридина и Хаустова в совершенных ими преступлениях была установлена и доказана. Хаустова суд приговорил к высшей мере наказания, а Гридина -- к 15 годам лишения свободы. Каждый получил по заслугам: Хаустов отхватил вышку, потому как убивал, резал людей. Я был доволен, ведь два таких преступника не будут мешать нам нормально жить.

Хотя... Доволен, да не совсем. Представьте себе -- на меня завели уголовное дело из-за Гридина. А вообще-то сам напортачил. Судите сами. Буквально за несколько дней до убийства в садах Гридин совершил одну кражу. Твердых доказательств не было, но его на месте кражи утром видели, и надо было с ним поработать. Гридина я задержал и доставил в КПЗ на трое суток. Разговаривая, делал на листке бумаги кое-какие пометки. Он вначале замкнулся, а потом, когда я заговорил о свидетелях, сказал, что готов оформить явку с повинной. Зная, что я не курю, попросил дать сигарету. Я вышел и нашел ему курево. Листок, где делал заметки, оставил на столе. Да там и записей-то особых не было. Когда уходил, то про тот листок и позабыл. Гридина же из КПЗ выпустили, и почти сразу они с Хаустовым совершили в садах преступление, которым мне пришлось заниматься вплотную. Когда их задержали, я, вполне естественно, кроме совершенного убийства стал оформлять Гридину и ту самую кражу. Но Гридин тоже не дремал и решил меня проучить по-своему: настроил в областную прокуратуру жалобу, в которой указал, что я использовал недозволенные приемы при его задержании, а также, что никакой кражи он не совершал, так как в тот день был задержан и находился в КПЗ.

Дело в областной прокуратуре вел ныне покойный следователь по особо важным делам Свиридов -- работник очень тактичный, умный и вообще хороший, порядочный человек. Сделаю небольшую оговорку. Когда дело рассматривается в суде, тем более областном, то любая поступившая жалоба обязательно тщательно рассматривается до суда, таков порядок: по уголовному делу все должно быть ясно. Что касается недозволенных приемов, то с этим разобраться было не сложно: он же в меня стрелял, причем в упор, и хорошо, что пистолет дал осечку. А вот с кражей, которую он якобы не совершал, пришлось повозиться. Но следователь и тут докопался. Он разложил тот день для Гридина, что называется, по часам. Да, он был задержан в семнадцать ноль-ноль, доставлен в КПЗ в девятнадцать, а кражу-то успел совершить в десять утра! Ему в какой-то мере помог листок бумаги, где я делал пометки о краже, а потом забыл про него на столе. Гридин повернул дело в свою пользу: будто я на него давил. В ситуацию вмешался начальник управления уголовного розыска УВД полковник милиции Александр Андреевич Колесниченко, и прокурором области было принято решение -- дело прекратить. После я с Гридиным в следственном изоляторе встречался. Говорил о его непорядочности, на что он ответил: но ведь и мне надо было как-то выкручиваться. А вообще, как ни хитрил, но и от кражи не открутился и получил за все сполна.

Я - «иностранец»

Это дело мне своей необычностью запомнилось особенно. А необычность заключалась в том, что его участниками были подростки двенадцати-, тринадцати- и четырнадцатилетнего возраста. И подростки не обычные, а состоявшие на профилактике в Аннинской спецшколе. Случилось так, что в июне месяце из спецшколы сразу сбежало более десятка трудных ребят, причем вооруженных обрезом и пневматической винтовкой. Никто не знал, где их искать: то ли в Воронежской области, то ли вся эта гоп-компания махнула в дальние края, а какие -- неизвестно. Подростки могли и разделиться на несколько групп, отчего опасность от них для населения только возрастала. В горрайорганы области в связи с этим поступили ориентировки. С такой ориентировкой был ознакомлен на планерке в отделе милиции Советского района и я. Поначалу воспринял это не слишком серьезно: подумаешь -- сбежали! Ну, сбежали и сбежали, что тут такого? Побегают-побегают и снова в спецшколу вернуться...

Но пацаны не возвращались и продолжали где-то колесить. Об исполнении прежней ориентировки вновь напомнило руководство отдела, обратив внимание на то, что эти ребята -- из неблагополучных семей, дерзкие, совершавшие ранее кражи и допускаявшие хулиганские проступки. Я задумался, бывая на своей зоне, стал более внимателен. «Чем черт не шутит, -- думал я, -- могут и на дачах в моей зоне найти себе пристанище». Стал чаще заводить об этом разговор с владельцами дачных участков. Разброс же дач огромный, бывать везде не успевал, но однажды некий старичок, остановив мою машину, дал интересную информацию.

Вежливый старик: бывало, когда еду, так он всегда картузик поднимет и кивнет головой. Знал, что в милиции работаю. Дачные участки тут были самыми дальними, а суть его обращения заключалась в том, что ребятня стала сильно докучать, чего раньше не бывало. Воруют с дач, сказал он, все подряд. Причем такие наглые, что никого не боятся и даже живут на дачах как на своих собственных. Днем уезжают куда-то в город, а вечером возвращаются и начинают куролесить в домах, где нет владельцев. Информация меня заинтересовала, и я спросил старика:

-- А сами-то чего ж не укротите пацанву?

-- Сказал же, что наглые и никого не боятся! Поджечь грозятся и ведь подожгут по глупости, -- с обидой ответил старик.

-- Увидеть кого-то из них можно?

-- Почему нет? Трое только что попёрли вон в тот магазинчик, -- старик показал рукой, -- за сигаретами и пивом. -- А еще несколько шуруют в кирпичной даче. Хозяева только что уехали, теперь их черед настал.

Я поблагодарил деда за информацию и попросил его ни во что не вмешиваться. Сел в машину (номера в то время у меня были липецкие) и поехал к магазинчику, одиноко стоявшему сбоку дороги. Подъехал вовремя. Трое пацанов как раз отоваривались, брали что-то из еды, сигареты и пиво. На пиво денег было маловато -- спорили.

-- Здорово, братаны! -- крикнул я и «великодушно» взмахнул рукой. Вид-то у меня внушительный, а тут еще я им -- «братаны», да десятку сунул самому горластому. Вижу, что с ходу поразил ребят. Один из них (как потом узнал, Сергей) спросил:

-- А ты кто такой?

Все на меня уставились, ждут.

-- Ха-ха, иностранец вот кто, -- ответил со смешком и попросил продавщицу дать мне сигарет получше и пару бутылок пива. Вообще-то я не курю и не пью, даже пиво, но так надо же было войти к ребятам в доверие.

-- Ты такой же иностранец, как вон та кошка тигр, -- сказал, ухмыляясь, больше всех кричавший пацан и махнул рукой на дремавшего у угла магазина черно-белого котенка.

-- А глянь номера на машине, -- сказал я на полном серьезе.

-- Ну-у, наши номера, не иностранные, -- засмеялся пацан.

-- Номера липецкие, -- перебил его рыжеватый парень.

-- Верно говоришь! -- Я похлопал его по плечу, и он мою силу сразу почувствовал: ладонь-то ого-го. Добавил: -- Липецкий я, не воронежский, выходит, что и есть иностранец. -- И расхохотался от души: это у меня тоже неплохо получается.

Рассмеялись и пацаны, им моя чепуха с номерами понравилась. А еще, как заметил: пришлась по душе моя простота, да денег на пиво подбросил, братанами назвал. В общем, признали за своего. А я старался разыгрывать из себя эдакого бластягу. У рыжего паренька, как оказалось, в Липецкой области живут дед с бабкой, и ребята планировали туда поехать. Тут я еще масла в огонь подлил, что у меня под Липецком свой дом, рядом лес, речка, живи -- не хочу. Вот только мотаться много приходится и жить там некогда. Закончил предложением: -- Хотите -- подвезу и торчите там хоть все лето?

Вижу у них глаза загорелись.

-- А еще ребят к вам можно? -- спросил Сергей.

-- Что -- еще? -- Я сделал вид, будто не понимаю, чего от меня хотят.

-- Чтоб еще с нами поехали?

-- Почему нет, можно...

Все страшно обрадовались. Позже я узнал, что их было в садах человек пятнадцать, кое к кому приехали друзья из Воронежа. В каждой группе из трех-четырёх человек -- свой вожак. Группа «Чукчей» -- это те, кто собрался за золотом на север; были еще группы «Бродяг» и «Дикарей». У каждой -- свои планы, члены групп жили отдельно. Иногда, если надо было, все собирались вместе и принимали какое-то решение.

-- Ну и как все это сделать? -- спросил рыжий.

-- Как-как, встретиться надо.

-- Завтра?

-- Нет, завтра не смогу. Давайте послезавтра, тут и в это же время, -- ответил я, думая о своем. Хотелось собрать всех в одну кучу и попытаться доставить в отдел. Трудно, конечно, но выполнимо. Лишь бы пацаны не заподозрили, что я их обманываю. Пообещав заскочить и привезти кое-чего из еды, уехал. По дороге думал, что вроде контакт с ребятней завязал; они мне поверили и теперь, несомненно, известят других. А где же прячут оружие?.. Надо предупредить в райотделе, что могу привезти всех скопом. А если не получится и план сорвется? Засунуть всех в одну машину -- проблема. Неужели кого-то пихать в багажник?..

На другой день, в это же предвечернее время, я вновь подъехал к магазинчику. Всю дорогу думал: придут или не придут?

Вздыхнул с облегчением, увидев издали все ту же троицу. Хорошо, что хоть эти пришли. Остановился. Достал из багажника сумки с продуктами, че-

му пацаны несказанно обрадовались. Через какое-то время подошла еще одна группа ребят -- «Дикари». В планах у этих было уехать к морю и отдыхать там дикарями, но это узнал позже. А пока познакомились и я, как мог, поддерживал разговор. Вожаком у «Дикарей» был паренек лет четырнадцать, крепкий, с шустрыми глазами, дотошный. Вежливо так, на «вы» спросил:

-- А зачем в Воронеж приехали?

-- Что, нельзя?

-- Почему нельзя, можно. А все-таки зачем? -- не отставал он.

Я сморщил лоб и понизил голос:

-- Кое у кого кое-чего экспроприировать. Понятно?

-- А чё такое эксприировать? -- спросил кто-то из его пацанов.

-- Помолчи, -- оборвал шустрый вожак. И, чтобы показать, что в этих вопросах петрит, он пояснил: -- То же самое, что и мы делаем. Так? -- зыркнул на меня.

Я кивнул. Значит, поняли друг друга. Разговор шел обо всем. Кому-то понравилась моя машина. Сколько же километров она выжимает на трассе? О-о! А сколько людей в нее можно поместить? Да-а, если б не гаишники, ведь гады сразу тормознут!

-- А у меня стекла затемнены, -- сказал я, -- не углядят.

-- Класс! -- раздались восторженные выкрики. Хотя чего кричать-то?

-- Так как на завтра? -- спросил рыжий. -- Братва согласна.

Наконец-то я дождался чего ждал. Но как бы получше ответить. Ребятя фальшь сходу распознает по голосу, по глазам и мимике. В меня же просто впились шесть пар детских глаз.

-- Как и было договорено, -- ответил я добродушно, но вроде с какой-то обидой. -- Я же обещал, а мое слово -- закон!

Ребята наскоро пошушукались. Ответил за всех вожак «Дикарей»:

-- Идет. Только вот вместимся ли? У нас еще есть мопед и велик. Не бросать же?

-- Зачем бросать. Мопед с великом на верхний багажник. А сколько вас -- не знаю. Может, тридцать? -- загнул специально.

-- Да нет, не тридцать, а двенадцать.

-- Всего-то, -- хмыкнул я. -- Поедете как баре...

Вопрос был снят. Откровенно говоря, я боялся, что ребят будет больше, но, скорее всего, воронежцы разъехались по домам автобусами. Не исключая, что рыская по Воронежу «на промысле», беглецы из спецшколы уже узнали, что их разыскивают, и решили побыстрее отсюда смыться. И мое предложение пожить в доме с лесом и речкой их временно устраивало.

-- Во сколько сбор и где? -- спросил все тот же крепыш из «Дикарей».

Я для приличия задумался.

-- Так-так... -- бормотал себе под нос. -- До двенадцати я на Левом должен закруглиться, потом Курский -- второй... Затем часа полтора-два уйдет на «ШП»... Ага-ага... Значит, так, -- сказал твердо. -- В это же время встречаемся здесь. Буду как штык! Вы тоже, это самое, не проспите. Учтите, ждать мне некогда, -- предупредил на всякий случай.

Не стану вдаваться в детали и подробности дальнейшего разговора. Я сделал вид, что занят, спешу, но завтра явлюсь точно в срок. Пацанам-то хотелось со мной пообщаться, вопросы самые разные, было заметно, что я их заинтере-

совал. А все началось с моих первых слов: «Здорово, братаны». Не исключая, что, возможно, и было у некоторых ко мне недоверие, но не у всех, и, думается, что я не перебарщивал. Цель, которую перед собой поставил, была уже видна. Радовался ли я или нет, что достигаю этой цели путем обмана пацанов? Да мне это как-то и в голову не приходило. Знал одно: ребята непростые, дерзкие, вооружены и могут много чего натворить. Я же путем тонкого подхваливания и проявленного к ним внимания, покупкой еды, сигарет пытался, говоря нашим языком, их расколоть и узнать то, что меня интересовало.

Весь вечер готовил машину, чтобы сделать ее повместительней. Убрал из багажника запаску, ключи, насос, домкрат и прочее. Положил в салон несколько спальных мешков, подкачал колеса. Да, в багажник бросил одеяльце и веревку, чтобы на верхний багажник привязать мопед и велосипед. Ясно, что вещи ворованные. Принесут ли обрез и винтовку?..

Остаток вечера и весь следующий день до назначенного часа на душе у меня было беспокойно. Мысли ворочались в одном направлении -- а вдруг ребята обманут? Ведь расскажи кому потом о моей с ними «игре» и как лопухнулся -- засмеют. Ведь мог запросто задержать сперва троих, потом сразу две группы, и вопрос был бы в основном решен. Никуда не подевались бы и остальные. Нет же, решил операцию провести по-своему, чтобы всех удивить!..

Подъезжая к назначенному часу к месту встречи, еще издали заметил, что у магазина никого нет. Сердце ёкнуло: «Неужто пацаны обманули? Может, еще подойдет?..» Остановив машину, стал ждать. Магазин был закрыт, соответственно, и людей около него не было. Вышел из машины, походил, посматривая на часы и оглядываясь вокруг, потом сел обратно и завел мотор. Развернув машину, поддал газку. В душе кипело: опозорился!.. Впереди поворот на трассу, и... вот те на: из-за разросшегося возле ограды куста шиповника выскочили шесть или семь пацанов. Подняв руки, они громко кричали. Вон рыжий, еще несколько знакомых физиономий, а вот «Дикарей» -- ни одного. Тормознул, неспешно вылез из машины, матюкнулся. А ребятам на мои переживания, видно, наплевать: галдят каждый свое, а меня чуть ли не обнимают. Делаю вид, что обижен, недоволен и не позволю собою вот так помыкать. Сурово спросил:

-- А где остальные? Бортанули? -- По-деловому и хмуро обошел вокруг машины, с силой пнул по колесам.

-- Во-он едут! Во-он! -- закричали вдруг разом ребята, показывая руками туда, откуда я только что приехал, -- от магазинчика. Я понял, что они меня просто-напросто проверяли. Значит, у них были сомнения, а теперь их нет, хотя у кого-то, может, и остались.

На мопеде -- трое, на велосипеде -- двое. Лица у всех довольные, будто первые места на соревнованиях заняли. Посчитал ребят, крутившихся вокруг меня и подъехавших, -- выходило столько, сколько и должно быть: двенадцать.

Все в сборе. Мне предстояло их разместить и ехать, ехать, пока чего-нибудь не отчебучили. Не теряя времени, достал веревку и стал привязывать к верхнему багажнику мопед и велосипед. Ребята мне помогали. У крепыша из группы «Дикарей» и еще у одного пацана продолговатые свертки -- скорее всего оружие, которое фигурировало в ориентировке. «Хорошо, -- подумал я. -- А то ведь могли где-то припрятать и с собой не взять». Все шло по плану. Прики-

нув рост и габариты пацанов, троим приказал лезть в багажник. Они беспрекословно подчинились. Остальные стали размещаться в салоне машины и скоро «утрамбовались». Подав пару спальных мешков, предупредил, чтобы по моей команде в опасных местах быстро накрывались и ни гу-гу. Чувствовалось, что ребята с удовольствием подчиняются мне. М-да-а... Но как среагируют, когда узнают, куда их привез? Представляю, сколько будет крика и презрения... Ладно, пора ехать.

-- Сидите нормально, -- предупредил напоследок. -- Не кричите и не шукайте...

Тронулись. Добрались без криков и шума. Но дважды давал команду накрыться мешками, и они ее выполняли. Отработывал, так сказать, прибытие в отдел. Когда подъезжали к отделу, я вновь скомандовал: «Мешки!» Они накрылись, и я спокойно въехал во двор. Обрадованно вздохнул: задание выполнено. Во дворе много работников милиции, готовящихся к заступлению в наряд. Здесь же с кем-то разговаривает заместитель районного прокурора Мария Владимировна Дарьина. Мое явление с мопедом, велосипедом и кучей ребятишек, оторопело вылезавших из салона машины и из багажника, произвело фурор. Все удивлялись, как же я их всех туда запихал. А Дарьина стала меня при всех отчитывать, что допустил грубейшие нарушения правил при перевозке детей. Пришлось объяснить ей, что это за «детки»... В общем, смеху потом хватило на целый месяц. Но как же крыли меня пацаны!.. Ох, лучше не вспоминать. Конечно же, было стыдно, что так их обманул, но думал, что пройдет время и они все поймут правильно. Ведь ради их же благополучия старался. И еще об одной детали. Вскоре в наш отдел съехались оперативники других отделов милиции. Скажу, что в этот раз было раскрыто немало краж и иных правонарушений, совершенных беглецами из Аннинской спецшколы.

Со всеми ребятами я тогда встречаться не стал. Посчитал это ненужным, да и они на меня были в обиде. Но поговорил по душам с тремя пацанами, причем с каждым персонально. Мне казалось, что если эти меня поймут, то и остальные к ним прислушаются. Рыжеватый паренек, у которого в Липецкой области жили дедушка с бабушкой, думаю, меня понял. Правда, он никак не хотел верить, что я в детстве увлекался голубями. Сам он до спецшколы держал голубей и задавал разные каверзные вопросы, думая, что обманываю. Убедился -- не вру. Второй паренек, Сергей, который особенно интересовался «кто я такой», так вот, он не верил, что я мастер спорта и был чемпионом по вольной борьбе. Пришлось кое-какие приемы показать для подтверждения правдивости моих слов. Еще говорил с крепышом Юрием из группы «Дикарей». Его тоже заинтересовало мое увлечение спортом. Он не думал, что в милицию идут работать такие спортсмены. Надеюсь, мои беседы с ребятами не прошли для них даром и какую-то пользу принесли. Я даже собирался тогда побывать в Аннинской спецшколе, встретиться с трудными подростками и поговорить с ними, но потом замотался и поехать не удалось. С тех пор прошло почти тридцать лет. Те «беглецы» давно стали взрослыми и имеют своих детей. Возможно, вспоминают иногда о своем побеге и о том, как я их обдурил. Хочется верить, что урок тот пошел им на пользу.

Вот так закончилась моя роль в амплуа «иностранца».

Насильники

Меня вызвал начальник отдела Денисов и сказал, что с Ленинского райотдела переслали дело об изнасиловании несовершеннолетней Стребковой Нины (фамилия изменена). Полистав дело, он покачал головой:

-- И каких только сволочей земля не носит! Надо же, завезти в лес, совершить групповое изнасилование и полураздетую оставить одну в декабре месяце! Ну не гады, а?!

В то время я был уже старшим оперуполномоченным, и опыт по раскрытию преступлений у меня имелся неплохой. В этот же день ознакомился с делом и, не теряя времени, поехал в областную больницу, где потерпевшая лечилась от обморожения. Нашел палату, в которой лежала деревенская девчонка. На вид не хлюпкая, крепко сбита. Может, это ее и спасло. Другая бы не выдержала подобного надругательства и мук.

Стал ее опрашивать. Вопросов много, пытаюсь узнать хоть какие-то подробности о тех, кто совершил это мерзкое дело: сколько их было, где произошло и все то, что помогло бы установить насильников. Девочка всхлипывает, отвечает почти одно и то же: не помню, не знаю, не заметила. Даже мне, повидавшему в работе немало человеческой мерзости, было горько смотреть на эту совершенно беспомощную, униженную и поруганную девчушку, которая одна зимней ночью добиралась полуголая до города и, если бы водитель из войсковой части, ехавший на машине в ту позднюю пору не подобрал ее, она бы замерзла. Девочка говорила, что насиловали в лесу, в машине, несколько молодых ребят по очереди, а до этого они везли ее через какой-то мост и кто-то из сидевших в салоне сказал:

-- Глянь, какое большое водохранилище!

Пояснила, что в этот день она приехала из своей деревни Хохольского района в Воронеж к родной тетке, работавшей в домостроительном комбинате. Тетка жила в общежитии. Когда стояла и ждала на остановке транспорта около нее остановились «Жигули», из которых выскочили несколько ребят и силой затащили в машину.

Разговаривая и пропуская через себя полученную от Стребковой информацию, я пришел к выводу, что изнасилование могло совершиться на территории Левобережного района. Ее же слова: ехали через мост, по бокам было водохранилище. Это могло произойти где-то в районе Масловки. Подготовил материал опроса и свои предложения доложил начальнику милиции Денисову. В общем, дело для рассмотрения передал в Левобережный отдел милиции. На этом, казалось бы, все и закончилось, но... Но вскоре дело опять переслали к нам. Левобережники провели свой опрос и посчитали, что изнасилование было совершено на территории нашего района. Чехарда, да и только. Начальник отдела Денисов вызвал меня и сказал:

-- Хватит футболивать! Скорее всего, это случилось в районе Шиловского леса. Участок твой, так что ищи.

Да, легко сказать -- ищи, когда абсолютно никаких зацепок и даже в мелочах Стребкова путается. Но надо же что-то делать. Прошло около месяца с момента совершения изнасилования, а сдвига никакого. Я знал, как не любят сотрудники розыска заниматься делами, которые совершались не на их территории, и в этот раз была именно такая неразбериха: точно утверждать, где произошло изнасилование, потерпевшая и сама не могла. Но я был согласен и

с начальником, что хватит гонять дело туда-сюда, пора заняться им серьезно, без проволочек.

Но с чего же начинать? Ведь и правда ни одной зацепки! Поехал к тетке потерпевшей. Та простая работяга, сама в трансе. Думал, что, может, ей племянница что-то рассказала как женщина женщине. Но нет, и тут ничего. Тетка только умоляла меня найти этих подонков. «Как же так можно!» -- восклицала, и ее горе можно было понять.

Пришлось вновь начинать с опроса потерпевшей. Всякий раз воспроизвожу картину того дня. Молодые парни подъехали на «Жигулях». Вышли из них, схватили девушку под руки и силой затолкали в машину. Может, запомнила хоть какие-то приметы этих молодчиков, их одежду, содержание разговоров? Возможно, что-то особенное запомнилось в салоне машины? По этим и другим вопросам беседовал долго и терпеливо.

В помощь мне был выделен участковый инспектор Сергей Рожнов. Он только что окончил школу милиции, и ему дали участок -- сады.

В ходе бесед начало кое-что проясняться. Потерпевшая, к примеру, сказала, что одного-то она уж точно может узнать. Он вел машину, и она его запомнила. Обрисовала, как выглядел. Насиловали в машине, где разложили сиденья. В какой-то момент она выскочила и попыталась убежать, но один из этой группы (он ее, правда, не трогал) догнал и стал говорить: куда же ты бежишь раздетая -- ведь замерзнешь! Опять привел к машине, но потом ее все равно бросили в лесу, а вещи выкидывали по одной, чтобы оделась, но не сразу.

-- Обрисуй машину, цвет и какая она изнутри, -- попросил я. -- Может, крутили музыку какую? Какие были чехлы? Неуж-то так ничего и не запомнила?

-- Я боялась, -- вздрагивала девушка. -- Сидела между ними на заднем сиденье... А машина была хорошая, внутри все светилось, и орала иностранная музыка...

Я уже начал приходить в отчаяние. Неужели так ничего существенного и не вспомнит? А что можно поиметь с того, что в салоне «все светилось» и музыка играла иностранная?..

-- Ой, вот еще что! -- встрепенулась вдруг девчушка. -- У нас в деревне выдывают шкурки из барашек. Шерсть на них такая кругленькая, колечками. Вот и в машине были постелены такие же шкурки, и... когда мне было особенно плохо, я хваталась пальцами за эти барашковые колечки... А больше, хоть убейте, ничего не припомню...

«Найду, обязательно найду этих молодых кретинов!» -- подумал я, радуясь, что появилась весьма важная улика. Барашковые шкурки -- это уже кое-что. Шить чехлы на сиденья из барашковых шкурок было тогда модно, и не каждый мог себе это позволить. Уж их-то насильники вряд ли додумаются выбросить, пожадничают. Но сколько в городе «Жигулей», в которых на сиденьях такие шкурки? Как проверить? Да это просто нереально... Думал, взвешивал и так, и этак, а потом решил посоветоваться с начальником отдела Денисовым. Тот заинтересовался.

-- А что, -- улыбнулся, -- неплохо, очень даже неплохо, важная улика. -- И предложил дать ориентировку в областное ГАИ, чтобы инспекторы дорожно-патрульной службы помогли нам в поиске насильников. Попросил, чтобы я побыстрее подготовил ориентировку и как можно поподробней. В общем, заколотил я сам себе ненужную головную боль. Сам-то был против того, чтобы

давать в ГАИ такую ориентировку. Инспекторы, конечно, постараются и могут найти машину с чехлами из барашковых шкурок, но кто гарантирует, что об этом первыми узнаем мы, а не те, кого разыскиваем? Риск большой. И потом, сколько машин разъезжает с подобными чехлами; естественно, такие поиски вызовут у водителей нездоровый интерес. Так что решил с ориентировкой не спешить, а искать какой-то другой вариант.

Опять ломаю голову днем и ночью. Должен же быть выход? У меня, кстати, бывало, и не раз, когда в какое-то трудное время, когда, кажется, наступил тупик -- и тут словно господь Бог посылает свыше свое знамение, как бы помогая в моих добрых делах. Что же пошлет он мне в этот раз? И пошлет ли вообще? Давать ориентировку сотрудникам ГАИ я не спешил, но знал, что Денисов обязательно об этом напомнит и как положено спросит. «Зацепка есть, и ее надо раскручивать, -- скажет сурово. -- Не хочешь подключать гаишников -- ищи другие варианты, но не тяни». Так или приблизительно так скажет начальник отдела и будет абсолютно прав.

И что же пришло мне в голову? А вот что: буквально на днях горожане будут отмечать глубоко почитаемый в народе православный праздник -- Крещение. В эту ночь многие жители города съезжаются на машинах к водохранилищу и купаются или просто окунаются в специально приготовленные проруби. Приезжают верующие и неверующие, пожилые и молодые, спортсмены и спортсменки, блатные и косые всякие. Добираются и на общественном транспорте, но в основном на личном -- чтобы купнуться, взбодриться, получить добрую порцию адреналина. Эту традицию соблюдают многие.

Самому мне, правда, на Крещение купаться в проруби не приходилось, но я решил это событие использовать в своих поисковых целях. Вдруг да повезет?

Часов в десять вечера отправились с Рожновым к водохранилищу и стали колесить между Вогрэсовским и Чернавским мостами. Народу и машин -- полно. Повстречали там и начальника областного управления уголовного розыска Колесниченко. Тот удивленно спросил: «Окунуться или кого-то ищешь?» Вдаваться в подробности я не стал, да и зачем, а потому туманно ответил: «Дежурю». -- «Ну дежурь-дежурь, обеспечивай порядок», -- пожелал он мне. На том и расстались.

Долго ходили с Рожновым и приглядывались ко всем светлым «Жигулям», надеясь увидеть чехлы из барашковых шкурок, но пока без толку. Однако мы упорно и настойчиво ходили от машины к машине, помечали номера уже проверенных, чтобы не путаться и не тратить попусту время. Дело это оказалось далеко не простое: надо было заглядывать в салоны машин, светить фонариком, просить под разными предлогами разрешения у хозяев на осмотр. Были споры, недовольства -- приходилось терпеть.

Время шло, но машина с чехлами из барашковых шкурок так и не попадалась. Рожнов недовольно бурчал, что вряд ли найдем и вообще, это дохлое дело. Наконец машин стало уже больше уезжать, чем приезжать, но я надеялся и даже почему-то был уверен, что повезет.

И вдруг запоздало подъехали сразу две машины нужного цвета. В одной сидело пять человек: три парня и две девушки. Купаться в проруби они не спешили, а сразу принялись за шампанское и закусон. Вели себя важно, самонадеянно: пили, кричали, веселились. Я послал к этой Рожнова, а сам напра-

вился к другой остановившейся на площадке машине. На этой чехлы были обычные, а вот Рожнов чуть не бегом подскочил ко мне с важной вестью: в автомобиле, где молодые люди пили шампанское и веселились, чехлы были как раз из барашковых шкур. Да, весть хорошая, хотя с подобными чехлами разъезжали, конечно, не на одной этой машине. Подошел к компании, представившись, сказал, что в Советском районе было совершено скрытое ДТП (водитель с места происшествия скрылся, потому и скрытое), но потерпевший запомнил марку и цвет машины, а также две последние цифры номера. По модели, цвету и двум цифрам ваша, мол, как раз совпадает и надо показать ее эксперту.

Поднялся недовольный шум, крик, гвалт. Особенно возмущались одна из девушек и парень, сидевший за рулем. В наш адрес посыпались проклятья, угрозы типа -- да вы знаете, кто мы и что вас завтра же выгонят из милиции? Мол, отстаньте подобру-поздорову, иначе плохо будет!

Мы с Рожновым молчали -- пускай накричатся и выпустят, как говорится пар. Когда крики несколько поутихли, я спокойно объяснил, что нами получен приказ и мы его обязаны выполнить. Да и что по пустякам спорить, тем более если ДТП не совершали. Вся процедура с экспертом займет не больше получаса, а то и меньше.

Опять крики, угрозы: мы крутые, вам не поздоровится, вас уволят!

Стою, слушаю, представляюсь таким простоватым балбесом, бубню, что приказ для нас -- закон, если не выполним, уволят. Говорю, а сам думаю: никуда вы, крикуны крутые, не денетесь. Доставить в любом случае вас доставим, лишь бы все дальше совпало. Водитель стал нас упрашивать перенести осмотр машины хотя бы на утро, даже вышел и стал мельтешить вокруг нее, тыча рукой: гляньте, ни одной царапинки.

Верю, говорю ему, понимаю, что ДТП совершено не вами, но есть приказ и мы должны его выполнить. А эксперта завтра вообще не будет, и только больше тратим времени на пустые разговоры. Пришлось даже сбросить маску протачка и, повысив голос, заявить, что если не согласятся ехать добровольно, то вызову наряд и доставлю силой. Смотрю, сразу зашептались, закурлыкали между собой и наконец согласились.

Ко мне в машину сели парень и девушка, а Сергея я попросил сесть в их «Жигули». До райотдела доехали быстро. Когда вышли из машин, я шепнул Сергею, чтобы как можно быстрее доставил в отдел пострадавшую: она была в общежитии у своей тетки. Всех, кроме водителя, попросил ждать в машине, а с ним поднялись на второй этаж в мой кабинет -- надо было потянуть время до появления потерпевшей. Водителю же я сказал, что эксперт на происшествии и появится с минуты на минуту.

Парня же опять понесло: стал хвастаться, что он заместитель директора коопторговского магазина и что в их магазин «окунаются» все менты, назвал несколько фамилий работников милиции. Пригласил и меня заходить, пообещав, что отоварит на высшем уровне.

А я вожусь с бумагами и делаю вид, что меня это абсолютно не интересует. В голове как заноза одна-разъединственная мысль -- опознает его потерпевшая или нет? Что, если не опознает? Тогда к чему было городить всю эту кутерьму? Жду Сергея Рожнова. Наконец он заглянул в дверь и кивком головы известил, что все в порядке. А теперь поясню, как я планировал провести опо-

знание. В мой кабинет можно было войти через соседний. Вот в этом кабинете как раз и сидела потерпевшая, и когда мы с водителем будем выходить, она обязательно его увидит. После сигнала Рожнова я предложил ему спуститься в дежурную часть к вернувшемуся с места происшествия эксперту. Проходя через соседний кабинет, заметил, как впилась своими глазами в спутника потерпевшая. Оставив его в дежурке, побежал обратно наверх. Мне навстречу уже несся Рожнов. «Он, он, опознала!» -- крикнул Сергей радостно.

Вы знаете, когда я это услышал, с меня будто огромный груз свалился. Такое чувство трудно словами передать. Да, это была удача, которой могло и не быть, если бы мы не поехали к водохранилищу в эту Крещенскую ночь... Ей-Богу, это было как некое божественное знамение, и оно помогло нам!

Вернувшись в дежурку, я сказал водителю всего три слова:

-- Она вас опознала.

-- Я это понял, когда шел через тот, соседний с вашим кабинет, -- весь побелев, опустил он голову.

-- Сами признаетесь и назовете сообщников или будем устраивать очные ставки с потерпевшей и ждать результатов экспертизы чехлов из барашковых шкурок?

Насчет чехлов я специально ввернул: пусть думает, что нам обо всем известно.

-- Не надо ставок и не надо экспертиз, сам все расскажу и напишу. Я был пьян, и на это меня подбили дружки двоюродного брата. Чего уж теперь... -- схватился он за голову.

Водитель подробно описал все, что случилось в тот поздний декабрьский вечер. Они ехали на машине и увидели стоявшую на остановке молодую девушку, которая кому-то из ребят понравилась. Притормозив, силой втащили ее в машину. По пути на левый берег, посадили еще одного друга. Ехали через Вогрэсовский мост, потом проехали Таврово и плотину. За войсковой частью свернули в лес, где и совершили свое грязное дело. Одежду потерпевшей, как я уже раньше сказал, выбрасывали по частям. Девочку подобрал водитель войсковой части и доставил в отдел милиции. В совершении изнасилования признались и двое молодых ребят, которые сидели в машине. Скоро доставили в отдел и четвертого из их компании. Все признались и написали явки с повинной. Парадокс, да и только: не потерпевшая опознавала своих насильников, а они ее. Если честно, то их явки с повинной я порвал. Твердо уверен, что сами они никогда бы не пришли в милицию и ни в чем не повинились.

Мы работали всю ночь. Пригласили следователя прокуратуры Гужву. Он принял от меня материалы и сразу же принялся за проведение следственных действий. Интересно было наблюдать, как переменялся настрой девушки, которая ехала в машине и больше всех грозила нам всякими карами. Теперь-то она завертелась. Следователь же был немало удивлен тому, как оперативно я поймал насильников. Из машины были изъяты шкурки, на них криминалисты позже обнаружат капли крови. Всё подтвердилось.

Рано утром в отдел пришли отец и мать водителя, тоже работавшие в торговле. Оказывается, у их сына намечалась свадьба. Родители были в отчаянии: все рухнуло -- свадьба, карьера и нормальная жизнь сына. Пытались убедить, что он не такой уж негодяй, просто так получилось. Предлагали мне, Гужве, Рожнову и потерпевшей деньги, а потерпевшей еще и купить дом,

только чтобы мы все замяли, дело закрыли, а их сынка отпустили. Но, естественно, никто из нас на это не пошел. Даже обычно сдержанного и спокойного следователя Гужву вывели из себя слова родителей, что их сын никакой не мерзавец, а это его плохие дружки на дурное подбили.

-- Да он не просто мерзавец, он -- отморозок! -- отрезал Гужва. -- Отвезти несовершеннолетнюю девочку в лес, изнасиловать и бросить там зимой одну, без одежды, -- и это, вы говорите, не мерзавец?! Возвращенная вами вседозволенность привела его к такому финалу, и он будет предан суду!..

Состоялся суд. Трое насильников получили по 10--12 лет лишения свободы, четвертый, который потерпевшую не трогал и проходил как соучастник, получил 7 лет лишения. Да, он ее не насиловал и даже догнал, когда убежала, проявив заботу, чтобы не замерзла. Но потом-то, как и все остальные, бросил в лесу без одежды.

За оперативное и четкое раскрытие данного преступления я был поощрен начальником отдела милиции Денисовым денежной премией в сумме ста рублей.

Кто кого?

Сейчас я на пенсии, но о работе в уголовном розыске вспоминаю с огромным волнением. А вспомнить есть что. С первых лет работы в этой службе я старался вникать в оперативную обстановку как на своем участке, так и в районе, активно реагировать на все, что происходило вокруг. Крутился, вертелся, шурупил, как говорится, мозгами и, естественно, получал неплохую отдачу. Ясно же, что преступник сам к тебе не придет и не скажет: заведи меня в «каталажку», я тут натворил... Вот такому оперу уж точно в милиции делать нечего.

Расскажу про один случай. Было это, правда, давно, но данный преступник и его дела крепко врезались в мою память. Речь пойдет о матером квартирном воре, считавшемся авторитетом среди своих братьев. Его фамилию пока не называю. В общем-то, и я не думал не гадал, что судьба сведет меня, молодого тогда еще оперативника, с прожженным вором в авторитете. А она -- именно свела, схлестнула, ну а дальше уж -- кто кого?..

В зоне моего обслуживания и на других улицах Советского района, а как позже выяснилось, и на территории Ленинского и Левобережного районов города Воронежа была совершена серия квартирных краж. Особенностью этих краж являлось то, что преступник (или преступники, это еще надо было разобраться) похищали только драгоценные изделия и деньги. Другой особенностью было то, что кражи происходили у одиноких, лет под сорок женщин, работавших, как правило, в сфере торговли или парикмахерами и неплохо материально обеспеченных. Потерпевшие Петрова, Самойленко и другие рассказали, что каждая из них до того, как ее обокрали, знакомилась с мужчиной весьма приятной наружности, хорошо воспитанным и образованным. Каждая ходила вместе с ним в ресторан. Мужчина вел себя прилично, но очень сдержанно и замкнуто. При знакомстве называл себя то Юрой, то Сережей, Володей или Игорем. После совершения краж мужчина сразу же исчезал и больше в поле зрения женщин не попадал.

Меня эти детали заинтересовали. Таких краж у одиноких женщин только

на моем участке было уже четыре, в целом же по району -- более десятка, а по городу -- около двадцати. Становилось ясно, что орудовал вор-профессионал. Я подолгу беседовал почти со всеми пострадавшими женщинами, и у меня складывалось твердое мнение, что во всех случаях действовал один и тот же человек.

Но как на него выйти, и как узнать, где он проявит себя в очередной раз?

С двумя потерпевшими -- Петровой, проживавшей на улице Южно-Моравской, и Самойленко с улицы Домостроителей мы пошли в УВД, чтобы посмотреть альбом с фотографиями квартирных воров. Повезло! Там, на одной из фотографий, они опознали ранее судимого мужчину, с которым каждая из них общалась, в том числе и ходила в ресторан. Одной он представился как Сергей, другой -- Владимиром. Свои же настоящие имя и фамилию никому не называл. А звали его -- Василием Злобиным. Это уже была серьезная зацепка. Я сразу завел агентурное дело и немедленно послал запрос в колонию, где он ранее отбывал наказание. Вскоре прислали характеристику, из которой стало ясно, что Василий Злобин был дважды судим: первый раз за групповое изнасилование, а второй -- за несколько групповых разбоев. За изнасилование был осужден на семь лет лишения свободы, а за групповой разбой в Московской области получил 14 лет. Что характерно, ни в первом, ни во втором случаях виновным себя на суде не признал. На зоне среди осужденных считался авторитетом. Характерной чертой Василия Злобина было то, что он никогда и ни в чем не сознавался. Это особо подчеркивалось в данной на него характеристике. Кстати, по делу о групповом изнасиловании, которое слушалось Левобережным судом города Воронежа, в содеянном признались четверо участников, отрицал свою вину лишь Злобин.

Отсидев в местах лишения свободы семнадцать лет, Василий Злобин вернулся в Воронеж с осуществлением за ним надзора, и не случайно: в колонии Злобин жил «по понятиям» и считался смотрящим, то есть авторитетом, паханом. Но серьезного надзора со стороны милиции за ним, как будет установлено, не было, и наш герой стал заниматься таким видом преступного промысла, как кражи. Но это надо было еще доказать.

Началась раскрутка. Предстояло узнать (и тут особых проблем не было), где и с кем Василий Злобин проживал, а также где работал, учился. За ним по моей просьбе было установлено скрытое наблюдение, чтобы выявить, где и с кем он общается. Работал, а точнее, числился он работником торговли, проживал в частном секторе на левом берегу Воронежа с женщиной, работавшей в системе общепита. Учился на заочном отделении экономического факультета ВГУ; по учебе и поведению числился на хорошем счету. Что же касается проведенного за ним наружного наблюдения, то ничего существенного оно мне не дало. В связях проявлял осторожность, знакомств с женщинами и походов в рестораны не было. Надо искать какие-то другие, нестандартные подходы к Злобину. Какие? Пока я и сам не знал -- думал, думал, думал... То, что в преступном мире он «кадр» неординарный -- факт. Значит, и подход к нему должен быть каким-то необычным. Но каким именно?..

Конец декабря 1986 года. Считанные часы до нового 1987-го, и... И наконец я принимаю твердое решение -- действовать так, как посчитал наиболее целесообразным.

Вот об этом и пойдет наш дальнейший разговор.

А решил я сделать следующее: пригласить в отдел милиции гражданку Самойленко, у которой была совершена кража. С ней договорился, что она якобы моя родственница, которая попросила меня помочь ей найти вора и вернуть золотые украшения. Сделать надо было так, чтобы она, как потерпевшая, упростила Злобина, разжалобила его, пообещав, что обращаться дальше никуда не станет. Я тоже должен был заверить Злобина, что сам ради родственницы буду молчать. Все это предстояло разыграть эмоционально, убедительно, чтобы вор клюнул...

Но ведь надо было еще доставить его в отдел милиции. А на каком основании? Тип он весьма осторожный, прошедший, как говорится, огонь, воду и медные трубы. Проблема еще и в том, что до Нового года оставались считанные часы, а каждый человек, в том числе и он, где-то и с кем-то планирует провести встречу Нового года. Вызов в отдел должен быть убедительным, якобы «всего на пять минут» и, опять же, не вызвать никакого подозрения.

Зная, что в свое время Злобин был осужден за участие в групповом изнасиловании, я решил пригласить его для опознания «некой дамой» именно по этому вопросу. Никакого изнасилования Злобин, естественно, не совершал, а процесс опознания вместе с дорогой туда и обратно должен занять не более полутора-двух часов. Думаю, он согласится.

Взяв с собой стажера Алехина, который позже отработает в уголовном розыске 18 лет, мы сели в мою машину и поехали на левый берег. Жил Злобин на улице 17-го сентября, в частном секторе.

По дороге я думал: а вот приедем, а его дома нет. И что тогда?.. Повезло. Злобин лежал на диване и смотрел телевизор. Я, как положено, представился и обрисовал суть вопроса, который привел меня к нему. Как и ожидал, Злобин с нагловатой улыбочкой изрек: «Чепуха, кто только додумался!»

Пожав плечами, я пояснил, что получил приказ показать даме всех, кто когда-либо привлекался за такого рода преступления. Напомнил, что он в свое время -- привлекался. Злобин поморщился, глянул на часы: «Сколько это займет времени?» -- «Часа полтора, не больше», -- ответил я. Пообещал доставить обратно на своей же машине. Злобин нехотя начал одеваться. Я попросил его взять с собой паспорт.

Ехали в отдел милиции Советского района. Злобин был спокоен, но когда миновали центр города (а он полагал, что опознание будет происходить в УВД), заволновался:

-- Почему не там?

-- Так надо, Василий Петрович (вообще-то отчество его точно не помню). Я же в Советском отделе работаю. -- Больше он ни о чем не спрашивал и не проявлял никаких эмоций, пока не увидел в кабинете мою «родственницу». Она его сразу узнала и с волнением воскликнула:

-- Здравствуй, Вова!

Злобин изменился в лице: он никак не ожидал увидеть в кабинете опера свою бывшую знакомую. Однако постарался быть сдержанным, и это ему удалось.

-- Никакой я не Вова, -- ответил тихо. -- Вы меня с кем-то, гражданка, перепутали. -- Бросил вопросительный взгляд на меня.

-- Все верно, -- сказал я, проходя к рабочему столу. -- Никакой вы не Вова, а Василий Петрович Злобин. -- Поглядел на Самойленко, потом опять на него,

помолчал. Предстояла наверняка затяжная игра, и вот тут -- уж кто кого?.. -- Извини, Василий Петрович, изнасилования и в самом деле никакого не было, а вот кража была... -- И перешел на не очень служебный жаргон: -- Слушай, ты познакомился с моей хоть и дальней, но все ж таки родственницей. Бухал ты с ней в ресторане, в квартире потом у одинокой женщины побывал, после чего вдруг исчезли золотые вещички и накопленные деньжонки. Попросту говоря, ты скрысятничал. Думал, с рук сойдет? Ан нет, она возьми да за помощью ко мне обратись. Не мог же я ей отказать? Не мог...

После моих слов в разговор вступила сама «родственница», она просто рвалась «в бой». Получилось весьма убедительно и ничего лишнего. Думаю, пересказывать весь их разговор смысла нет. От себя же я многозначительно добавил:

-- Верни, Василь Петрович, родственнице вещички, верни, не заставляй раскручивать по полной программе. -- Как бы невзначай глянул на часы: -- Да и Новый год на носу... -- и недовольно покачал головой.

Злобин морщил лоб, чесал затылок и думал, думал, думал... Ему и в самом деле было о чем поразмышлять. Что же касается меня, то я хотел выжать из такой благоприятной ситуации по максимуму. Добавил, что женщина жалобу в милицию не писала и писать не будет, но надо вернуть ее кровное. Мало ли что случилось по недомыслию? А она все забудет и успокоится. Да и тебя, Петрович, в какой-то степени понять можно -- прихватил по пьянке да по привычке, а потом одумался и вернул.

-- Может, оно и так... -- мрачно изрек наконец Злобин и опять глубоко задумался.

Самойленко же продолжала его жалобить и умолять, пускала слезу. Я решил ввернуть кое-что из результатов проведенного за Злобиным наружного наблюдения.

-- Все твои походы, по часам и минутам, у меня вот тут, -- постучал пальцем по голове. Кое-чего напомнил: куда Злобин недавно заходил и с кем общался. -- Но зачем мне это? К чему? Уважишь меня, уважу и я, в долгу не останусь...

Мои речи вроде на Злобина подействовали: он зашевелил мозгами, заговорил с Самойленко, стал уточнять, какие именно вещички мог по пьянке у нее прихватить. (Наблюдение помогло!) Видно, он боялся дальнейшей раскрутки и не хотел этого. Мне и пострадавшей даме начинал верить, а точнее -- «вникать в наше положение».

Ох, и тяжело же ему несколько этих признательных слов было сказать, он их просто еле-еле выдавливал.

-- Да, я спьяну... малость пошутил... В шутку забрал кой-чего, чтоб, значит, был потом повод для встречи... Но вы чуток опередили, -- кисло заулыбался.

«Да-а, -- подумал я про себя. -- Это «чуток» тянулось больше полгода. Ладно, черт с тобой, и на том спасибо».

Стал быстро, пока он не передумал, оформлять признание в протокол допроса. Подал лист бумаги, где он собственноручно изложил, как познакомился с Самойленко, как провели время в ресторане, а потом пришел к ней в гости и, уходя, забрал «по пьянке» золотые изделия и деньги, пообещав сегодня же их вернуть. В чем и расписался. Пока они с Самойленко уточняли, сколько денег и золотых вещичек он забрал, я быстро вышел в коридор и попросил стажера

Алехина срочно переписать протокол допроса. Минут через двадцать он меня вызвал по телефону, якобы к начальству, и передал оригинал с переписанным текстом. Оригиналу протокола я засунул в карман пиджака, а копию положил в папку и вернулся в кабинет. Выяснения между Злобиным и Самойленко -- что взял, чего не брал, -- к тому времени прекратились. Атмосфера была натянутой. Оба ждали, что же будет дальше. Я извинился, что время летит, начальство перед Новым годом торопит, до боя кремлевских курантов осталось всего два часа. Прежде чем выйти из кабинета, Злобин предупредил, что своему слову будет верен и все вернет, но и с ним просил не шутить, а разойтись по мирному, как договорено. Теперь-то он уж точно волновался, раз заговорил об этом.

-- Хорошо-хорошо, -- заверил я. Быстро сели в машину и поехали.

Процедура «приема» золотых изделий и денег была проведена оперативно. Меня больше всего интересовало, где он прятал ворованные вещи. А прятал он их в сарае, куда попросил никому не заходить. Однако было слышно, как Злобин поднимал половую доску -- значит, тайник находился под полом. Это было важно. Вот они, вещественные доказательства, почти в руках. Предстояло провести заключительный этап моего плана. Проверив по «протоколу» допроса сумму денег и золотые вещи, передаю все это Алехину и на глазах Злобина рву на мелкие части копию протокола допроса. Говорю:

-- Всё, Василь Петрович, заявления в милицию от родственницы не было, протокол, сам видишь, в клочки, так что осталось соблюсти последнюю формальность...

Видя, как зимний ветерок вместе со снегом разносит в разные стороны двора обрывки бумаги, Вася расслабился. Но слова о последней формальности его насторожили.

-- Какую такую формальность?.. -- протянул недоверчиво, полагая, что все проблемы уже сняты и пора расходиться.

-- Самую элементарную, -- успокоил я его. -- Всего-то и надо оформить вещички и денежки протоколом добровольной выдачи.

-- Но я же вернул все точь-в-точь!

-- Зря теряем время. Тем более, дама ждет -- вдруг какие возникнут вопросы. Нет, порядок есть порядок. Поехали...

В райотделе протокол был оформлен без задержки. Злобин его подписал, и я, даже не глядя, положил его в папку. У Самойленко никаких вопросов не возникло, все, что Злобин у нее украл -- вернул. Я попросил ее подождать в коридоре, а сам приготовился сказать самое главное, но Злобин опередил меня.

-- Я понял, что меня обманули, -- буркнул мрачно, опустив голову. -- Но в протоколе добровольной выдачи стоит не моя фамилия. Поглядите-поглядите, и ничего вы не докажете!

-- Хорошо, что понял, -- кивнул я, пододвигая к себе папку. -- Да, то, что вы, Василь Петрович «по пьянке» прихватывали, называется кражей, и вы нам тут крепко помогли.

-- Чем докажете? Протокола допроса нет, сами в клочки порвали! Их теперь не соберешь, клочки-то...

-- А и собирать не надо. Оригиналу протокола с вашей личной подписью цел, а порвана была копия. Вот он, смотрите. -- Я достал протокол допроса и показал Злобину. Тот аж побелел, кинулся, чтобы выхватить, но не тут-то бы-

ло. К этому я был тоже готов.

Злобина сдал в дежурку до утра, так что Новый год он встречал в камере отдела милиции, называвшейся у нас попросту «обезьянником».

А дальше все пошло уже безо всяких моих оперативных премудростей. Прокурор дал санкцию на обыск, для этого имелись законные основания. Обыск, как и положено, проводился в присутствии Злобина и понятых. В сарае, под полом, было изъято вещественных доказательств аж на 17 краж! Вот когда начался крутеж для оперативников и следователей других районов города. Своим тоже работы хватало. А как раскрываемость по кражам сразу подскочила! Скажу честно -- мне это было приятно. Вдвойне же было приятно, что за умелое профессиональное раскрытие совершенных Злобиным краж я был приказом поощрен премией в размере пятидесяти рублей. По тому времени сумма неплохая.

Со Злобиным я встречался, и не раз, уже в следственном изоляторе. Как же при встречах со мной он психовал, как психовал. Это надо было видеть.

-- Ну ты меня и расколол! -- взрывался он, переживая. Да и как не переживать, когда какой-то пацан-оперативник сумел его, опытного ворюгу без особого труда за какие-то считанные часы обвести вокруг пальца. Опытные следователи не могли с ним сладить, а этот юнец обул как мальчишку!..

Вздыхая, он признался, что верил мне, потому как все было слишком тонко продумано и не вызывало у него подозрений. Также признался (что безусловно мне польстило), что боится со мной разговаривать: вдруг да опять за что-нибудь зацеплю.

Помню, пришел как-то в СИЗО, а выводной со знаковой фамилией -- Хрущев, прослуживший в исправительно-трудовых учреждениях 36 лет, сопровождал группу подсудимых. Сзади всех шел Злобин и потягивал папиросу. Больше никто из группы не курил. Я спросил Хрущева: «Почему он один курит?» -- «Как же! -- воскликнул тот. -- Этот же такой авторитет!» Я хмыкнул, но не стал рассказывать, как слопоушничал этот «авторитет» и вновь попал за решетку. Судом Советского района города Воронежа Василий Злобин был приговорен к восьми годам лишения свободы. Отсидев, вышел на волю, но был опять осужден за продажу наркотиков. Умер на зоне. Таков печальный конец вора-рецидивиста, авторитета среди своих собратьев по «ремеслу» Василия Злобина.

Мошенница

Нагрузка у сотрудников уголовного розыска всегда была большой. Да что там была -- она и есть, и будет большой, потому что преступлений, к сожалению, меньше не становится. А ведь их надо раскрывать. С тем, что руководством отдела направлялось для расследования лично мне, я справлялся. Да еще и по своей инициативе, так сказать, сверх положенного старался прихватить. Таких случаев было немало, и вот один из них.

Это было в 1984 году. Как-то встретил я своего хорошего знакомого Анатолия Колупаева. Стоим, разговариваем о том о сем. Вижу, что Анатолий какой-то не такой, как всегда. Спрашиваю: «В чем дело? Почему грустный». Долго он мялся, возможно, из-за того, что работаю в органах внутренних дел. Потом все-таки рассказал. Суть дела заключалась в том, что он отдал пять тысяч

рублей своей знакомой Марине Красновой (фамилия изменена) на покупку кооперативной квартиры. С Мариной раньше учился в финансово-экономическом институте, женщина пробивная, имела связи и, узнав про его затруднения с жильем, пообещала помочь. Она даже сказала ему по секрету, что заместитель председателя облисполкома ее родственница. Колупаев воспрял духом. Назанимал денег, передал Красновой и стал ждать. Но время шло, а квартирный вопрос так и не решался. При встречах Марина всякий раз находила какие-то отговорки. Начались ссоры в семье, и Анатолий попросил Марину вернуть деньги, но она под разными предложениями все не возвращала. Выслушав Колупаева, я кое о чем порасспросил его и пообещал этим вопросом заняться. Только чтобы не торопил, так как нагрузка и без того была большой. Доложил начальнику отдела милиции Александру Константиновичу Денисову и получил добро.

Долго думал, с чего начинать. Если пригласить Марину и сразу брать у нее объяснение, то можно все испортить. Ладно, если случай с Колупаевым у нее единственный, а если нет? Да и сроки по рассмотрению поступивших заявлений четко по времени регламентированы, и тут уж придется поспешать. Решил собирать материалы и докладывать руководству отдела рапортами.

Много раз вспоминал некоторые подробности из разговора с Колупаевым. Одна деталь меня заинтересовала. Колупаев говорил, что, когда передавал Марине деньги, она достала из сумочки блокнот, в который записала, когда и сколько получила от него денег. А что если в этой записной книжке есть записи и по другим «клиентам»? Потребности людей в жилье, в том числе и кооперативном, были и в те годы немалыми. Получить даже за свои деньги кооперативную квартиру было не так просто, тем более, вне очереди. Вот и находились разные проходимцы, помогавшие решать эти вопросы за взятки.

Вечером, после работы, встретился я с Колупаевым и озадачил его: как бы заглянуть в блокнотик? Тот только руками развел:

-- Ну и как?

-- А давай думать,-- говорю. -- Ты ведь сказал, что она что-то при тебе записала?

-- Да, сколько получила денег и мою фамилию с телефоном. Я даже обложку запомнил: там поздравление с Днем 8-го марта.

-- Чудесно! Это ж такая зацепка! А если что-то и еще для нас найдется? Понимаешь?

-- Соображаю, -- вздохнул Колупаев. -- Но как-то не здорово лезть в чужую сумку...

-- Тогда ищи другой способ. Книжку-то можно потом обратно в сумочку положить.

Лицо Колупаева вдруг посветлело.

-- Кажется, есть один вариант, -- заулыбался.

-- Говори, не тяни! -- поторопил я его.

-- Да мы по традиции дни рождения в ресторане отмечаем, не все, правда, а круглые. Такой сбор намечается, и Марина должна придти, эти встречи она не пропускает...

В общем, если не разводить говорильню, то сбор однокурсников в ресторане состоялся, и Марина со своей сумочкой на него пришла. Колупаев, пока все пели, танцевали и веселились, выбрал подходящий момент и сумел до-

стать из висевшей на стуле сумочки записную книжку, передал ее мне, а я в срочном порядке переписал адреса, телефоны и вернул книжку обратно. Марина продолжала веселиться и ничего не заподозрила. Выписанные же из блокнота адреса, телефоны и некоторые другие детали имели для меня исключительно важное значение. С этого, собственно, и началась раскрутка Марины Красновой, занимавшейся квартирными и другими аферами. И Колупаев был далеко не единственным, кого она обдурила. Таких по записям в книжке набралось около десяти человек. Со всеми мерами предосторожности я начал с этими людьми встречаться. Дело оказалось долгим, непростым. Приходилось убеждать клиентов, что они попались на крючок мошенницы, которая не решала и не будет решать их проблем. Заодно стал собирать от всех, с кем встречался, справки, объяснения, все, что могло пригодиться для следствия, предупреждая, чтобы они не проговорились Красновой.

Вырисовывалась весьма любопытная картина: пока я работал с десятком лиц по адресам, взятым из записной книжки, количество клиентов, которых Марина Краснова обманула, выросло в три раза. По моим записям, их стало 29. Но вообще-то клиентов, и я в том был уверен, должно быть еще больше. В проводимых беседах выяснялось, что никому и ничего она не решила. А ведь с каждого клиента брала от двух до шести тысяч рублей -- деньги по тому времени очень большие.

Собирая материалы от потерпевших, я невольно задумывался, как же Красновой удавалось дурить головы стольким людям. Почему они обращались по самым разным вопросам именно к ней? Почему, когда дело явно не решалось, никуда не обращались с жалобами? Ее клиентами были, как правило, работники торговли и общественного питания. Деньги у них водились, а вот обращаться в правоохранительные органы никто не решался. Боялись, вдруг да спросят -- откуда взялись такие денежки? Краснова хорошо изучила психологию людей, потому и действовала нагло и уверенно. Писала в разные инстанции жалобы, проявляла себя просто закоренелой жалобщицей, этаким радетьельницей за правду, которую хорошо знали в обкоме партии и облисполкоме. В эти инстанции вообще-то было не так просто пройти, а вот Краснову знали и всегда пропускали, чтобы лишний раз с ней не связываться. Иногда она брала с собой тех, которым за их деньги обещала что-то решить. Те видели, в какие двери она заходила и как с ней вежливо, почтительно разговаривали. Все это работало на авторитет Красновой. Создавалось мнение, что она действительно имеет в верхах огромные связи и может решать любые проблемы.

Папка по сбору материалов о противоправной деятельности Красновой пухла на глазах. Я решил поподробнее выяснить, когда и по каким вопросам она обращалась в обком партии и облисполком. Картина предстала сногшибательная!

Слова клиентов о ее пробивной силе подтверждались. Краснова обращалась с письменными заявлениями и в самом деле несчетное число раз. В журналах учета приема граждан ответственными работниками области за два года, которые я перелистал скрупулезно, фамилия Марины Красновой встречалась чуть ли не в каждый приемный день.

Надо было принимать решение. Два месяца напряженной работы не прошли даром. Собранные материалы, так сказать, «основной костяк» на Марину

Краснову, позволяли мне сделать твердый вывод о том, что это прожженная авантюристка и мошенница, обиравшая людей под любыми предлогами и в то же время рядившаяся под этакоего борца за справедливость. И похоже, Краснову было уже не остановить: за последнее время она объегорила еще трех человек. Я ознакомил с собранными материалами руководство отдела и прокуратуры и получил санкцию прокурора на проведение обыска. Повестку на вызов отвез Красновой лично, причем дней за пять раньше: пускай поразмышляет все эти дни, зачем ее вызывают в милицию...

В назначенный день Краснова пришла вовремя. Этакая толстененькая как бультерьер торгашка. Неудобно делать подобное сравнение, но ведь действительно похожа. Пригласил в кабинет. Сидит, даже ухом не ведет и на меня не смотрит. На столе папка с заявлениями, объяснениями, справками и документами по каждому клиенту. Опровергать все это Красновой будет непросто. Спросил о том, с чего все началось, и:

-- Колупаева знаете? -- бросил как бы между прочим.

-- Кого?

-- Анатолия Колупаева, с которым в институте вместе учились?

-- И что?

-- Так знаете или нет?

-- Допустим, знаю, -- ответила равнодушно и вполне спокойно, будто это ее и не волновало.

-- Деньги у него брали? -- Сумму называть не стал и на что он их передал, тоже.

-- Ну отдам, -- равнодушный, словно заранее продуманный ответ. Глянула исподлобья: -- Всё?

-- Да нет, не всё. -- Я пододвинул к себе папку, раскрыл и назвал одну, вторую, третью и все остальные восемь или девять фамилий, которые были у нее записаны в блокноте. И вот тут-то до Красновой дошло, что дело не такое простое, как ей казалось, и надо как-то выкручиваться. Еще раз внимательно поглядела на меня, потом на лежавшую передо мной папку.

-- Поясняю, -- заявила раздраженно, -- что брала деньги взаймы для ремонта дома. Верну, раз ему надо. Но не сразу.

-- Для ремонта?! Да за такие деньги можно целый замок построить! -- удивленно воскликнул я.

Наступило молчание. Потом я по памяти стал называть все новые и новые фамилии. Назову -- и по папке ладонью постучу, назову -- и постучу.

-- А что? -- поинтересовался я. -- Действительно заместитель председателя облисполкома (назвал фамилию) ваша родственница?

-- Вам-то какое дело! -- огрызнулась Краснова.

-- Мне никакого, а вот для вас это имеет очень большое значение. Если она ваша родственница и в чем-то вам содействовала, то сами должны понимать и о ее ответственности перед законом. Если же вы оболгали человека, то ваша мера наказания будет значительно выше, а за мошенничество -- года три получите, не больше. Но это суд решит.

-- Нет, никакая она мне не родственница и ни в чем не помогала, -- вздохнула Краснова. -- Все это чьи-то сплетни. -- Открыв сумочку, достала платок и стала прикладывать его ко лбу, глазам, щекам.

-- Дайте-ка мне ваш блокнот, что в сумочке лежит, -- попросил вдруг я

вежливо.

-- У меня нет никакого блокнота! -- вспыхнула Краснова.

-- Есть-есть, я видел. На нем еще поздравление с 8 марта.

-- Успели и туда залезть, -- зло прошипела Краснова.

-- Не будем торговаться, -- предложил я. -- А книжечку дайте, не стану же я силой ее брать?

Краснова достала записную книжку и не положила, а просто швырнула на стол и отвернулась. Видно, крепко прижал я ее.

Взяв блокнот, стал перелистывать его. Нашел записи о клиентах. О, да тут уже и новые!

-- Я пожалуюсь на вас Константинычу и прокурору, -- услышал вдруг угрожающие слова Красновой. Александр Константинович Денисов (я об этом раньше говорил) -- начальник районной милиции. Константинычем его доверительно звали самые близкие из его окружения. Видимо, пять дней после получения повестки Краснова искала какие-то подходы к руководителям правоохранительных органов района. По-свойски назвав начальника милиции Константинычем, она хотела показать, что состоит в доверительных с ним отношениях. Приемчик старый, уж этим-то меня не запугать. Возможно, и обо мне что-то успела разузнать, но меня это не волновало. За время работы по делу Красновой мне поступил по ней лишь один звонок. Я даже не разобрал фамилию звонившего, представившегося сотрудником областной службы БХСС. Он поинтересовался, что там за вопрос я решаю. «Ничего особенного», -- ответил я, и на том разговор прекратился. Не исключено, что кто-то проявил бдительность, когда я начал изучать журналы приема граждан областным руководством. Чему же тут удивляться? А может, кто из опрошенных мной потерпевших передал наш разговор кому-то еще. Все могло быть.

Чтобы не играть больше в кошки-мышки, я показал Красновой санкцию прокурора на проведение в ее доме обыска, а заодно предложил ей оформить явку с повинной. Молчание ее на этот раз было особенно долгим. Я не торопился. Краснова изредка бросала мрачные взгляды на объемистую папку, лежавшую на столе, и думала, думала, думала...

Потом, вздохнув, попросила ручку с бумагой и молча стала писать. Писала долго, с перерывами. Ее признательное заявление, написанное мелким почерком, уложилось на девяти листах. Краснова написала о многих эпизодах: когда, где, у кого, сколько и для чего брала денег. Часть давних эпизодов она скорее всего уже и сама не помнила, но это и не играло большого значения. То, о чем она подзабыла, «вспомним» потом вместе. Главное, что она как-то неожиданно, почти без нажима, добровольно признала свою вину. Может, почувствовала, что запыряться бесполезно и от содеянного ей все равно не уйти.

В этот же день в ее доме провели обыск. Помимо прочего, там было обнаружено много объемистых папок с жалобами в разные инстанции и полученными на них ответами. Краснова строчила жалобы обо всем: о недостатках в работе общественного транспорта, о плохом освещении городских улиц, об упущениях в работе с молодежью учреждений культуры, о плохом питании ребяташек в детских садах, о недостатках в работе учебных заведений и о многом другом. Этим она занималась упорно и настойчиво. Но основным ее «хобби» было -- брать у доверчивых людей деньги. Она их брала не стесняясь, а потом разыгрывала спектакль, что решает важные для них вопросы. Но во-

просы не решались, да и деньги под разными предложениями обратно к клиентам уже не возвращались. От всех сделок с клиентами навар у Красновой был немалый. В своем признании она в одном пыталась себя обелить: мол, деньги часто не брала, а занимала на ремонт своего дома. При обыске больших сумм обнаружено не было. Так бы все и продолжалось, если бы не проведенная мной кропотливая, в течение двух месяцев работа. Краснова и не помышляла, что однажды ее все же «раскрутят».

После обыска Краснову доставили в отдел милиции. Предстояло оформить необходимую документацию для помещения ее в следственный изолятор. Пока все это готовилось, мы с ней поговорили. Разговор получился невеселым. Краснова как-то вся вдруг поникла, и мне по-человечески было жаль ее. Тюрьма есть тюрьма, а дома-то почему бы не жить как все люди живут, ведь у нее муж и две дочери.

-- Вы меня так подвели под статью, что я и ахнуть не успела, -- с горечью призналась она.

-- Это моя работа, -- ответил я. -- Да и не все было так просто. -- Что я ей мог еще сказать?

-- На вас я не в обиде, сама во всем виновата. И Анатолию (имела в виду Колупаева) передайте: пусть не обижается.

В конце беседы попросила подарить ей мою ручку. Я подарил, пусть пишет. Скоро ее отправят в следственный изолятор. Делом мошенницы Красновой станет заниматься областная прокуратура. Позже состоится суд, который приговорит ее к 12 годам лишения свободы.

«Чебурашка»

Из практики своей оперативной работы хорошо знаю: на какие только авантюры не идут порой преступники, какие только хитросплетения и выкрутасы не придумывают. Случай, о котором пойдет речь, является лишним тому подтверждением.

Произошло это в августе 1985 года. Меня пригласил следователь районной прокуратуры Гужва и попросил разобраться с фактом изнасилования молодой девушки Екатерины Бражниковой. Разговор со следователем был коротким. «Вы умеете докапываться до истины, попрошу разобраться с данным случаем», -- сказал он и передал кое-какие материалы.

Произошло это ночью, в районе ближних садов по Острогужской. Вначале поступил звонок по «02», потом заявление от потерпевшей. Бражникова работала маляром в строительной организации и проживала в общежитии на улице Космонавтов.

Поехал в общежитие и встретился с Бражниковой. Небольшого роста, глазастая, головастеньякая, плотная, ну прямо «Чебурашка» -- и вот такая случилась беда, посочувствовал ей я. Узнал, что в Воронеж она приехала из Репьевского района, уже почти два года работает маляром. Суть же произошедшего, увы, банальна: припозднилась и ждала попутный транспорт. Остановилось такси. Водитель спросил: «Вам куда, девушка?» Оказалось по пути, села в машину. Но вместо общежития таксист и его сменщик завезли пассажирку в тихое место за городом и изнасиловали. Номер машины она вроде бы запомнила, в заявлении указала, но могла и ошибиться. А вот лица насильников уж

точно узнает. Рассказывая, всхлипывала, сокрушалась, как же теперь жить!

В комнате никого не было, девчонки на работе. Ей же следователь сказал сходить в поликлинику на экспертизу, но голова кружится, и ей сейчас не до экспертиз. Надо как можно быстрее, твердит, задержать насильников!

В общем-то, тут она была права. Уезжая в общежитие, я попросил дежурного созвониться с двумя таксопарками и узнать -- есть ли в их автопредприятиях машина с указанным потерпевшей номером? Тот ответил, что такси с названным номером в таксопарках нет. Вот тебе раз! Сказал об этом Бражникова. Хлопая глазами, та беспомощно развела руками.

-- Значит, перепутала... -- прошептала расстроено, а потом с угрозой в голосе сказала: -- Я их все равно разыщу и узнаю! Никуда не денутся! Поехали в таксопарки, -- заторопила она меня.

-- А как же с экспертизой? -- удивился я. -- Надо же, чтобы медики зафиксировали факт случившегося.

-- Ах, это не горит! -- почти равнодушно отмахнулась Бражникова. -- С экспертизой управлюсь, а вот таксистов надо поймать.

-- Так может, это были вовсе не таксисты? -- засомневался я.

-- Нет, они! -- твердо заявила потерпевшая. Зайдя за занавеску, стала одеваться.

Ее шараханья были мне как-то непонятны. В поликлинику не хочет, потому как плохо себя чувствует, а в таксопарк прямо-таки рвется. Вот тебе и «Чебурашка»...

Сели в машину и поехали в таксопарк, расположенный на улице Транспортной. Если здесь насильников не найдем, поедem в другой таксопарк, что на Минской. Бражникова же менялась на глазах: то жалобно хныкала, то кому-то грозила, то отрубалась и будто ее вовсе в машине не было.

«Уж не рехнулась ли случайно? -- подумал я, бросая искоса взгляд на девушку. -- После такого потрясения все может быть».

Неожиданно Бражникова спросила:

-- А почему вы не в милицейской форме?

Я ответил, что оперативникам можно исполнять свой служебный долг и в гражданской одежде. Поинтересовался, почему это ее вдруг так заинтересовала моя форма?

-- Так мне больше верить будут, -- ответила Бражникова и молчала до тех пор, пока не подъехали к воротам автопарка.

Зашли к начальнику отдела кадров. Сказал ему о цели визита, представил Бражникову. Нам дали карточки учета с фотографиями на каждого водителя. Сели и вместе стали просматривать. Просмотр был недолгим. Каждый раз, едва глянув на фотографию, Бражникова крутила головой:

-- Не-ет, не он... не-ет, совсем не тот... -- Отложив карточки, стали думать, что же делать дальше. А за двери отдела кадров уже просочился слух, что милиция разыскивает двух насильников-таксистов. Пока смотрели картотеку, а потом ходили по таксопарку, выезд таксистов временно задерживался. Поднялся переполох, которого в автохозяйстве сроду не было. Водители горячо обсуждали между собой, кто же эти подонки и как они посмели совершить такое подлое дело!

Ходили по автохозяйству я, Бражникова и начальник отдела кадров. Ходили долго, нам представляли водителей, но все было не то. Начальник отде-

ла кадров брал на заметку фамилии отсутствующих по разным причинам таксистов, давал задания срочно собрать их и завтра-послезавтра представить для опознания потерпевшей.

Оттуда мы поехали в автохозяйство, расположенное на улице Минской. Там процедура повторилась: посмотрели карточки учета с фотографиями водителей, потом ходили по территории таксопарка. Но насильники не находились. Я заметил, что и в первом, и во втором автохозяйствах Бражникова некоторые фотографии разглядывала более внимательно, потом откладывала в сторону. «Нет, -- говорила, -- не тот». Мне не нравилось, как она вела себя. Со стеклянными, полубезумными глазами подходила к водителям и словно заклинание повторяла:

-- Я найду их, разыщу... Меня изнасиловали, я найду, разыщу...

Отведя в сторонку, я говорил ей:

-- Ну чего заладила: «найду», «изнасиловали»... Все знают, зачем приехали, помолчи. -- Но у нее в голове словно что-то заклинило, продолжала повторять то же самое.

Полдня прокатался, проходил с ней по автохозяйствам, однако толку никакого. Дав Бражниковой свой телефон и телефон дежурного по отделу милиции, сказал, что на опознание отсутствовавших водителей она может и без меня съездить. Если же потребуюсь, то пусть срочно вызывает через дежурного, а мне надо заниматься и другими делами. Встречу с ней в общежитии назначил на следующий день.

Но встреча эта не состоялась. Я подождал-подождал и занялся другим делом. А дня через два меня вызвал следователь Гужва и сказал, что дело по изнасилованию Бражниковой прекращает, так как она написала заявление, что таксисты ни в чем не виноваты, а виновна она сама и все произошло по ее согласию. Таким способом Бражникова решила якобы отомстить своему жениху и земляку, который ей изменил. Дело об изнасиловании Бражниковой было прекращено, и у меня от всего этого остался на душе какой-то неприятный осадок.

Прошло месяца два после этого случая. Выбрав свободное время, я решил зайти в общежитие, чтобы поговорить с Бражниковой. Хотелось поглядеть ей в глаза, узнать, для чего она морочила голову мне и водителям автохозяйств. Если бы еще я сам все эти ее выкрутасы и переживания не видел и не слышал... Короче, решил повоспитывать «Чебурашку», чтоб впредь подобного не допускала.

Но встретиться с нею опять не получилось. Пришел в общежитие, а ее нет. Подружки по комнате сказали, что у Кати горе -- опять изнасиловали ее, бедняжку, и замотали по разным инстанциям, места себе не находит. Кое-как допытался, что случилось это поздно вечером, в безлюдном месте и что данным вопросом занимается следователь прокуратуры Ленинского района. Фамилию следователя они не знали, но у меня там работали знакомые, и вскоре я полностью был в курсе дела. Да, случай такой имел место, пояснил мне следователь. Дело было возбуждено по ее заявлению, и насильник по ее показаниям был вскоре установлен. Человек оказался весьма положительный, семейный, хорошо обеспеченный, никто бы и не подумал. Но потом, когда уже все вроде было ясней ясного, дело пришлось прекратить по заявлению самой же потерпевшей. Суть заявления заключалась в том, что большую часть вины

она взяла на себя и никаких претензий к насильнику не предъявляла. Следователь не стал мне подробно объяснять, в чем же проявилась ее вина и что заставило ее написать повторное заявление, которое послужило основанием для прекращения уголовного дела. В общем, от всяких претензий Бражникова отказалась, а следователь, кстати, спросил, почему это меня так заинтересовало.

Пришлось рассказать, что аналогичным вопросом несколько месяцев назад пришлось заниматься и мне и финал был точно такой же. После разговора со следователем в голове моей появился ворох разных мыслей: я вновь и вновь прокручивал все произошедшее тогда. Из-за того, что мне так и не удалось больше встретиться с потерпевшей, осталось много неясностей. Но большой объем работы как всегда захлестывал, и я попереживал-попереживал, в чем-то посомневался да на том и успокоился.

Но так уж, видно, судьбе было угодно, что делом Бражниковой мне пришлось заняться вновь. После разговора со следователем прокуратуры Ленинского района прошло месяца четыре, и как-то я поведал о случаях с Бражниковой своему коллеге по розыску Николаеву.

Тот покачал головой:

-- Хитрая молодая особа, своего не упустит. -- И рассказал, как занимался розыском ее пропавших золотых сережек и колечка. В своем заявлении Бражникова написала, что золотые изделия купила недавно и они почти сразу же пропали. В краже подозревала подруг, с которыми проживала в одной комнате.

-- И чем же все закончилось? -- спросил я Николаева.

-- А ничем, -- хмыкнул он. -- То из кожи вон лезла, настаивая, что это подружки украли ее золото, и я девчонок не раз допрашивал в милиции: столько слез, бедные, пролили, оправдывались, что в глаза не видели этих сережек и кольца. А потом Бражникова вдруг пришла и, как ни в чем ни бывало, заявила, что вещички нашлись. Она их, оказывается, куда-то сунула и позабыла, а в пропаже стала винить подруг. В общем, дело пришлось прекратить в связи с изменившимися обстоятельствами. Но соседкам ее крепко досталось -- надо же, обвинила беспричинно в краже!

-- Да тут скорее дурость, чем хитрость, -- пожал плечами я. -- Или и то и другое.

-- Ну Бражникова сказала, что сама сообщит девушкам о прекращении дела. Сама, мол, кашу заварила, сама перед ними и извинюсь.

-- Так известила она девчонок или нет, что дело прекращено? -- спросил я ради любопытства.

-- Не знаю, наверно... -- ответил Николаев не очень уверенно.

Тем же вечером я поехал в общежитие на улице Космонавтов. Еду и думаю: уж теперь-то дождусь Бражникову во чтобы то ни стало. Но не тут-то было: в общежитии ее не оказалось: укатила, и не куда-нибудь, а в Тбилиси. Об этом мне сказали девушки, проживавшие с ней в комнате. Зачем поехала в Грузию, чего там потеряла, -- никому не ведомо. Хотел уже уходить, да вспомнил разговор с Николаевым о краже золота и о подозрении в краже этих вот самых девчонок. Спросил: а знают ли они, что дело прекращено? Ответили, что не знают, Бражникова им об этом ничего не сказала.

Девчонки, как услышали о прекращении дела, повеселели, разговари-

лись. Оказывается, что и здесь Бражникова гнула свою линию. Она как бы по секрету сказала, что в милицию вызывать их теперь не будут, так как там с кем надо все уладила. Но за «любезность» с ее стороны потребовала, чтобы они покупали ей продукты, так как она больная, зарабатывает мало и есть ей нечего. И девушки подчинились: уж лучше кормить вредную соседку, чем ходить и оправдываться в милиции. Я был рад, что обрадовал их, а заодно у меня в голове созрел некий план в отношении Бражниковой. Мысль появилась как всегда неожиданно, будто кто свыше подсказал. Приехав в райотдел, я срочно подготовил на Бражникову ориентировку и отправил в Тбилиси. Смысл ориентировки был прост: просил проинформировать, не было ли в течение последних десяти дней случаев изнасилования гражданки Бражниковой, прибывшей в Тбилиси из Воронежа. Стал ждать.

Через день пришел ответ, что таких случаев зарегистрировано два и в каждом «эпизоде» Бражникову насиловали таксисты. Сообщалось также, что вопрос о привлечении виновных к уголовной ответственности в обоих случаях отпал, так как стороны разошлись мирным путем.

Прочитав, не поверил своим глазам. Значит, не ошибся: Бражникова свои сексуальные похождения сочетала с умыслом и расчетом. Сначала совершалось, так сказать, «действие», а потом с ее стороны на якобы насильника начиналось психологическое давление с угрозами привлечения его к уголовной ответственности.

Однако до суда дело не доходило. Получив энную сумму денег, Бражникова писала заявление, что никаких претензий к насильнику не имеет. Сколько было таких случаев и сколько денег брала Бражникова со своих неосторожных «клиентов», предстояло еще доказать. Разобраться с этим было, в принципе, несложно. Я знал, когда Бражникова приехала в Воронеж, с какого времени поселилась в общежитии и стала работать маляром в домостроительном комбинате. Узнал, сколько и в каких районах было совершено ее «изнасилований», прибавил несколько случаев по Тбилиси. Не было проблем и по установлению лиц, вступавших с нею в половую связь. Так что как только Бражникова вернулась из Тбилиси, я ее уже поджидал и пригласил в отдел милиции для беседы.

Надо сказать, что вначале девушка вела себя развязно и нагло. Я напомнил ей наш совместный рейд по автохозяевам, где мы так и не нашли ее насильников. Этих ребят я уже установил, и они дали мне свои показания, но Бражникова об этом, естественно, ничего не знала. Когда я спросил, чем же закончилась ее эпопея по таксистам, она буркнула, что ничем, таксистов тех не нашла, вот и написала в заявлении о прекращении дела, что сама во всем виновата.

Я попросил ее зафиксировать свои слова на бумаге, что она и сделала. Таким же образом подтвердила свои «изнасилования» в Левобережном и Ленинском районах. Старался ей подыграть: ох, вот же какая несчастная, больная и бедная, что ж ее постоянно насилюют да обворовывают!.. Потом перешел от слов к делу: назвал, какие суммы денег она получила от таксистов и других «насильников», и сообщил, чем закончилась кража ее золотых изделий. Рассказал о своей поездке на ее родину в Репьевский район, о разговоре с матерью и ее словах, какие дочка своим трудом зарабатывает в городе деньги. Напомнил о крупной сумме, положенной ею на сберкнижку.

Бражникова вначале не поверила, что я и в их деревню уже смотался. Думала, что разыгрываю. О деньгах-то на сберкнижке можно и в Воронеже узнать. Пришлось процитировать ее мать. К примеру: «Дочка-то моя дюжа большой мастер, по тыще, а то и более зарабатывая... И в ково пошла такая, ума не приложу!.. Хрестовик-то пятистенковый на ее денежки возвела. Вот какая она у меня...» Ну, а когда я поведал, чем она занималась в Тбилиси и сколько денег получила от богатых грузин, для убедительности ввернув, что они хоть и грузины, а сердце-то человеческое, да и кому охота срам-то перед людьми нести, Бражникова поняла, что хитрить и запираяться дальше бесполезно.

Рассказала все как на духу. Милиция нужна была ей, чтобы нагнать на так называемых насильников, которых, как правило, сама же и завлекала, побольше страха. Чем больше они боялись огласки, тем больше платили денег. Таксу определяла в зависимости от обстоятельств: от тысячи рублей до двух тысяч и больше. Небедные грузины, к примеру, заплатили ей около двадцати тысяч рублей. Вот так-то.

Работа оперативника требует навыка и опыта. Считал и считаю, что подозреваемого ни в коем случае нельзя унижать и тем более бить. Но порой приходится малость схитрить и обмануть, где-то принять неординарное, а может даже и чуточку авантюрное решение. Без этого, на мой взгляд, у опытных оперативников не обходится. Мозги должны работать и искать, искать выходы на разумные версии в самых порой запутанных ситуациях. Беседа с подозреваемыми должна вестись предметно и убедительно. Это моя точка зрения, и мне это в работе часто помогало. Взять хотя бы случай с той же Бражниковой: она ведь помогла мне раскрыть одну кражу. У нее был парень с их же деревни, с которым она дружила и считала своим женихом. Жил ее жених, будем так его называть, в общежитии на улице Любы Шевцовой, а работал каменщиком в строительной организации. Жених был тоже не промах и если где что-то плохо лежало, то своего не упускал. У жениха был друг, с которым они вместе работали и жили в одной комнате. Этот друг купил себе хорошую куртку, которая понравилась «жениху», и он решил ее украсть. Но как это сделать, чтобы никто не заметил и даже не подумал на него?

Короче, «жених» обговорил все со своей «невестой» в некий воскресный день. И было так. Когда они с другом пошли бриться в бытовку, ему вдруг срочно потребовалось «заменить лезвие». Всего-то и отлучился на несколько минут, но за это время управился выбросить куртку в окно поджидавшей там Бражниковой. Та ее забрала, спрятала в камере хранения на вокзале, а потом продала. Бражникову я задержал сразу по ее приезду из Тбилиси, и она не была в курсе того, как раскручивалось дело по краже куртки. Подозрение на ее жениха было, но только подозрение -- не больше. Вот я и подумал: а не обошлось ли и тут без вездесущей Бражниковой? И -- попал в точку. Она подумала, что жених уже во всем сознался, и рассказала, в чем заключалось ее участие. Да что там куртка, если сама погорела на большом, уж тут-то, думала, комар носа не подточит. Но дотошный попался мент: во все дырки нос свой сунул, все разузнал. Ведь так было просто и денежно: себя кому хотела предлагала, даже рубля загодя ни с кого не просила, а потом в милицию заявляла и шорох с помощью той же милиции делала и страх на кого надо нагоняла. Кто бы мог подумать, что такое надежное дело и сорвется?

Но думать теперь Бражниковой придется много. А я подготовил подробный рапорт и передал его в следствие. Был суд. Бражникову приговорили к пяти годам лишения свободы. Судья-женщина после вынесения приговора вздохнула:

-- Сколько работаю, но таких мошенниц-пройдох еще не встречала...

Иракское золото

Это произошло в начале 80-х годов теперь уже прошлого века. Встретил я как-то некоего Леонида Порфирьевича по фамилии Сборец. В нашем районе его знали и уважали как человека работающего, положительного и состоятельного. Долгое время Леонид Порфирьевич проработал в Ираке, а вернувшись оттуда, решил многие бытовые вопросы: купил себе автомашину «Волгу», построил гараж на улице Пешестрелецкой. Давно я его не видел, а встретившись, сразу и не узнал: всегда спокойный и добродушный, Сборец был сам не свой. Он знал, где я работаю, и рассказал пренеприятную историю, которая с ним приключилась.

Около трех лет назад у него украли золотых изделий общим весом почти на два килограмма. О том, что из Ирака он привез золотишко, разговоры в народе ходили, но сколько и какого золота, никто, естественно, не знал. Теперь же он сам открыл мне эту тайну. Рассказал также, что раскрытием кражи долгое время занимались сотрудники управления уголовного розыска по Воронежской области: со своей бедой он сразу же обратился к начальнику этого управления Шапареву, которого хорошо знал. Но с момента кражи прошло уже немало лет, а преступление так и осталось нераскрытым. Мне показалось, что Леонид Порфирьевич рассказал мне обо всем не потому, что я работник милиции, а просто как знакомому человеку, поделился своим горем.

Но как оперативника меня этот случай не мог не заинтересовать. Конечно же, я высказал ему чисто человеческое сочувствие, посожалел, что кража осталась нераскрытой, и проводил его до дома. А пока шли, узнал и некоторые подробности этого дела. Пропали разные золотые изделия: колечки, перстни, серьги, была даже золотая статуэточка царицы Нефертити. Получая в Ираке солидные деньги, Сборец свои сбережения вкладывал в эти изделия -- золото, считал он, есть золото, и его всегда можно с выгодой для себя продать. Семья Сборца состояла из четырех человек: он, жена, дочь и сын-школьник. Квартира -- трехкомнатная, для четверых вполне нормальная. Золото прятали в кладовке, и об этом знали трое: сам хозяин, его жена и дочь. Тринадцатилетнего сына Виктора в это дело не посвящали.

Все шло спокойно, и никаких проблем с хранением ценностей не возникало. Но вот по городу прокатилась серия квартирных краж. Обворовывались квартиры, как правило, состоятельных семей, у которых водились большие деньги, имелись золотые украшения и другие ценности. Леонид Порфирьевич заволновался. Хотел он того или не хотел, но слух о том, что из Ирака приехал не с пустыми руками -- по народу ходил. Стал советоваться с женой: а не лучше ли перепрятать золото в гараж? Он уже и продумал, куда его поместить -- в забортированное колесо. Колеса у «Волги» были бескамерные, так что запрятает сверток под крышку, насосом накачает, и будет колесо храниться как запаска. Жена в эти детали вникать не стала, мужу она во всем доверяла и с

его доводами согласилась. Все вроде бы было по-умному продумано и сделано. Но как можно все наперед в жизни просчитать и предусмотреть? Вот и тут оказалось, что никак. Сынишке Виктору шел тринадцатый год. Мальчишка вроде бы и неплохой, но разбалованный и ему перед приятелями страсть как хотелось показать себя этаким крутым, чтобы ребятня ему не только позавидовала, но и зауважала. И решил Виктор покатасть друзей на машине отца. Тот его азам вождения «Волги» понемногу учил, но одному ездить запрещал.

Однако сын думал совсем по-другому: ключи от гаража и от машины он знал, где отец хранил, -- незаметно возьмет, а попозже, вечером, выгонит машину из гаража. Вот и покатаются. Автомобилей на улицах в вечернее время мало, и все будет нормально. Так он мыслил своими детскими мозгами, и, возможно, все действительно прошло бы нормально, но пацанов задержали два инспектора ГАИ Коминтерновского района. Машину отогнали к отделу и стали разбираться. Узнав, что Виктор угнал «Волгу» своего отца, они вызвали того в райотдел. Пока шло разбирательство, Виктор и его друзья сидели в комнате для задержанных. Приехавший в райотдел милиции Леонид Порфирьевич был рад, что машина не побита, а запаска на своем месте. Его больше всего волновало как раз это, а с перепуганным сыном разберется дома, без посторонних.

Выслушав критические замечания работников Госавтоинспекции, Сборец посадил ребят в машину, развез по домам, а затем поехал в гараж. Спешил узнать -- все ли там на месте. Загнав «Волгу», первым делом размонтировал запаску. Размонтировал и... дыхание перехватило: свертка с золотыми изделиями в запасном колесе не было. Схватился за голову, сердце чуть из груди не выскочило, мысли в голове путались. Никак не хотел поверить, что так берегаемые им драгоценности пропали. Взволнованно начал проверять все остальные колеса, думая, что, возможно, перепутал запаску с другим колесом, но и это ничего не дало. Домой приехал ни жив ни мертв. Рассказал все как есть жене и дочери. Те в слезы. Витьку шлепать не стал, но долго расспрашивал о том, сколько и где они катались и когда их задержали работники ГАИ. Подумал: а может, это они при проверке машины, в чем-то усомнившись, колесо размонтировали и забрали свертки с ценностями? Много ли нужно для этого времени? Но надо было принимать какое-то решение по поискам золота...

Думал, волновался, сидевшие рядом жена и дети вместе с ним переживали. «Может, к гаишникам поехать и попросить, чтоб вернули? -- вздохнул. -- Но ведь, коли взяли, то уж точно не отдадут, откажутся. И что дальше?..» Опять расспрашивал сына о том, не заметил ли он в действиях гаишников чего-то необычного?

Виктор пожимал плечами. Он уже не хныкал и на отца за то, что его отругал, нисколько не обижался. Каких-то других мыслей у Леонида Порфирьевича в голове не было. Дочь предложила обратиться в милицию. Жена ее поддержала. Тут же вспомнили, что их хороший знакомый Шапарев возглавляет управление областного уголовного розыска. Бедняга решил было позвонить ему и посоветоваться, как быть. Потом передумал: зачем звонить, лучше уж поехать на квартиру и поговорить без лишних свидетелей.

А дальше все было так, как и обычно бывает: по факту кражи драгоценностей завели уголовное дело, и началась оперативно-розыскная работа. Дли-

лась она долго. Подозревались в краже работники Госавтоинспекции.

Предполагалось, что это они задержали пацанов, подогнали машину к отделу, устроили там тщательную проверку, полагая, что ребяташки где-то что-то обворовали, и неожиданно нашли в запаске сверток с драгоценностями. От такого неожиданно свалившегося богатства сами ошалели. Ясно, что говорить о ценной находке никому не стали и срочно вызвали владельца машины, дабы в дальнейшем не вызывать к себе никаких подозрений. Данная версия была основной, ее и старались доказать. Но как ни пытались расколоть работников ГАИ на предмет признания в совершении кражи, ничего не получилось. Свою вину те категорически отрицали.

В конечном итоге, хотя и не было доказано, что именно они украли золото, инспекторов из органов внутренних дел уволили, а кража так и осталась нераскрытой. Надо ли говорить, как переживал все это время Леонид Порфирьевич? Клял себя на чем белый свет стоит. Ведь если бы сам не вздумал перезахоронить драгоценности в гараж, запрятав их в запасное колесо, то они были бы на месте, и жили бы все спокойно, без всяких проблем. Нет же, устроил на старости лет семье «райскую» жизнь. Да от такой житухи хоть в петлю лезь!..

Узнав от Леонида Порфирьевича некоторые подробности случившегося, я и в самом деле крепко посочувствовал ему, а заодно задумался, чем же можно было бы помочь в раскрытии кражи иракского золота. В какой-то степени смущало то, что над данным делом долго работали оперативники из областного уголовного розыска. Но мысль заработала и уже не давала покоя. Я решил, не откладывая дела в долгий ящик, посоветоваться со своим руководством, рассказал о появившейся версии, ну а уж дополнительную нагрузку пообещал взять на себя лично. Согласие получил и, не афишируя, приступил к работе.

Когда разговаривал с Леонидом Порфирьевичем, то как бы вскользь спросил о Викторе. Ведь что ни говори, а пропажа драгоценностей была обнаружена после угона им автомашины отца. Да, в то время ему шел только тринадцатый год, но проявлял-то себя он далеко не по-детски, так я мысленно рассуждал.

Ответ Леонида Порфирьевича был явно не в пользу сына. «Ах,-- сказал он далеко не весело, -- этот дуралей продолжает чудить, нет-нет да и подбросит нам с женой какие-то неприятности». Помолчав, добавил, что из дома вещички приворовывает, машину опять угонял, с нехорошими дружками связался. «Ему уже семнадцать, а ума, сопляк, так и не набрался...»

Ничего не стал я Сборцу говорить, а, придя на следующий день на работу, занялся просмотром личной картотеки. Это своего рода накопительная папка, состоит она из нескольких альбомов. В картотеку помещал все, что могло пригодиться в дальнейшей работе: фотографии и какая-то информация о правонарушителях, их клички и события из личной жизни; с кем общались, чем увлекались и многое другое, порой так необходимое в нашей розыскной работе. Сейчас мне важно было узнать, с кем Виктор дружил в период первого угона машины. Пришлось поковыряться не только в своей картотеке, но и сделать несколько звонков по телефону.

И его дружков я все-таки вычислил. Одного пригласил для разговора, но он ничего толком не сказал. Другой тоже ничего интересного не поведал. А

вот третий... Разговор завел с ним, казалось бы, совсем безобидный: где раньше проводил время, с кем общался, помнит ли, чем торговал когда-то в лесополосе у Южно-Моравской? Какие папиросы курили и что пили?..

Собеседник разговорился. Когда речь зашла о папиросах, он вспомнил, что кое-кто из ребят покуривал дорогие сигареты «Мальборо». В их числе назвал и Виктора Сборца. Проговорился, что эти сигареты Виктор брал у одного парня, а однажды передал этому парню по кличке Нос что-то клевое всего лишь за четыре пачки «Мальборо». Отдал из-за страха, потому как боялся его. Нос пригрозил Виктору, что если он об этой сделке кому вякнет, то лоб ему расшибет.

Беседа давно закончилась, а я все думал и думал над тем, что услышал. Тому парню по кличке Нос, о котором шел разговор, уже в те годы было около тридцати лет. Шепелев Александр милиции был хорошо известен, да и мои с ним жизненные пути-дороги не раз пересекались. Сложный человек. Был сугубым за спекуляцию, в «лесополосе» торговал заграничными джинсами, пластинками, кассетами, сигаретами, значками и много чем еще. Своим поделникам говорил, что товар ему доставляют из самой Америки... Ай да Витька «крутой», ай да сопляк! -- вон, оказывается, попал под чье влияние! У Сашки Шепелева уж точно не сорвешься, и свое он просто так никому не отдаст. Но как найти к нему подход? Да и времени уже столько пролетело. Может, он и золотишко-то подрасторговал? У спекулянтов такие вещички не залеживаются.

К нему нужен какой-то особый подход, но какой?.. -- думал я.

Для начала решил встретиться с Виктором и вызвал его по повестке в отдел милиции. Парня надо было взять на мушку: мол, золото, что он отдал Александру Шепелеву, с одного убийства. О золоте отца речи не должно быть. Это была моя выдумка, мое неординарное решение, своего рода, скажу так, авантюра! Ведь никакого убийства на самом деле не было, но я считал, что по-другому с Шепелевым ничего не получится. Если он золото до конца не разбазарил, то из-за убийства вернет и ничего себе не оставит. Ну а если что-то из драгоценностей продал, то и на этом можно ловко сыграть в мою пользу. Скажу, что поступила железная информация от одного покупателя, так что сообщай. О многих покупателях говорить не стоит, а об одном можно. Оперативная смекалка в нашей работе просто необходима. Настоящий сыщик -- это охотник... Но это уже на перспективу, а пока следовало поработать с Виктором. Удастся ли его переломить? Если обойтись без лишних слов, то разговор с Виктором получился, и он, хотя и не сразу, но согласился подтвердить то, о чем я его просил.

Теперь до встречи с Носом мне еще предстояло немало продумать и над многим поработать. В общем, к встрече с Александром Шепелевым готовился основательно. Просматривая свою картотеку, нашел любопытную запись: «Спекулянт и мошенник Шепелев, кличка Нос, по своей натуре на «мокрое» дело не пойдет». И еще запись, чуть ниже: «Не любит глядеть на мертвецов». Я как раз на этом и хотел сыграть, да простит меня Шепелев.

Итак, встреча. Шепелев заходит в кабинет, смотрит на меня и удивленно разводит руками:

-- О, товарищ капитан, рад видеть!

Я молча и совсем не радушно показал рукой на стул.

-- Пока не капитан, а старший лейтенант, но если поможешь, то и капитаном стану, -- проворчал я, думая, как лучше построить с ним разговор.

-- Так я что... Я всегда рад помочь, если в силах, -- сразу переключился Шепелев на деловой тон, хотя и явно не понимая, в чем же потребуется его помощь. А я не спешу, мне это было выгодно, пусть покумекает, зачем позвал. Молчу, делаю озабоченное лицо.

-- ...Вы же знаете, я насчет «мокрухи» ни-ни! Так, спекульну каким-нибудь ходовым товаром в лесополосе. Кручусь там с разными нумизматами да марочниками. Люди это не опасные, иногда чево-то и сам подкуплю у них... Если заинтересует...

Я молчу, думаю, глаза в стол уперлись, лоб хмурый. Потом говорю:

-- Знаю, знаю тебя, Нос, давно за тобой наблюдаю, потому и понять никак не могу: как же могло такое случиться, ты -- и «мокрое» дело? -- Вот теперь-то и глянул в его глаза. А они у него бегают, как у лиса, на месте ни секунды не постоят. На сухощавом лице выделяется своим размером хрящеватый нос, потому и кличку получил такую. А так, если не знать, чем занимается, человек как человек... Да, глаза у Носа не на шутку замельтешили. С чего бы это?

-- Есть доказательства? -- спросил тихо, будто духу, чтобы сказать громче, не хватило.

-- Это все будет, не переживай. Просто так, сам знаешь, не потревожил бы. Будут и кто вещички, прихваченные у убитого, тебе передал, и другие веские, -- тут сделал ударение, -- доказательства... Всеу свое время. Может, сам, пока не поздно, откроешься?

-- Да нечего мне открываться! -- воскликнул Шепелев. -- И так весь нараспашку. Вы же меня давно знаете, кому-кому, а вам врать не стану. Не было и нет мокрого дела! -- заявил Нос решительно и даже с какой-то обидой.

-- Я не говорю, что ты убивал, нет, не убивал, но... причастен к убийству. Убийцами оказались сопляки. А может, ими кто-то верховодил, направлял, чтобы какую-то для себя выгоду заиметь? А?

-- Ей-богу, ничего не пойму, -- дрожащим голосом пролепетал Шепелев. -- Какие-то сопляки убили, а я при чем? Какая такая выгода?..

-- Ладно, хватит темнить. Скажи-ка мне, Александр Михайлович, передавали тебе пацаны в 1982 году золотишко? Напоминаю: один из тех пацанов Виктор Сборец? Он, кстати, сейчас в соседней комнате, а вот и его объяснительная. На, почитай... -- Уткнувшись в лист бумаги, Шепелев, шевеля губами, стал читать. А я достал из сейфа конверт с фотографиями после вскрытия одного трупа в судмедэкспертизе. Все пока шло по плану.

Прочитав показания Виктора Сборца, Шепелев положил листок на стол и поскреб пальцами макушку головы:

-- Чуть какая-то: пацаны, убийство, золото. Зачем мне все это?

Я снял трубку телефона и позвонил. Почти сразу же сотрудник отдела ввел в кабинет Виктора Сборца: так было раньше договорено. Вот тут-то лисьи глаза Носа прекратили мельтешить и словно прилипли к лицу Виктора. Только и сказал:

-- А-а, этот пацан!.. Помню-помню, то джинсики, то кассеты у меня покупал...

-- Сигареты «Мальборо» тоже, -- вставил Виктор.

-- И что с того? Может, и сигареты брал. Все разве упомнишь?

-- Один раз я получил сразу четыре пачки за золото, что с пацанами принес. Вы мне еще пригрозили, чтоб про это никому ни гу-гу, а то лоб расшибете. А сигареты после этого стали давать бесплатно. Ребята, они тут, всё-е пораскажут...

Виктор явно разговорился, но все главное уже сказано.

-- Стоп! -- оборвал я и попросил его вывести.

Я молчал, а Шепелев оправдывался. Встреча со Сборцем была для него неожиданностью, но он крутился и изворачивался как мог:

-- Не знаю, ничего не понимаю, какое-то золото придумал! Да в своем ли он уме?

-- Я кивнул:

-- Все так и... не так. Хотелось бы верить тебе, Александр Михайлович, да не могу. Факты, понимаешь, факты, а они -- вещь упрямая.

-- Что за факты? -- насторожился Шепелев. Я же с ответом не спешил, а потом взял да и рассказал выдуманную историю о покупке оригинальной золотой вещицы неким влиятельным человеком. Купить-то он ее купил, но сразу же обратился в соответствующие органы, чтобы проверить. Проверили и установили... А продолжать не стал.

Шепелев с присвистом (может, простыл) сопел носом и думал. Тем временем я протянул ему конверт с фотографиями и попросил взглянуть на них. Шепелев поглядел, сморщился и бросил на меня расстроенный взгляд.

-- Это как раз тот самый человек, вернее, он был человеком, но его лишили жизни, а золото украли и оно попало к тебе, Александр Михайлович. По убийству и золоту была информация, много разговоров. Советую вернуть всё и не привязывать себя к этому убийству. Не в твоих интересах...

Короче, я пообещал, что ничего ему не будет, если отдаст золото. Ведь и в самом деле Шепелеву не известно, откуда оно? Эту мысль я ему внушал и своего добился. Можно сказать, что я его «развел». Не думаю, что он пошел на это с большой охотой, но в данной ситуации, видимо, посчитал, что молчать нецелесообразно. Он не знал моих дальнейших планов и трусил, а я своими «фактами» крепко припер его к стенке. Под конец нашей беседы Шепелев сказал:

-- Клянусь Богом, что ни к какому убийству я не причастен. А золото, что мне когда-то всунули, верну. Покажу, где запрягано.

Читатель может представить после этих слов мою радость, радость сыщика, оперативника, называйте как угодно, -- радость, наконец, человека, исполнившего свой служебный долг. Да и как не порадоваться, если своим трудом и разумом, своей смекалкой я попал точно в десятку.

Драгоценности были закопаны Шепелевым в его саду. Когда сверток с ценностями забрали и привезли в райотдел, то на их передачу пригласили хозяина Леонида Порфирьевича, начальника отдела милиции Жабина Александра Петровича; были и еще представители, всех не помню. Радость у хозяина этих ценностей была через край. Он не ожидал, что я раскрою кражу, которую не сумели раскрыть раньше и после которой прошло более трех лет. Помню, что-то из вещичек он и мне предлагал, но я отказался. Драгоценности были в наличии почти все, в свертке не оказалось лишь золотой статуэтки царицы Нефертити. Шепелев продал ее одному весьма влиятельному человеку (фамилию называть не буду), так что и мое вольное предположение оказалось

верным и помогло в раскрытии кражи. Шепелев посчитал, что обложен со всех сторон и ему лучше сознаться. Сознался. А потом очень сильно переживал, что его так обвели вокруг пальца.

После нашей с ним беседы и возврата золота Нос отбыл в местах не столь отдаленных еще два срока за мошенничество. В настоящее время опять находится под следствием, якобы за убийство. Для меня это нонсенс, ведь на «мокруху» Шепелев никогда не шел. Но если судить с другой стороны, то жил он по своим понятиям, махиначил, выгадывал -- такая у него и концовка. Несколько слов еще об одном участнике кражи иракского золота -- Викторе Сборце. С детства он начал жить не по обычным человеческим нормам и правилам, а воровал, угонял машины, любил шикануть, показать себя крутым парнем, курил дорогие сигареты... Так и продолжалось. Продавал ворованные вещи, не только из своего дома, но потом и у родной сестры, и у других родственников. О таких, как Виктор, говорят, что горбатого и могила не исправит. Хотя мог бы и сам избавиться от дурных привычек и стать нормальным человеком. Но для этого нужен твердый характер и крепкие тормоза.

Да, вот еще о чем забыл сказать. Когда кража была раскрыта, я попросил руководство, чтобы безвинно пострадавших сотрудников Госавтоинспекции восстановили для продолжения службы в органах внутренних дел. Негоже нести тяжкий груз обвинения, если ты невиновен.

Пропала студентка

Мне хотелось бы рассказать о деле, которым пришлось заниматься буквально в первые дни своей оперативной работы. Я уже говорил, что оперативником в Советский отдел милиции меня назначили после окончания Каунасской средне-специальной школы милиции в октябре 1979 года. В кабинете нас тогда сидело четверо, был среди нас старший оперуполномоченный Гирчев. Много, чем приходилось каждому оперу заниматься, было известно и остальным. Проблемы и трудности тоже были общими. Я как мог старался во все вникать. Много неприятностей всем нам доставалось из-за пропажи студентки мединститута Рязанцевой (фамилия по мужу, тоже, кстати, студенту мединститута). О розыске Рязанцевой (а пропала она в 1978 году) разговор шел почти на каждой планерке. Ее мать, проживавшая на улице Южно-Моравской, и муж завалили всех жалобами, требуя, чтобы органы внутренних дел нашли, в конце концов, куда подевалась их дочь и жена. Да еще и «сверху» сыпались нагоняи, что не принимаем должных мер. Ну а что делать, если с розыском ничего не получалось? Хотя я и совсем недавно приступил к работе, но уже успел познакомиться и с ее матерью, и с мужем, составлял свой план мероприятий по этому делу, считая, что человек не иголка и не может исчезнуть бесследно. Хотя к тому времени дело было прокуратурой приостановлено, но я, в меру своих возможностей, продолжал им заниматься. Мысли в голову лезли всякие, как оно, в принципе, у нормальных оперативников и должно быть.

С матерью пропавшей мне встречаться кроме как в отделе больше не приходилось, а с ее мужем виделся еще дважды. Один раз у магазина «Дружба». Он был рассеян и меня не узнал, зато я его сразу узнал и поинтересовался, как жизнь. Он, кстати, запустил учебу и из мединститута был отчислен. Когда я спросил, как идут дела, он, поломавшись, ответил, что подрабатывает на

жизнь и на следующий год намерен восстановиться на учебу. Второй раз встретились у дома, где жила его теща. Опять спросил -- как дела? Да вот, ответил явно смущенно, помогаю матери бывшей жены. Потом забросал вопросами, их общий смысл был таков -- ищем мы Наталью или уже забыли? Упрекнул, что это ведь не свое горе. Такие слова меня укололи, и через несколько дней, снова оказавшись возле этого дома, я поговорил кое с кем из жильцов о помощи мужа пропавшей студентки ее матери.

Кто-то в это дело не вникал, кому-то было безразлично, а вот одна женщина сказала, что молодой человек на редкость заботлив и внимателен к матери пропавшей жены. Казалось бы, чего же тут плохого, что он такой внимательный? Но втемяшилось же мне в голову, что тут что-то нечисто и это надо как-то проверить. А как?

Стал думать и надумал. Мысль пришла весьма неординарная, и суть ее заключалась вот в чем: напротив дома, в котором проживала мать Рязанцевой (она жила на четвертом этаже, и планировку квартиры я хорошо знал), располагалась многоэтажка. Так вот, с пятого или шестого этажа я решил понаблюдать в бинокль за обитателями квартиры. Для этой цели купил, кстати, бинокль. И результаты «наблюдения» меня ошеломили. Отчисленный студент, бывший муж пропавшей жены, и мать пропавшей дочери вели себя как самые настоящие любовники! В моей голове появился рой разных мыслей. «Как же так? -- думал я. -- Завалили всех жалобами, что страдают и переживают, а сами развлекаются на пару?! Да как же так можно!..» Тяжелые, в общем, мысли ворочались в голове. Похоже, что и в самом деле тут не всё чисто. Значит, здесь кроется какая-то тайна и эти два человека ее ото всех скрывают... Но как это доказать? Сами-то не признаются. Нет, конечно. Стал искать какой-то выход, поделился своими проблемами с начальником розыска Журавлевым. Тот заинтересовался и обещал подумать. Подумал. И вскоре Рязанцева поместили на пять суток в КПЗ (камеру предварительного заключения), чтобы там с ним поработать. Я это оформил как положено: Рязанцев был задержан за нецензурную брань в общественном месте и приставание к девушке. При оформлении присутствовали понятые и, как свидетель, дружинник.

Немного отвлекусь. Представим, что человек подозревается в чем-то серьезном, но фактов, чтобы это доказать, у вас нет. Его можно, конечно, вызвать повесткой в райотдел и поговорить. Сказать, что чистосердечное признание будет учтено и срок за содеянное будет небольшой. Можно предложить чайку или сигарету. Но вряд ли подозреваемый на все ваши увещевания откроется. В КПЗ же обстановка совсем иная. Тут, если даже не стращают, то и без этого подозреваемого жуть берет. А если еще умело использовать оперативный натиск: к примеру, «нам стало известно», «в этом уже признались», подбросить какую-то фактурку, то человек будет совсем по-другому реагировать и больше шансов, что он раскроется. Лично я считаю, что КПЗ для работы с подозреваемыми, оснований для задержания к которым формально нет, в отдельных случаях использовать просто необходимо.

Так получилось и с Рязанцевым. Достаточно мне было рассказать о том, что за сцены я увидел через окно (о бинокле, конечно же, умолчал), да малость его жизнь с тещей после исчезновения жены приукрасить, а потом стращать, что за это можно крепко схлопотать, как он вмиг раскололся. А начиналась вся эта невеселая история так.

Василий и Наташа учились в мединституте: он на лечебном факультете, она -- на педиатрическом. Василий учился на третьем курсе, а будущая его жена -- на втором. Василий мечтал стать хирургом. Встретились они на институтских танцах, понравились друг другу и в конечном итоге поженились. Василий не воронежец, и молодые стали жить в квартире матери Наташи. Семья небольшая -- мать да они. Отец Наташи жену давно оставил и жил где-то в другом месте. Василия личные дела тещи мало интересовали. Ей было за сорок, женщина, что называется, в соку. Жили, занимаясь каждый своим делом.

А вот Василий теще понравился, не раз видел, какие взгляды она порой на него бросала. Она тоже ему как женщина приглянулась и даже возбуждала, когда по квартире, как бы невзначай, прошмыгивала перед ним в одних трусиках и лифчике в ванную комнату. Статная, в теле -- что надо. Колченогой, худенькой Наташке до нее далеко. В общем, оба глаз друг на друга положили.

Всё началось неожиданно. Как-то пришел Василий с занятий пораньше, а теща была в ванной комнате.

-- Это ты, Наташ? -- услышал он ее голос.

-- Нет, это я, Василий, -- ответил, раздеваясь.

-- А Наташа где?

-- У нее еще пара, потом в библиотеку заскочит.

-- Василёк, не посчитай за труд, принеси мне халат! Он на кровати лежит, -- попросила теща ласково.

Василий зашел в спальню тещи, схватил ее цветастый халат и напрямиком в ванную. Распахнув дверь и протянув халат, он обомлел и так замер с вытянутой рукой. Перед ним, совсем голая, стояла его теща. Она негромко ойкнула, одной рукой прикрыла грудь, другую опустила вниз. Немая сцена длилась недолго. Первой, как бы очнувшись, пришла в себя теща. Протянув руку за халатом и увидев, какими очарованными, восторженными глазами разглядывает ее Василий, она неожиданно притянула его к себе и, целуя, зашептала:

-- Пошли, Василёк, в постель, пошли, милый... -- Парень пошел безропотно и так же безропотно выполнял все, что она говорила.

-- Ты, Василёк, пока скинь с себя всё, а я дверь на замок прицелкну...

Дальнейшее происходило как во сне. Теща быстро вернулась, затащила его в свою постель и у них началась такая любовь, какой у Василия с ее дочерью сроду не бывало. Он совсем потерял голову...

Когда страсти малость поутихли, Василий, словно извиняясь за то, что между ними произошло, вздохнул:

-- Нехорошо это... Что Наташка подумает?

-- А откуда узнает? -- как-то слишком спокойно пожала плечами теща и вновь протянула к Василию руки. Он в любовном угаре опять обо всем позабыл.

Потом был разговор. Теща прямым текстом заявила Василию, что она, еще молодая женщина, оставленная давным-давно сбежавшим к другой бабе мужем, места себе не находит, когда они с ее дочкой занимаются в соседней комнате любовью. С дочки не убудет, если иногда он уделит внимание и ее матери. На том и договорились. Наташа ничего не замечала, хотя иногда с тревогой в голосе говорила, что Вася стал каким-то другим. «Но мало ли что в семейной жизни не бывает?» -- думала она и забывала о своем беспокойстве. А Василий продолжал заниматься любовными утехами то с женой, то с тещей.

Иногда задумывался: а кого же все-таки он больше любит -- жену или ее маму? Наташа об измене мужа даже не подозревала, а если что-то в разговорах между ними и возникало, то ненадолго и вскоре забывалось. И такая вот двойная жизнь длилась у Василия с полгода, а может, и больше. А потом наступил конец, что и должно было рано или поздно случиться.

В тот злополучный день Наташа, что-то погладив из одежды и быстро перекусив, ушла в институт раньше Василия. Перед уходом сказала, что нагрузка на занятиях у нее по полной программе. У Василия с утра занятий не было, да он все чаще на них и не спешил: с тещей-то в постели время провести куда веселей. Ей тоже можно было от работы на часок-другой увильнуть.

Перебравшись с утречка в кровать к теще, Василий занялся с ней сексом. Они потеряли всякую бдительность, даже входную дверь на защелку не закрыли. Наташа же, что-то позабыв, вернулась и когда увидела, что вытворяют в спальне ее муженек и мама, у нее глаза на лоб полезли. Во весь голос закричав, она разъяренной тигрицей набросилась на мужа и стала таскать его за волосы, избивать и царапать лицо. Так и не успев одеться, Василий голым выскочил на кухню, но жена и туда ворвалась. Избивая его, кричала, кричала...

То ли она сделала ему слишком больно, а он хотел как-то защититься, то ли Наташа совершила неожиданно резкое движение, но когда Василий схватил не остывший еще утюг, голова жены ударилась виском о его острый угол. Наташа, громко вскрикнув, упала на пол. Смерть наступила почти мгновенно.

Услышав громкий вскрик дочери, на кухню прибежала теща. Бросившись к Наталье и схватив ее за голову, стала целовать ее и просить прощения. Но дочь, хотя глаза у нее и были открыты, уже не подавала признаков жизни.

-- Ты что натворил, изверг, дрянь?! Ты же убил ее! Убил, убил!.. -- завопила она на Василия. Ее покрытое красными пятнами и слезами лицо сразу сделалось некрасивым. Она выла жалобно и как-то потерянно, возможно, впервые осознавая то, что натворила против родной дочери... Василий выскочил из кухни и стал быстро одеваться.

Был «Василёк», а стал извергом, дрянью... -- думал он с обидой на тещу. -- Да разве я хотел ее смерти? Зачем мне было убивать Наташу, зачем?.. «Изверг»... «Дрянь»... «Василёк»... А-а-а... О чем это я, когда через стенку лежит мертвая жена?.. Только что кричала, говорила обидные слова и била, шлепала по лицу... А рядом негромко плачет теща. Видно, боится, чтобы люди не услышали и не узнали...»

Вернувшись на кухню, Василий подошел к теще, обнял ее и начал смятенно объяснять, что все произошло случайно, он не хотел, но так получилось... Плакали оба, а затем, успокоившись и придя в себя, стали думать, что же делать с трупом.

Мне в жизни много пришлось повидать всяких людских жестокостей. Но такого, что рассказал хирург-недоучка Рязанцев, ни видеть, ни слышать мне еще не приходилось. Короче, выносить труп, даже ночью, они посчитали небезопасным. Поэтому «мясо» с тела своей жены Василий срезал ножом, укладывал в сумки и пакеты, а потом развозил с тещей по разным городским свалкам. Кости Наташи по частям вывезли за город и сбросили, тоже по частям, в реку Дон. Так жестоко, не предав земле, избавились они от тела родного человека: мать ни в чем не повинной перед ней дочери, а Василий -- от своей жены, которую, возможно, он и не хотел убивать, но...

После гибели Наташи Василий продолжал жить с тещей на правах бывшего мужа ее дочери. Учебу забросил и был из мединститута отчислен. Их совместной жизни теперь никто не мешал, и опасаться, закрывать дверь на задвижку было не от кого. А соседи говорили о том, какой Василий оказался милый и заботливый человек. Заявление о розыске дочери и жены подали сразу, и было заведено уголовное дело. Но желаемых результатов оно не принесло, да и не могло принести. Постепенно случай этот стал забываться, а Василий продолжал жить с тещей. Горе осталось позади, но... Но их семейную идиллию нарушил я.

Когда помещенный в КПЗ Василий рассказал как все было, я, не выпуская его из камеры временного задержания, вызвал в отдел милиции тещу. Попросил и ее сообщить, что случилось в тот трагический день в ее квартире.

Женщина уже знала, что муж дочери, с которым после ее смерти она продолжала сожительствовать, задержан, и отпираться не стала, рассказала во всех подробностях, как все началось и чем закончилось. Потом долго плакала.

-- Я-то тут при чем?! -- говорила сквозь слезы. -- Это он ее по голове бузнул...

У меня к ней было несколько вопросов. Один из них -- почему писали столько жалоб и заявлений, обвиняя всех, что розыском дочери никто не занимается, хотя знали истинную причину смерти дочери?

-- А как же не писать? -- ответила она с неподдельным удивлением. -- Ведь всякое могли подумать...

-- Значит, не хотели, чтобы люди о вас плохо думали? -- усмехнулся я, взглядываясь в лицо как-то сразу постаревшей женщины.

-- Выходит, что так, -- ответила она тихо и опять заплакала. Но жалости к ней у меня не было, ведь все началось с ее распущенности, которая и привела к страшному семейному горю.

-- Ну а почему уже после гибели дочери продолжали жить с ее убийцей?

-- Не стала другую молодую жизнь ломать, -- ответила после долгого молчания.

«Какая же ты мать, -- подумал я, -- если родную дочь, извините за грубость, на писулёк променяла? Стыдоба-стыдобушка, как людям-то теперь в глаза будешь глядеть?..»

В этот же день с санкции прокурора в квартире был проведен обыск. Было это в декабре месяце. Возились долго, разыскивая разные вещественные доказательства. Даже унитаз пришлось разобрать, потому что, по словам Рязанцева, кое-какие фрагменты тела он бросал в унитаз и смывал водой. В самом деле, некоторые кусочки тела были найдены.

Нас заинтересовали и вещи Рязанцева, в частности, привлек внимание его приемник «ВЭФ». Он сказал: купил его у студента медицинского института Головки. Проверив по картотеке разыскиваемых вещей, я установил, что приемник пропал из квартиры, в которой были убиты ее жильцы -- двое пожилых людей. Это убийство в Центральном районе так и оставалось нераскрытым. Через приемник мы вышли на убийцу стариков и вскоре задержали его. Так, расследуя пропажу студентки, а потом ее убийство, я помог раскрыть и еще одно убийство. После всех этих раскрученных дел меня поблагодарили начальник милиции и начальник уголовного розыска. Конечно же, было приятно, что труд не пропал даром. Дело по убийству вел следователь прокуратуры

Гужва. Потом состоялся суд, определивший виновным меру наказания: Рязанцев был приговорен к девяти годам лишения свободы, а мать погибшей студентки к шести с половиной годам.

К слову, о работе оперативников тех лет у меня остались самые хорошие воспоминания. Мои товарищи работали цепко, ответственно, на службе дневали и ночевали. Хотелось бы отметить, что у каждого из нас была хорошая агентурная сеть. Я ведь и сам вышел из уличной детворы, поэтому жизнь трудных подростков знал не понаслышке и уж агенты, мои глаза и уши, были у меня надежные. В работе имел свой подход: перед трудностями не гнулся и не отступал, не боялся, что схлопочу выговор. Ну а уголовные дела, что приходилось раскрывать, всякий раз доводил до конца. Считал, что самое страшное в людях -- безразличие к человеческому горю. Особенно опасно, если этой болезнью страдают работники милиции. Плохо, когда в милицию берут всех кого ни попадя. Так нельзя. У иных нынешних работников милиции, по их мнению, вокруг только одни преступники. Нет, нормальных людей все-таки больше, и всегда можно подобрать себе добрых помощников, только не надо быть безразличным и безучастным ко всему тому, что рядом с тобой происходит.

Дело Плужникова

Речь пойдет об одном из самых громких оперативно-розыскных дел в моей работе -- деле директора магазина «Автоваза» В.Н. Плужникова. Забегая вперед, скажу честно, что полностью я его так и не раскрутил, обстоятельства не позволили. Слишком многие, в том числе и высокопоставленные лица, обращались тогда к начальнику «Автоваза» и в магазин к его директору за приобретением машин, которые были в большом дефиците.

Но обо всем по порядку. Итак, шла середина 80-х годов прошлого века. Работая оперативником в отделе милиции Советского района, я по своим функциональным обязанностям обслуживал и «Автоваз», располагавшийся на проспекте Патриотов. К тому времени голубой мечтой обеспеченных граждан было приобретение в личную собственность автомобиля. Однако решался данный вопрос далеко не просто, так как желающих купить машину было много, а вот машин для продажи не хватало. Естественно, что в таких случаях и появляются оборотистые люди, которые обогащаются на возникшем дефиците.

Для того, чтобы знать, какая обстановка в том или ином коллективе, я старался почаще бывать в них, встречаться с людьми, получать от них нужную мне информацию. Так и должно быть, и никакого новшества я этим самым не открываю. Учитывая специфику и социальную значимость «Автоваза», мне здесь приходилось бывать чаще, чем в других коллективах. Я был хорошо знаком с руководством «Автоваза», его работниками, встречался с людьми, приезжавшими покупать машины. Разговаривая с ними, оставлял им номер своего телефона. Если же происходили какие-то изменения в порядке продажи машин, я о них непременно знал. Порадовался, когда в магазине «Автоваза» стали продавать машины ветеранам труда и передовикам производства. А почему бы и не продавать, если эти люди своим многолетним трудом заслужили такое право? Об этом мне говорил и руководитель «Автоваза» Попов. А директор магазина В.Н. Плужников это новшество преподносил как свою личную инициативу. Иногда встречал я и знакомых, приехавших оформлять покупку машины, радовался за них. Мне казалось, что обстанов-

кой на «Автовазе» я владел, хотя и понимал, что там, где имеется дефицит, обязательно будут и нарушения.

... Жизнь оперативника -- это постоянное движение и поиск, поиск... Повторюсь: кто-то верно подметил, что оперативника ноги кормят. Сейчас у многих из нас есть машины, но все равно надо крутиться-вертеться, работать мозгами, не быть равнодушным к тому, что происходит вокруг. Об этом я уже говорил. Приведу такой пример.

Встретил я однажды своего знакомого Подкопаева (фамилия изменена). Наши дороги с ним когда-то пересекались. Разговорились. Слышал я, что у него в жизни были большие неприятности, но какие -- не знал. А тут он сам рассказал. Коротко о сути дела. Работал Подкопаев в комиссионном магазине, и все шло нормально. Как-то привезли с районной ПМК (передвижной механизированной колонны) движок с автомашины, чтобы его оценить и продать. Он этот движок оценил и продал. Но вот в ПМК возникли какие-то проблемы, и сотрудники соответствующих служб стали с ними разбираться. Узнав про проданный в комиссионном магазине движок, узрели в этом какую-то темную махинацию. Подкопаева арестовали и поместили в следственный изолятор. Восемь месяцев человек ни за что ни про что находился под следствием, и наконец его выпустили. Но что он пережил за это время! А люди ведь думали каждый по своему, и попробуй им докажи, что невиновен. Этот случай никакого отношения к «Автовазу» не имел, но лишний раз напомнил, что мои действия в подобных ситуациях должны быть обоснованны и законны. Ошибка в таких делах допускать никак нельзя.

В беседе же меня как оперативника заинтересовало следующее. Речь зашла о директоре магазина «Автоваза» Плужникове. Мой знакомый Подкопаев, оказывается, хорошо его знал и до пребывания под следствием общался. После освобождения пришел он к Плужникову и попросил продать ему два колеса, но колеса Плужников не продал, при этом еще и обидел Подкопаева, намекнув, что «тюремщики» его прямо одолели и замучили. Подкопаев говорил с дрожью в голосе:

-- Черт с ними, с колесами, но какой же я «тюремщик», и почему он меня так жестоко оскорбил? Ведь я ни за что отсидел восемь месяцев!..

Посочувствовав, я сказал, что дураков у нас всегда хватало, а поэтому не стоит так переживать.

-- Да нет, -- категорически возразил собеседник. -- Плужников не дурак, это тот еще жучара! Он такую денюгу за машины в свой карман гребет, что иным и во сне не приснится.

-- Да брось, -- сказал я ему. -- Просто зол ты на него за колеса и «тюремщика», успокойся. Мужик он положительный, инициативный, люди отзываются неплохо.

-- Неплохо? Ха-ха! Это ж какие такие люди? -- не на шутку разозлился Подкопаев. -- Да я тебе, если хочешь, приведу самый свежий пример, какие деньги твой положительный Плужников хапает.

-- Ну говори, слушаю, -- хмыкнул я, по-прежнему полагая, что в Подкопаеве на Плужникова кипит злость за незаслуженное оскорбление и он никак не может успокоиться.

-- Слушай, тебе это надо знать как оперативнику, тем более, если обслуживаешь плужниковский магазин. -- И, жестикулируя руками, Подкопаев стал

рассказывать. Из его слов я понял, что приводимый факт по покупке машины -- никакая не выдумка. Он рассказал о случае с другом, которого хорошо знал и которому не было никакого смысла врать. Друг работал на торговой базе и имел деньги, а вот новую машину купить ему никак не удавалось. Кто-то посоветовал встретиться один на один с Плужниковым и втихаря этот вопрос уладить. Так он и сделал. Плужников при встрече посоветовал, как лучше все обстряпать. Первое -- получить с работы ходатайство на покупку им как ветераном и передовиком производства машины. Указать в данном ходатайстве свои трудовые заслуги, не забыть что он ударник коммунистического труда, что его фотография постоянно висит на доске Почета. Ходатайство должно быть подписано руководством и поставлена печать.

-- Это первое, а что же -- второе? -- спросил я, стараясь понять, в чем кроется загвоздка. -- Может, твой друг и в самом деле передовик и ударник? Что с того, что работает на базе? Там тоже имеются свои передовики.

Мой знакомый хохотнул:

-- Уж я-то, поверь, знаю, что никакой он не передовик и не ударник, а такой же, как и твой Плужников, жулик! Хоть он мне и друг, вместе когда-то в армии сапогами топали и песни пели. А второе, если тебя это так уж заинтересовало, -- он лично передал «неподкупному» Плужникову две тысячи рублей и швейцарские часы «Ориент». Часики тоже не меньше 350 рубликов стоят. Вот теперь и посчитай. -- Помолчав, добавил: -- Люди говорят, что это не первый случай, надо только к Плужникову подход найти. А суть подхода -- деньги.

-- Зачем же тогда ему была нужна липовая характеристика? -- спросил я. -- Зачем?

-- А чтобы потом в мусорку выбросить. В данном случае об этой «липе» знали всего трое: тот, кто ее писал, мой друг и Плужников, которому характеристика была нужна постольку-поскольку. За оказанную услугу ему нужны денежки, причем, как видишь, совсем немалые.

Разговор этот крепко меня озадачил. Выходит, что за показной болтовней о продаже автомашин маякам производства скрывается продуманная афера, с помощью которой Плужников, а может, и кто-то еще обкрадывают государство.

Такой вот состоялся у меня разговор, заставивший совсем по-другому взглянуть на работу автомагазина и, прежде всего, его директора. Спросил своего знакомого, а подтвердит ли друг на суде то, как он приобретал машину?

-- Не знаю, -- ответил Подкопаев. -- С ним надо поговорить. -- Я попросил его организовать нашу встречу, понимая, что если все обстоит так, то тянуть с этим нельзя.

Встреча вскоре состоялась, и друг моего знакомого точь-в-точь подтвердил, как им покупалась машина. Рассказывал со смешком, хотя и несколько раз спросил: а ему за взятку ничего не влепят?

Я его успокоил, чтобы не опасался, и он назвал еще несколько человек, которые купили машины за большие взятки, переданные лично Плужникову. В конце беседы он заявил, что Плужников дорвался до большой кормушки и что покупатели машин на него злы.

К тому времени, когда пришлось заняться делом Плужникова, я уже имел достаточный опыт оперативной работы. Шесть лет в уголовном розыске не

прошли даром. В принципе, я неплохо продумал, как дальше вести дело, беспокоило лишь одно: сработать надо чисто, без каких-либо погрешностей. Ведь если будет срыв и доказать виновность Плужникова не удастся, -- я хорошо понимал, чем это для меня грозит. Был уверен, что у Плужникова сразу же найдутся высокие заступники, и попробуй потом оправдайся перед такими покровителями. Еще раз встретился с другом Подкопаева, поговорил с ним, взял от него объяснение и попросил действовать смелее, без оглядок. Тут, на мой взгляд, все было железно. Искал я и надежного человека, который вручил бы Плужникову в нужное время взятку за машину.

Друг Подкопаева предложил своего знакомого, которого Плужников почему-то мурыжил с покупкой машины. Причина непонятная, возможно, у него имелись какие-то сомнения, а может, сумма взятки не устраивала. Был и у меня проверенный человек, который полученное задание уж точно выполнит. Единственное, что в данном случае меня не устраивало, так это время, которое потребуется, чтобы мой человек вышел на Плужникова и договорился с ним по всем вопросам. Взвесив все «за» и «против», я решил не рисковать и действовать со своим человеком. Надо было еще найти нужную сумму денег на взятку, переписать номера купюр, решить некоторые другие вопросы, но это уже мелочи. Имевшуюся у меня информацию я, вполне естественно, держал в тайне и никому об этом не говорил. Такими вопросами, как дело Плужникова, обычно занимаются сотрудники службы БХСС, и я тоже не мог обойти эту службу. В наш отдел милиции только что был назначен руководителем службы БХСС Вячеслав Безбородов. Впоследствии он стал генералом и первым заместителем начальника УВД области. Короче, настал тот день и час, когда все вопросы по делу Плужникова были улажены и согласованы.

И вот в назначенное время мой человек вошел в кабинет Плужникова и передал ему свою характеристику и немалые деньги в качестве взятки. Тот написал на характеристике -- «оформить», а деньги преспокойно, даже не считая, положил в ящик стола. Как только эта основная процедура закончилась, «покупатель» машины покинул кабинет и туда вошли я, Безбородов и понятия.

По тому, как повел себя Плужников, как в страхе забегали его глаза и задрожал голос, можно было твердо сказать, что нашего прихода он явно не ожидал. Говорил невнятно, типа того, что утром так спешил на работу, что не успел позавтракать, а поэтому просит нас с полчаса, пока попьет чай, подождать за дверью. Он, видимо, еще не до конца осознал, что его эпопея с продажей машин закончилась и теперь придется отвечать по закону. Конечно же, волновался и я -- не дай Бог, если что-то не сработает. Он ведь мог вопрос по покупке машины не решить, оттянув его на более поздний срок. Или не взять деньги, в чем я, правда, несколько не сомневался. Такие, как Плужников, своего не упустят. Ну а уж если взятку он принял, то теперь предстояло этот факт запротоколировать при понятих и одновременно провести обыск как в кабинете, так и на его квартире.

Обыск -- дело хлопотное, непростое и ответственное. Для того, чтобы его провести, нужна санкция, то есть разрешение районного прокурора. Не могли же мы заявиться на такое дело без его санкции? Первое, что нужно было зафиксировать при понятих, так это деньги, которые Плужников только что получил в качестве взятки. Они были обнаружены в верхнем ящике стола. На

вопрос:

-- Чьи деньги? -- он ответил:

-- Не мои, не знаю. -- Добавил, что часто выходит из кабинета и дверь не закрывает. Может, кто и подбросил.

В разговор вступил мой «покупатель»:

-- Так я только что тебе их отдал в конверте, у меня вот номера всех купюр переписаны! -- И протянул листок Безбородову.

Взяв листок, тот, повернувшись к Плужникову, сказал:

-- Зря выкручиваетесь. Кроме того, что купюры были помечены, на конверте остались еще и отпечатки ваших пальцев. Вам не подбросили деньги, а вы сами спрятали конверт в стол! -- Плужников опустил голову и больше вопросов не задавал.

Во время обысков были обнаружены крупные суммы денег, несколько сберкнижек, разные дорогие часы, в том числе, кстати, и двое швейцарской фирмы «Ориент». Зная по записи, где покупал свои часы друг Подкопаева, я, отложив в сторону швейцарские, спросил Плужникова:

-- Любите марку «Ориент»?

-- Да как-то был в Москве и потратился.

-- А что, в Воронеже таких нет?

-- Может, и есть, но я брал в Москве. -- Позже подтвердится, что это неправда. Были также изъято много характеристик, ходатайств на приобретение автомашин разными лицами. На вопрос, почему ходатайства и характеристики хранились дома, Плужников ничего не ответил, но и без того было ясно, что хранились они там не случайно.

Плужников принимал их, а людям говорил -- ждите, ждите, вас, передовиков, во-он сколько, а я один. Таким способом с покупателей вымогались деньги. Чуть забегаю вперед, скажу, что далеко не все покупатели признались в даче взятки. Когда проводилось по этому делу следствие, кто-то распустил слух, что у тех, кто давал взятки, машины могут отобрать. А деньги вокруг продаж и покупок машин крутились большие. Вот один пример. На «Автовазе» работала товароведом Алиса Зип. Фамилия нерусская. Муж у Алисы был военным. Так вот, у нее была обворована квартира тысяч на 50 рублей. Деньги по тому времени весьма большие. Эта женщина после уехала из Воронежа в Ленинград, а сейчас живет в Америке. Того, кто обворовал эту квартиру, кинули грузины, но не в Воронеже, а в Москве.

Данным делом я не занимался, но знал, что по той краже (а жила Зип на улице Героев Сибиряков) перетрясли буквально всех квартирных воров. Кража-то о-ёй-ёй какая! Одних золотых вещей было похищено более чем на тридцать тысяч рублей. Это разные цепочки, кулоны, сережки, перстни, как новые, так и старинные. Было прихвачено из квартиры и немало денег. Кто-то очень хорошо знал, что в квартире товароведа «Автоваза» хранится много золота и денег. Даже располагал сведениями, где прячут все это богатство. Но хозяйка молчала и никаких зацепок о том, кто бы мог это сделать, оперативникам не давала. Так и оставалась эта кража до поры до времени нераскрытой.

Но однажды из Москвы в Воронеж поступило сообщение, что там явку с повинной оформил некто Холодников (фамилия изменена), который жаловался на группу грузин, занимавшихся преступным промыслом. Они взяли у Холодникова золотые изделия, долго водили его, что называется, за нос, но день-

ги так и не отдали. С его помощью грузин задержали. Потом стали разбираться, откуда у Холодникова столько золота, и установили, что он обворовал квартиру своей же родственницы Алисы Зип. Все это напоминало старую побаску о том, как воры вора наказали. Не исключая, что всей этой истории с кражей в квартире Алисы Зип могло и не быть, если бы не было мной раскрыто дело Плужникова.

Следствие же по делу Плужникова вел следователь областной прокуратуры Емельянов. Состоялся суд, который приговорил Плужникова к шести с половиной годам лишения свободы.

Личным сыском

Шел 1985-й год. Стояло лето. Мне исполнилось тридцать лет, и я занимал должность старшего оперуполномоченного в том же отделе милиции Советского района. В этом году, как и в предыдущие, было немало хлопотных дел, которыми пришлось заниматься, но одно выделялось из всех своей неординарностью. Скажу честно, оно принесло мне много переживаний. Ну а теперь по порядку. В райотдел зачастили обращаться женщины с необычными жалобами. Суть обращений заключалась в том, что их насиловал мужчина, выгуливающий двух овчарок в районе Стрельбища. Происходило все так. Скажем, гуляет женщина со своим мужем или другом, и в это время на их пути появляется относительно молодой мужчина с двумя породистыми овчарками. Одну из них он натравливает на спутника женщины, тот, естественно, пытается убежать от собаки, а сам хозяин овчарок тем временем тащит испуганную женщину в кусты, где насилует ее. Муж или спутник дамы, убегая от преследующей его овчарки, кричит:

-- Убери собаку, убери собаку!

-- Сейчас убери, -- слышит в ответ слова насильника, продолжающего творить свое грязное дело. Он был до того нагл и самоуверен, что даже лица своего не прятал от женщин, которых силой и угрозами заставлял вступать с ним в половую связь. По описанию потерпевших, это был один и тот же человек. Характеризуя его внешность, все отмечали, что ему лет 35, крепкого телосложения, ростом где-то под метр восемьдесят, на лицо «интересен». Совершив под охраной второй овчарки насилие, он громко подзывал убежавшую собаку и, когда та возвращалась, скрывался вместе с овчарками в лесополосе или лесу -- смотря где все это происходило. Никто из потерпевших женщин не мог точно вспомнить, как он звал собаку: то ли Хил, Хэл или Рал, кто-то даже сказал, что он ее звал -- Хам.

Некоторые женщины после случившегося обращались в отдел милиции с заявлениями, в которых требовали изловить насильника и предать суду. Другие (таких было большинство) в милицию хотя и обращались, но просили их фамилии не афишировать, так как в семье могли возникнуть неприятности и скандалы. За короткое время в отдел поступило три официальных заявления, а всего таких случаев на учете значилось около десятка. Все поступившие заявления направлялись для рассмотрения мне.

Слухи о фактах насилия над женщинами мужчиной, гуляющим с овчарками, быстро распространился среди населения района и города. Общественность, я уж не говорю о милицейском и всяком другом руководстве, требовала

принятия решительных действий в поимке обнаглевшего преступника. Работы с получившими большой общественный резонанс событиями у меня прибавилось, и я еле успевал все прокручивать. Времени не хватало, а заявления продолжали поступать. За месяц изъездил и облазил большую часть окружавшего леса, все сады, лесополосы, берег водохранилища, дороги и тропы. Где только не пришлось посидеть, затаившись, в засадах в разное время суток. Иногда брал с собой кого-то из сотрудников милиции, а также добровольных помощников. И все равно времени не хватало, забыл даже когда вовремя домой ночевать приходил.

Как раз в это время из Минской школы милиции в отдел пришли для прохождения стажировки два курсанта: Минаков и Рожнов. У меня стажировался Николай Минаков. Это был крепко сбитый парень, ранее он довольно успешно занимался боксом, освоил приемы каратэ. Для меня это была большая поддержка.

Работа по вычислению и поимке насильника с овчарками не ограничивалась только тем, чтобы изучить места, выяснить, где и в какое время, как правило, он появлялся. Хотя и это было весьма важно. Думаю, что он должен был понимать, что работники милиции уже принимают все меры к его задержанию. Рано или поздно, но это должно было произойти, и как же я желал, чтобы все свершилось как можно быстрее.

В срочном порядке я объездил ветеринарные лечебницы Ленинского и Советского районов и «выбрал» все, что меня интересовало. Потом запросил в питомнике собаководства информацию по всем стоявшим там на учете овчаркам: их клички, цвет, а также имена и адреса хозяев собак. Таких оказалось -- 150. Стал персонально и кропотливо изучать хозяев, их возраст и место проживания, взвешивая со всех сторон, кто бы из них мог быть причастным к нашумевшим событиям. Сразу же, по списку, проверил владельцев, у которых на учете числилось по две и более овчарок. Отрабатывал список, как уже сказал, больше месяца, а это опять же постоянные поездки, знакомства, прикидки; часто приходилось выяснять отдельные подробности об овчарках и их владельцах с помощью разных хитростей и приемов. Но...

Но увы -- изо всех изученных мной хозяев овчарок никто не подходил по внешности на описанного потерпевшими женщинами злодея. С одним хозяином овчарки из этого списка мне встретиться не удалось. Вернее, я к нему приехал, но ни его, ни членов семьи дома не оказалось. Жил он на улице Силеновой, в частном секторе. Соседи сказали, что это уважаемый человек, что он занимает большую должность на механическом заводе и является членом партии. Получив такую характеристику, я не стал ждать хозяина, так как спешил на традиционно проводившуюся выставку собак. Меня к назначенному времени уже ждали там две заявительницы и кто-то еще. В общем, отправился я с ними на эту выставку. Долго ходили, смотрели, но, к сожалению, и тут безуспешно.

Я уже стал волноваться не на шутку. Столько угрохано времени, и все впустую. В чем же дело? Почему никаких зацепок? Что не учел я в своей работе?.. А время летело неумолимо, и на меня уже давили со всех сторон, чтобы ускорил поимку насильника. Каждый день ко мне стекалась куча разной информации. Дежурства, засады, поездки не прекращались. Иногда в голову приходили мысли, что преступник специально прекратил на какое-то время

свои подлые дела, полагая, что милиция повозится, пошумит, покричит да и прекратит его разыскивать. Я этого, кстати, не исключал. Замечу, что к поискам насильника подключились и некоторые пострадавшие от него женщины. Вместе со мной или с Минаковым они патрулировали по тем местам, где маньяк мог появиться. Такие походы совершались почти ежедневно, но желаемого результата пока что не приносили. Одна из потерпевших самостоятельно искала насильника. Муж обычно подвозил ее к остановке на улице Остроужской, и она ходила по улицам частного сектора. Однажды увидела его, но без собак. Проследила, на какой автобус сел и где вышел, но дальше идти за ним побоялась.

В общем, поиск продолжался. Любая поступившая ко мне информация тщательно отрабатывалась. Я и Минаков держали на постоянном контроле места, где насильник чаще всего появлялся со своими овчарками. Таким излюбленным его местом была, кстати, лесополоса. Но, понимая, что негодяй в такой обстановке мог и менять места выгула овчарок, я переносил наблюдения с посадки в лес или совсем ближе к водохранилищу. Был уверен, что долго с собаками он дома не усидит и выгуливать их обязательно выведет или вывезет на машине. К такому варианту я тоже был готов. Да, хорошо бы заранее знать, где он появится. Порой я задумывался: на что же он рассчитывает, продолжая свое мерзкое дело? Неужели полагает, что все сойдет ему с рук? Не знаю, как другие, но я чужую боль пропускал через себя как свою. Такой уж характер.

В этот раз я был чем-то занят, а на патрулирование по местам, где чаще всего появлялся с овчарками насильник, отправился мой стажер Минаков и с ним одна из потерпевших женщин. В Минакове я был уверен: парень сильный, тренированный, в момент опасности не должен подкачать. Проинструктировал, попросил его не отрываться от своей спутницы, а если что, защитить ее.

В райотделе я появился часов в пять вечера. Меня встретил расстроенный дежурный по отделу. От него узнал новость, которая меня страшно огорчила: на моего стажера и его напарницу кто-то натравил овчарку. Весь покусанный, Минаков находится в больнице скорой помощи. Что же касается патрулировавшей с ним женщины, то она, опять же со слов дежурного, хозяином собак была изнасилована. Обо всем этом в дежурку сообщил Минаков прежде чем отправиться в больницу.

Я срочно поехал в БСМП и встретился там с Минаковым. Ему уже была оказана необходимая медицинская помощь, и он рассказал мне как все произошло.

... Они ходили вдвоем вдоль лесополосы. Его напарница, собирая цветы, ушла вперед. Неожиданно из лесополосы показался здоровенный мужчина с двумя овчарками. Он остановился и крикнул той овчарке, что была не на поводке:

-- Фасс!.. -- И собака с рыком бросилась на Минакова. Парень попытался увернуться, но куда там: отбиться было невозможно. Овчарка хватала зубами то за ноги, то за руки, то бросалась на грудь. Она его оттесняла все дальше и дальше, и вскоре Минаков повис на колючей проволоке, ограждавшей территорию полка гражданской обороны. Начал выпутываться -- и на какое-то время потерял из вида свою спутницу. Овчарка же сидела теперь почти рядом и

рычала, но не трогала -- «сторожила». Минаков не мог видеть, что, пока он отбивался от собаки, а потом выпутывался из колючей проволоки, хозяин овчарок насильовал его спутницу. Он лишь услышал четко донесшиеся издали слова: «Хан, ко мне!» Стороживший его пес тут же бросился к своему хозяину. Потом, если опустить все детали и подробности, Минаков с бедной женщиной добирались до больницы. Но перед этим с первого попавшегося телефона Минаков позвонил о случившемся в дежурную часть отдела.

-- Повтори еще раз, что за слова крикнул хозяин своей овчарке? -- попросил я Минакова.

-- Хан, ко мне, -- ответил курсант, поправляя на руке бинт.

-- Хан? Ты не ослышался? -- переспросил я.

-- Да нет, слышал как вот сейчас вас... -- растерялся Минаков.

-- Что ж, тогда будем брать насильника, я знаю, кто он. Можно считать, что преступление раскрыто. Сможешь поехать или подлечишься? -- спросил Минакова.

-- Нет-нет, я с вами! Да тут и серьезного ничего нет. Одни царапины, через пару дней заживут.

Вторично изнасилованную хозяином овчарок спутницу Минакова я хотел оставить в отделе, но она твердо решила ехать с нами. Взяв с собой еще одного сотрудника, поехали брать негодяя.

А жил он в частном секторе на улице Сиреневой. Я уже об этом упоминал. Недели три назад был здесь, но никого не застал. Я представился соседям покупателем частного дома и будто тут кто-то его продавал. Тогда-то мне соседи и говорили, что здесь живет уважаемый человек, работающий большим начальником на механическом заводе, да еще и член партии. Для меня этого было вполне достаточно, чтобы не проверять «уважаемого человека». Я видел в щелку в заборе, что у него две овчарки, и знал, что по спискам из питомника кличка одной -- Хан. До Минакова никто из пострадавших не мог точно назвать, как насильник звал свою овчарку. Они или вообще не слышали, или путались. Теперь все встало на свои места. Ясно мне было и другое: вторая овчарка хозяином не была зарегистрирована.

Я ехал и думал: какой непростительный допустил промах! Надо было еще в первый приезд до конца разобраться с «членом партии», а не довольствоваться словами соседей, какой он хороший. Но часто ведь бывает: мол, раз начальник, то наверняка хороший, а вот простого работягу обязательно надо проверить. Мой промах в данном случае был существенным, проверять надо всех и полностью. Что называется, брать каждое зерно и пробовать на качество. А я бабкам поверил: хороший он расхороший, и машина у него «Жигули», и большой чин занимает... Но что-то я сильно начал себя полоскать, надо еще окончательно удостовериться, он ли это на самом деле. Вдруг опять осечка, чего бы, конечно, не хотелось, -- уж больно все совпадает.

Подъехали к дому. Я, Минаков и женщина вышли из машины и приблизились к калитке. На дощечке надпись -- «Во дворе злая собака». Как бы в подтверждение этому за забором раздались рыки. Посмотрев в щель, я увидел тех самых собак, которых уже видел. Нажал на кнопку звонка. Было слышно, как внутри дома раздался звонок, но дверь никто не открывал. Нажал еще и еще -- тишина. Овчарки металась по двору. Выходит, дома опять никого нет и придется ждать. Настроение у меня и моих спутников, сами понимаете, неваж-

нецкое.

Я подошел к машине, потом вновь вернулся к калитке. Попросил Минакова и его спутницу посмотреть на собак -- они ли это? Минаков смотрит в щелку, крутит перевязанной головой, пожимает плечами. Наконец выдавливают: «Что-то не похожа... Та была больше и как бы злее». Он говорил об овчарке, которая его преследовала и кусала. Не узнавал ее. Его спутница тоже пожимает плечами, и я понимал бедную женщину: уж ей-то в то время было не до собак.

«Вот тебе раз -- не похожи, не эти?.. Но у страха всегда глаза велики, потому-то нападавшие собаки казались им злее и внушительнее», -- думал я, но настроения это не подняло. Пошел по соседям -- узнать, где могут быть хозяева и когда вернуться. Узнал, что ушли оба в магазин или на рынок за продуктами и вот-вот должны подойти.

Слава Богу, ждали недолго. Вот и идет семейная пара с сумками и сетками, доверху наполненными продуктами.

«Чего же ему не хватало-то?» -- почему-то подумал я и пошел им навстречу. Увидел, что мужчина резко изменился в лице и начал тревожно оглядываться. Но из машины, как бы давая понять, что бежать бесполезно, вышел Минаков, готовый, если задерживаемый вздумает бежать, перехватить его.

«Если бы был не виноват, не крутил бы так со страху башкой. Значит, он и никто другой», -- облегченно вздохнул я.

-- Здравствуйте, товарищ главный инженер, -- сказал с усмешкой, подходя к семейной паре.

-- Я всё понял, -- тихо промямлил «уважаемый». Надо же, как пристало к моему языку это слово. И что, собственно говоря, мешало ему быть именно таким? Что мешало быть просто нормальным человеком? Я, к примеру, этого никак понять не могу. На запястьях насильника звонко щелкнули наручники. Поставив на землю сумки, жена растерялась. Ее же муж, гроза беззащитных женщин, опустив голову, молчал. Только что все было нормально, и вдруг -- милиция, наручники...

-- Что?.. Что случилось, объясните! -- вскрикнула жена маньяка. Она смотрела то на меня, то на забинтованного Минакова, то на женщину, которую ее муж дважды изнасиловал. Ничего этого и многого другого она пока не знала. Мой же ответ был прост:

-- Он вам все объяснит, но... попозже.

В заключение хочу сказать, что насильника осудили. Потерпевшие по всем одиннадцати эпизодам его опознали и требовали сурового наказания. Суд приговорил его к двенадцати с половиной годам лишения свободы. Наконец-то люди могли спокойно ходить по пригородной зоне, не опасаясь, что вот-вот выйдет из лесополосы или еще откуда здоровенный мужик с двумя овчарками и крикнет: «Фасс!». Все это теперь осталось позади, а с моих плеч будто огромный груз свалился.

Спецзадание

Однажды мне предложили выполнить весьма неординарное поручение. Не скрою, польстило, что предложение исходило от высоких инстанций по линии прокуратуры и МВД. Но такие задания обычно поручают «агентам», а какой же я «агент», когда сам столько лет проработал оперативником? Но ко-

гда мне объяснили, что нужно сделать, я понял -- дело серьезное. По собственному опыту работы с агентурой знаю, что она у нас слабая, «агенты», как правило, люди морально опустившиеся и далеко не каждый из них смог бы это задание выполнить. Меня же заверяли, что с задачей справлюсь. Но для этого меня надо было... арестовать и поместить вначале в ИВС (изолятор временно-го содержания), а потом в СИЗО (следственный изолятор). Прежде же чем «арестовать и поместить» нужно было разработать «легенду», то есть основание -- за что меня арестовали и посадили.

А еще ведь надо было не забывать, что после выполнения этого задания мне вновь придется продолжать свою служебную деятельность. Как потом объяснять этот «арест» коллегам по службе, ну и вообще? Думается, что своим замысловатым предисловием я уже заинтриговал читателя. Ну а теперь перейдем к делу.

В 1995 году в следственный изолятор Воронежа была доставлена группа бывших работников милиции, которые до ареста грабили склады воинских частей, совершали убийства, занимались разбоями. Часть из них сидели в СИЗО Москвы, другие -- в Ростове, а некоторых доставили в Воронеж. Были среди них братья Ивницкие из Эстонии, дознаватель по дорожно-транспортным происшествиям из Мичуринска Алферов. Последний входил в банду Ивницких, сопровождал их машины, помогал им. Так вот, с Алферовым был якобы связан некий высокий чиновник Воронежской областной администрации. Предполагалось, что этот чиновник даже является дальним родственником Алферова. Со всем этим мне следовало разобраться, то есть, или подтвердить, или опровергнуть эти данные. Внести ясность тут должен был сам Алферов, но к нему еще надо найти подход.

А теперь вернемся к «легенде», то есть к тому, за что меня можно было бы арестовать. Я внес свои предложения Фролову Александру Васильевичу, который в то время занимался в областной администрации организацией борьбы с коррупцией и другими подобными вопросами. Ранее, как известно, Фролов вел дело ГКЧП, потом работал областным прокурором. Мы были знакомы, и Фролов считал, что с поставленной задачей я справлюсь. Арестовать меня должны были за превышение служебных полномочий. В детали я вникать не буду -- делалось-то все это для проформы. Если же вкратце, то мое «превышение» заключалось в следующем.

Некто Сотников пригонял в Воронеж из Германии бэушные машины и реализовывал их тут. Продавал машины через лиц весьма сомнительной репутации. Среди них, к примеру, были: Селиверстов Вадим по кличке Селиверст, только что освободившийся из мест лишения свободы, где сидел за убийство, братья Титовы по кличке Бусые, Кравченко по кличке Кравт, Головин -- Голова и еще несколько подобных типов. Один из братьев Титовых был даже «смотрящим», то есть авторитетом среди своих коллег по ремеслу.

И вот Сотников пожаловался, что машины они у него взяли, а деньги не отдают. Когда я стал заниматься этой шарагой, то установил, что машины они получили от Сотникова для продажи добровольно. Обо всем этом я ему напомнил. Он, кстати, и сам допускал нарушения при продаже машин. Но не буду лезть в дебри.

И по «легенде» вот такая завертелась с этими машинами бодяга, в ходе которой я что-то там недопроверил и где-то злоупотребил служебным положе-

нием. По идее, этого было вполне достаточно, чтобы меня арестовать. И меня арестовали, но -- для выполнения поставленной передо мной задачи.

Вначале меня доставили в изолятор временного содержания, где я должен был провести двое-трое суток. Я как оперативник не раз бывал в ИВС и в СИЗО, знал обстановку и понимал, как надо себя вести в этих учреждениях, знал, что слабинку допускать нельзя, иначе сокамерники на твой горб заберутся и станут во всем понукать. Там совсем другая жизнь, и проходит она по другим понятиям, где в человеке ценят прежде всего силу духа.

Мое пребывание в этих местах предполагалось кратковременным, поэтому особых переживаний не было. Надо было выполнить задание и чем быстрее, тем лучше. В изоляторе временного содержания меня поместили в камеру, в которой находился бывший работник ОБЭПа (служба по борьбе с экономическими преступлениями). Он кого-то подстрелил и все время страшно переживал. Говорю ему: ну чего ты хнычешь? Скажи, что подстрелил по неосторожности. Он же все отрицал, хотя факт имел место. Вот и психовал, волновался. Но мой совет ему пришелся кстати: вскоре его освободили под подписку. Но к моему заданию это никакого отношения не имело.

Нужное количество дней в ИВС прошло, и меня перевезли ночью в СИЗО, где поместили в 55-й камере. Как раз в этой камере и находился Алферов, которого мне было поручено раскрутить. Кроме Алферова в камере сидели: бывший участковый инспектор Коминтерновского РОВД, застреливший двух граждан, бывший работник спортивного общества «Динамо», застреливший своего должника, бывший следователь прокуратуры из Москвы, а также бывший военный служащий внутренних войск, зарезавший двух солдат-сослуживцев, и еще один, тоже бывший, сотрудник транспортной милиции, находившийся ранее в розыске за неуплату алиментов. Вот такое было окружение. Все в основном -- бывшие работники милиции, и многие из них -- убийцы. А меня, как вы помните, «арестовали» за превышение служебных полномочий.

Из всех сокамерников меня интересовал только Алферов. Как сложатся наши с ним отношения? Как примут меня остальные? Я об этом много думал. Надо было как-то войти к ним в доверие, но не переборщить.

Да, вот еще одну деталь вспомнил. Бывают у каждого из нас иногда, так сказать, парадоксы в жизни. Меня в камеру, к примеру, сопровождал Василий Осадчий, бывший сотрудник патрульно-постовой службы Советского РОВД. Он безусловно меня хорошо знал, но и я знал, что это за человек. А человек он был, на мой взгляд, с ненормальной психикой и весьма злой. Так вот, в СИЗО Осадчий работал охранником, а по эковскому жаргону -- пупкарем, то есть водил-выводил эков. Меня он, насколько я догадывался, побаивался. Когда вел в камеру, я его тихонько так предупредил, чтобы не мельтешил у меня перед глазами и держался подальше. Он промолчал, но намек, думаю, понял. Это к слову.

В камере я оказался в два часа ночи. Позже узнал, что надо мной спал как раз Алферов. Узнал потом и про остальных сокамерников: кто они и за что сидят в следственном изоляторе.

А пока, положив голову на тощее подобие подушки, прикидывал: ведь и соседи небось ворочают мозгами, что я за фрукт такой и за что посажен? На данный вопрос, если его кто-то задаст, я продумывал разные варианты ответа, но остановился на одном. Скажу: а ты чё, следователь? Мне казалось, что та-

кой тон будет самым подходящим. Надо выглядеть эдаким ушлым, прошедшим огни и воды, а не каким-то болтуном. За что меня взяли, и вовсе трепать языком не собирался. Да, они тут почти все убийцы, а меня «закрыли» и шьют «палку» за превышение служебных полномочий, и что с того?

В камере слышалось похрапывание, кто-то тяжело ворочался: ночной сон у каждого свой. Я тоже, несмотря на разные переживания и необычность обстановки, тюремный, ни с чем не сравнимым затхло-вонючий дух, малость прикорнул. Проснувшись, не вставал, лежал и думал. Пробивавшийся через зарешеченное окошко мутный рассвет кое-как очерчивал внутреннюю убогость камеры. Вскоре ее обитатели завозились, задвигались: кто к параше, кто ополоснуть водой лицо. Все делалось молча, кряхтели, кашляли. Они молчат, и я молчу. Знаю по рассказам, что кто-то из слабаков делает в камере уборку, кто-то докладывает при проверке об обстановке за прошедшую ночь. Для человека это лишняя обуза, но куда денешься, если действительно показал себя слабаком, мямлей. Не исключаю, что кто-то из таких слабаков попытается свою обузу перевалить на меня -- новенького несмышленища. Надо будет тогда сразу, как говорится, дать по мозгам, и так, чтобы больше свой нос никто не совал. Это уж точно сработает на мой авторитет.

Спавший наверху завозился, потом спустился на пол. Был он крупный, далеко не хилый. Его сосед тоже встал. Они о чем-то между собой переговорили. Ко мне не обращаются, разве что бросят взгляд, -- но так, как бы мимоходом. Слышу запах -- чай заваривают. Все почти молча. А затем тот, что спустился с верхней койки, пригласил меня на чай. Я не спешил, но потом все же согласился: почему бы и не почаевничать? Поднялся, сел рядом. Теперь-то мы оглядели друг друга, и, кажется, я произвел нормальное впечатление. Даже не спросили, за что погорел, а сам я не распространялся.

Наконец поднялись все -- скоро покамерная проверка. Ко мне подсел, как я потом узнал, «двойной убийца», тот самый, что зарезал сослуживцев. Завел базар, что при проверке каждый должен представиться. «Ты ж новичок, вот и доложи, что разместился нормально, встретили нормально, и вообще, проблем в камере нет, все живы-здоровы...» Я вижу, что он разводит -- «Ишь ты! Доложи!» -- и пятерней его за нос -- хватить и рявкнул:

-- Да ты сам-то понял, чё сказал?!

-- Всё, всё, я доложу, я! -- завертелся хитрец-мудрец, махом смекнув, что не на того напал.

Все кругом засмеялись. Получилось комично и забавно, «народу» понравилось. «Ага, -- думаю, -- не на дурачка напал. Я тебе не Вася Пупкин. Раз лоб подставишь, так и будут потом по нему щелбаны отвешивать».

Получилось так, что после утреннего чаепития я сблизился с Алферовым и с тем сокамерником, что был с общества «Динамо». Алферов, подсев ко мне на койку, хмыкнул:

-- Ты, я вижу, малый не дурак.

-- И дурак немалый, -- ответил я в тон.

-- Здорово за сопатку цапнул, -- хмыкнул Алферов. -- Чувствуется хватка.

-- Да уж, -- «поскромничал» я, поиграв бицепсами.

Так началась моя жизнь в камере следственного изолятора. Периодически, как и положено, меня выводили, якобы на допросы. В камеру я возвращался спокойным, хотя и бурчал под нос, что ничего «у них» не получится. А

вообще-то больше валялся на скрипучей койке. Молчал на верхней койке и Алферов, мы точно «проникались» друг к другу. Иногда он подсаживался ко мне, и мы о чем-нибудь негромко разговаривали. Я ему «по секрету» открыл, за что меня накололи. При этом вполне натурально возмущался.

Говорил, доказывал, убеждая его, что меня выпустят, а кто-то за это еще ответит. Время тянулось медленно, тягуче. О чем только не передумаешь, отключившись от камерного окружения и убожества. И все-таки дни, хотя и медленно, но шли. Один, второй, третий... Мне казалось, что Алферов мне уже доверяет, а это главное. Какой же будет развязка? О себе-то он пока почти ничего не говорил. Чувствовалось, что ищет связи с волей. Каждый раз после моего «допроса» участливо спрашивал:

-- Как там? Чего-нибудь прояснилось? -- Я пожимал плечами: мол, пока все без толку, и ждал того самого ночного часа. Почему ночного? Потому что освободить меня должны тоже ночью: привезли ночью и увезут ночью.

И этот момент настал. От дежурного позвонили, чтобы через час я был одет и готов к выходу. Как только поступил сигнал, я сказал сокамерникам: «Ребята, кажись, я свободен».

И все бросились писать записки на волю, чтобы передать их со мной. Написал что-то и Алферов. Эту записку, а точнее, письмо, я сунул в воротник дубленки. Все остальные не особенно и прятал. Обычно перед тем как выпускать, человека раздевают догола, чтобы не пронес каких-либо посланий на свободу. У меня с этим, сами понимаете, все прошло нормально. В общем, на десятый день отсидки я был освобожден с кучей записок и писем, по которым в Москве раскрыли несколько ранее совершенных убийств. Что же касается письма Алферова, то по нему было установлено имя того «крутого» чиновника, который ему помогал, но человек этот оказался из администрации Тамбовской области. Путаница была в том, что фамилия, имя и отчество чиновника из Тамбова полностью совпадали с «ФИО» чиновника из администрации Воронежской области. С моей помощью все это, наконец, прояснилось.

А мне на память осталась бумага об освобождении из СИЗО. На следующий день я уже приступил к своей «основной работе». Что же касемо разговоров о моем аресте, начальник отдела милиции Центрального района Мухин всех строго-настрого предупредил на одном из совещаний, чтоб никакой болтовни на этот счет не было. Пригрозил наказанием вплоть до увольнения. Всем, конечно, не объяснишь, в связи с чем я «отторчал» десять дней в СИЗО, да я и не собирался никому ничего объяснять. Хотя сплетни ходили разные. Да, совсем забыл сказать, что за успешное проведение этого спецзадания мне вскоре присвоили звание подполковника милиции.

Перстень шаха

Скажу честно, что я в милиции никогда не прохлаждался. Поверьте, это не какая-то бравада. Нет, работы всегда было выше крыши. Я ее находил, и она меня находила, особенно когда дежурил в оперативных группах. Причем работенка подваливала далеко не простая и, как правило, надо было хорошенько пошурупить мозгами.

Вспоминается такой случай. Был конец (а точнее -- шел декабрь) 1988 года. Я дежурил в оперативной группе Центрального РОВД. Где-то за полночь в

дежурную часть отдела обратились два гражданина, внешне похожих на «лица кавказской национальности». Я был рядом с дежурным и слышал состоявшийся разговор. Речь шла об утере одним из обратившихся дорогого перстня. Объяснение было долгим и путанным. Дежурный, выслушав ночных посетителей, сказал, что розыском перстня отдел заниматься не будет, так как не известно, где он был утерян. Но о сути обращения он все же доложил ответственному дежурному по отделу майору милиции Александру Петровичу Федюшину. Тот работал заместителем начальника РОВД по политической части. Узнав, что владелец перстня Рагимов Али – турок по национальности, представитель неких турецких фирм в нашей стране, Федюшин сказал, чтобы тот написал подробное заявление об утере перстня, и это заявление передал потом для рассмотрения мне. Да, а вторым человеком, который пришел вместе с Рагимовым, был сын священнослужителя из Карачаево-Черкесии – Александр Остапчук. Но он к делу никакого отношения не имел, просто они были хорошо знакомы и он как бы подтверждал факт утери дорогого перстня. Приняв заявление к исполнению и учитывая, что было где-то около трех часов ночи, я предложил заявителю встретиться днем. Назначил час и место.

Встреча состоялась, как и было договорено. Приехали опять оба: Али Рагимов и Александр Остапчук. Меня же интересовал не только пропавший перстень, но и как Рагимов с Остапчуком оказались в нашем городе. И почему оба считают, что перстень пропал в Воронеже?

А в Воронеже, как выяснилось, они оказались из-за «погодных условий». Они летели самолетом в Москву, но из-за непогоды в столице самолет приземлился в аэропорту Воронежа. Товарищи планировали, что если не удастся вылететь самолетом, то до Москвы смогут добраться поездом или нанять такси и поэтому долго не переживали. Выйдя из аэропорта, они сели в первую попавшуюся машину и поехали в Воронеж. В справочной железнодорожного вокзала им сказали, что в ближайшее время поезда на Москву не ожидается и надо ждать вечернего. Взвесив все «за» и «против», решили ехать машиной. Водителя, который их привез с аэропорта, они еще не отпустили, в дороге с ним познакомились и потому предложили, чтобы он довез их до Москвы, пообещав неплохо заплатить. Алексей, так звали водителя, ехать сперва не хотел, но после уговоров согласился. Перед отъездом в Москву он завернул домой и решил там кое-какие вопросы, а главное – предупредил мать, чтобы не волновалась. А потом был путь в Москву.

Доехали благополучно. У гостиницы «Украина» друзья рассчитались с Алексеем, и он, довольный, укатил обратно в Воронеж. Настроение было чудесное. По дороге Али с Александром неплохо вздремнули на заднем сиденье. До завтрашнего совещания, на которое так торопился Рагимов, еще целая ночь и полдня. Теперь спешить было некуда.

Проблема возникла, как только вошли в люксовый номер и уселись в кресла. Али машинально глянул на ладонь и вдруг не увидел на пальце своего любимого перстня. Вначале как-то не очень задергался и стал искать перстень в карманах и разных других местах, куда мог бы, сняв его с пальца, положить. А перстень у Али был необыкновенный. Его подарил ему некий шах из Саудовской Аравии, и этот перстень Али надевал, идя на важные для себя приемы. Был он его добрым талисманом и на всех торговых совещаниях. Перстень был дорогим, стоил по тому времени более 30 тысяч долларов. С этим перст-

нем Али почти никогда не расставался. Единственное затруднение: перстень туго налезал на безымянный палец. Но когда надо, Али приспособился кое-как его натягивать, а потом снимал с безымянного пальца и надевал на мизинец, хотя для мизинца подарок шаха немного великоват.

Али вспомнил, что, выехав из Воронежа, намереваясь в дороге поспать, он надел перстень на мизинец. Но ни в карманах и нигде-нигде перстня не было. Куда он мог подеваться? Страшно расстроился и стал советоваться, как быть и что делать, с Остапчуком. Решили, как только освободятся, немедленно возвращаться в Воронеж. По всей вероятности, считали они, перстень потерялся в машине. Рассчитавшись с довольным водителем, Али в спешке не обратил внимания на отсутствие перстня, а он запросто мог соскочить с мизинца и лежит сейчас где-нибудь на сиденье или на резиновом коврикe. Главное, чтобы Алексей впопыхах не выбросил его или кто-то другой не завладел им. Посадит кого-то по дороге подвести... Надо было спешить.

Поделав все дела, Рагимов и Остапчук взяли билет на поезд и вечером выехали в Воронеж. Приехали утром, разместились в гостинице «Дон». Потом долго и безуспешно искали Алексея: дом и квартиру, где тот жил, не запомнили. Расспрашивали об Алексее водителей в аэропорту и у железнодорожного вокзала, но те только пожимали плечами. Да мало ли шоферов с таким именем, тем более если подрабатывал на своей тачке. Плохо, что и номера машины не запомнили. Помотавшись по городу, Рагимов с Остапчуком наконец обратились в дежурную часть Центрального РОВД, где и написали подробное заявление о всех перипетиях с поездкой и утерей перстня, рассмотрение которого было поручено мне.

Я вместе с Рагимовым и Остапчуком продолжил поиски Алексея. Задавал вопросы, стараясь узнать какие-то детали, мелочи, которые бы навели меня на адрес Алексея. В общем, два дня мотались из конца в конец города. Остапчук с Рагимовым вдруг вспомнили, что Алексей раньше работал на автобусе. Но в каком автохозяйстве, а возможно, в каком-то предприятии или организации, -- неизвестно. Может, так и не нашли бы Алексея, если бы Рагимов вдруг не вспомнил, что он звонил из его квартиры своему коллеге по бизнесу в Казахстан. Номер телефона, по которому звонил, у него был. Мы тут же сделали по нему звонок в Казахстан и через 6--7 часов получили номер домашнего телефона Алексея. Теперь следовало узнать адрес. Я обратился с официальным запросом на телефонную станцию на улице Перхоровича и вскоре получил адрес Алексея. Жил он, оказывается, на улице Депутатской.

Мои подопечные обрадовались -- вот-вот прояснится судьба утерянного перстня. Когда подъехали к дому, я попросил Али не говорить Алексею, что я из милиции. Дверь открыл Алексей, и по тому, как после небольшой заминки он радостно заулыбался, стал радушно здороваться и приглашать гостей в квартиру, мне показалось, что эта радость и улыбка на его лице какие-то фальшивые, неестественные. Алексей сказал, что матери дома нет, а он рад, что вновь увидел таких дорогих гостей. Со мной поздоровался, но даже не поинтересовался, кто я и зачем здесь.

Я понял, что Алексей живет с матерью и телефон на станции оформлен на нее. Заметил, да этого и нельзя было не заметить, что приход «москвичей» его все же крепко озадачил, только вот почему?.. Но он быстро справился с волнением и стал проявлять такое радушие, будто только и жил мечтой о встрече

со своими пассажирами. Хорошо, что на меня почти не обращал внимания. Разулись, разделись, прошли в комнату, сели, и начался разговор, ради которого, собственно, и приехали. От моего взора и тут не укрылась какая-то еле заметная скованность в поведении хозяина. Но помалкиваю и наблюдаю. Али, с волнением и извиняясь за беспокойство, стал объяснять, что только в гостинице «Украина» он заметил пропажу перстня. По пути из Воронежа в Москву он надевал его на палец, а когда приехали, то перстня на руке не оказалось. Не исключает, что перстень мог соскочить с пальца и остаться где-то в машине. С надеждой в голосе спросил Алексея, не нашел ли он его, когда вернулся в Воронеж.

Пока Али говорил, я внимательно наблюдал за лицом Алексея. Тот слушал с интересом, по-прежнему выражая радушие, но мне казалось, что он ждал этого вопроса и как бы заранее готовил свой ответ. Что ж, подождем и мы -- что он скажет. Может, я и ошибаюсь, а Алексей сейчас поднимется, вытащит из ящичка комода перстень и воскликнет: «Да вот же он, возьмите! Я даже собирался ехать в Москву и искать вас, да вы опередили...»

Но этого не было сказано. Алексей с волнением, будто и в самом деле переживал за потерю, стал ходить по комнате, пожимая плечами и энергично жестикулируя:

-- Да нет, не видел я никакого перстня! Машину на другой день почистил, а перстня, ей-богу, не было. Я, правда, по дороге обратно кое-кого подсаживал, все равно ехал-то пустой. Может, кто из тех прикарманил? Если бы знать... Ах, какая жалость, какая жалость... -- Все это он выпалил без перерыва на одном дыхании и уставился на нас вроде невинными глазами.

-- А может, еще раз осмотрим машину? -- предложил Остапчук. -- Перстень невелик, мог и под сиденье заскочить или под половичок завалиться. Далеко гараж?

-- Да нет, тут почти рядом, -- ответил Алексей, -- всего несколько остановок. Давайте проедем, давайте, почему бы и не посмотреть? -- согласился он. Но мое мнение все равно было не в его пользу: уж слишком быстро согласился, прямо-таки ждал этого вопроса и тоже был к нему заранее готов.

Гараж располагался и в самом деле недалеко от улицы Депутатской. Кстати, почти рядом, где жил я -- напротив ателье «Березка». Гаражный кооператив «Спартак», как и многие другие гаражные кооперативы, построенные в начале шестидесятых годов прошлого века, располагался с обратной стороны Пешестрелецкой улицы.

Забегая вперед, скажу, что машину мы осмотрели тщательно, но перстня не нашли. А уж так искали, так старались, даже сиденья снимали, и все безрезультатно -- перстня не было.

Но вот осмотр машины закончен. Алексей хлопает дверцей и разводит руками. Рагимов страшно расстроен, но извиняется перед Алексеем за принесенные тому хлопоты, говорит, что, возможно, потерял перстень где-то в другом месте. Учитывая, что поезд на Москву отходит поздно вечером, он пригласил Алексея в ресторан на обед. Меня же ресторан не интересовал. Я почему-то был уверен в том, что Алексей хитрит и уж слишком неестественно ведет себя. Нет, ясно, что он просто обязан был согласиться на осмотр машины, но как-то не так это должно выглядеть, не так...

Вечером Али Рагимов и Александр Остапчук уехали. Извинялись, что до-

ставили мне много хлопот, просили при случае навестить в Москве. Я взял номер их телефона в гостинице «Украина», а заодно пообещал продолжить поиски пропавшего перстня.

... Дал слово -- держи, таков принцип в моей работе. Конечно, можно было бы и сделать вид, что работаю, ищу, стараюсь, а потом -- закруглиться. Причину всегда можно найти. Но такой вариант меня не устраивал.

Нет, надо искать какой-то подход к Алексею, который, по-моему мнению, был явно неоткровенен. Я понимал, что если он заимел дорогой перстень, то не будет им всюду хвастаться. Да и мать Алексея не станет болтать о том, как крепко повезло ее сыну. Тут нужен другой подход. Чем я располагал? А располагал я молодым человеком, которого подозревал в укрывательстве чужого перстня. Знаю, где он живет, что у него есть мать и что он не женат. У Алексея имеется машина и свой гараж, и я знаю, где расположен этот гараж: в пяти минутах ходьбы от моей квартиры. Алексей молод, безусловно он встречается с кем-то из девушек, не исключаю, что мог и катать подругу, встречаться с ней в гараже. Почему бы и нет? Время-то зимнее, на улице долго не погуляешь... Так я размышлял и все больше склонялся к мнению, что надо найти человека, который был бы близок к Алексею и помог бы мне узнать о наличии у него перстня. Или же -- развеять мои подозрения, если перстня у него нет. Значит, ошибался и был по отношению к нему неправ.

У оперативников есть такое понятие, как «зашифрованный опрос». Через лицо или несколько лиц, которые хорошо знают интересующего вас человека, надо узнать то, что вас интересует. Эта работа должна вестись аккуратно, так, чтобы «субъект» об этом ни в коем случае не догадался, -- тогда задуманное уж точно провалится. В общем, стал я искать подходы к Алексею. Познакомился со сторожем гаражного кооператива, который подтвердил, что Алексей иногда приводит в гараж девушку и с ней там общается: заводит машину, к выхлопной трубе подключает и выводит из гаража шланг, в машине тепло, сиди сколько хочешь. Я попросил сторожа, чтобы, когда Алексей в очередной раз приведет девушку в свой гараж, он позвонил мне. И такой звонок вскоре раздался. Я надел форму, позвал соседа, и вскоре мы уже были в кооперативе. Со сторожем я все обговорил заранее. По моей «версии», у нас якобы проводится рейд по соблюдению общественного порядка и сохранности собственности. Тема общая и у людей обычно никаких сомнений не вызывает.

На самом же деле меня интересовала подруга Алексея: ее фамилия, имя, отчество, где работает или учится?

Ночь. Темно. В гараже машина с включенным двигателем, дверца ворот чуть приоткрыта. Я стучу в ворота, и вскоре появляется Алексей. В темноте он меня не узнает. Представляюсь и объясняю, что привело нас сюда. Он говорит, что вот, находится в своем гараже со знакомой девушкой. Подходит сторож и подтверждает, что гараж и машина принадлежат Алексею. Всё по плану. Сторож ушел, а я попросил показать документы, а если таковых нет, то назвать фамилию, имя и отчество девушки и место работы или учебы. У Алексея нет никаких подозрений, и вскоре он показывает мне студенческий билет студентки 3-го курса Лотаревой Ольги. Я все это запомнил, а девушка даже крикнула, что живет в шестом общежитии по улице Тимирязева. То, что мне надо было узнать, я узнал, и на этом мой ночной рейд закончился. Как Алексей, так и его подруга лица моего не видели.

Теперь я занялся Ольгой Лотаревой. Тут было проще: я же как старший участковый обеспечивал дежурство студентов в опорном пункте. Если не говорить обо всех деталях и подробностях, то вначале я с Ольгой познакомился в комнате общежития. Получилось так, что мы с ней о многом переговорили, так как никого из ее подруг не было и никто нашей беседе не помешал. Потом мной было организовано дежурство Ольги в опорном пункте. И не одно, а целых два. Второе дежурство было как раз за несколько дней до наступления Нового года. Я нацепил на палец перстень, на вид богатый, а на самом деле -- камуфляжная дешевка. Ольга обратила внимание на перстень и поинтересовалась, много ли он стоит. Я засмеялся и секрета раскрывать не стал. И тут...

И тут она сказала, что у ее знакомого парня есть обалденный перстень. Наконец-то, я так этого откровения ждал! Не подав, однако, виду, равнодушно пожал плечами:

-- Так уж и обалденный?

Ольга была веселой, говорливой и затараторила, что со слов знакомого тот перстень стоит больших денег.

-- Каких же больших, если не секрет? -- улыбнулся я.

-- Целый миллион... -- понизила голос девушка.

-- Баксов? -- уточнил я.

-- Да нет, кажется, рублей! -- И Ольга рассмеялась.

-- Что ж, и то хорошо, -- кивнул я и добавил: -- Значит, богатенький твой знакомый.

Потом разговор переключился на Новый год. Посожалел о том, что мне-то придется встречать его как всегда на дежурстве. Ольга посочувствовала и без всякой задней мысли сообщила, что она Новый год будет встречать у того самого знакомого.

-- А далеко он живет? -- небрежно спросил я, чтобы уж точно удостовериться, о ком речь.

-- Да не очень, напротив мехзавода, рядом со стоматологической поликлиникой.

-- Все ясно, -- подумал я. -- Значит, Новый год она будет встречать в квартире Алексея, тот живет как раз недалеко от этой поликлиники. Все, что мне надо было узнать, я узнал: Алексей нашел перстень, но решил его не отдавать. Значит, в своих подозрениях я все-таки оказался прав.

Но теперь предстояло этот перстень у Алексея забрать и передать владельцу -- Али Рагимову. Я полагал, что на Новый год Алексей, чтобы выпендриваться перед своей кралей, уж точно щегольнет перстеньком. Как раз в это время его и надо будет у Алексея забрать.

Взяв с собой двух оперов с Советского РОВД, я где-то в час ночи подъехал с ними к тому дому на Депутатской. Мысли были всякие: получится -- не получится?.. Ведь все могло быть. Но почему-то я склонялся к лучшему исходу. И честно, так хотелось в эту новогоднюю ночь позвонить из квартиры Алексея в Москву Али Рагимову и обрадовать его.

Поднялись на третий этаж. Мне не хотелось сразу светиться перед Алексеем, поэтому придумал предлог: будто мы проходили мимо и увидели лежавшего у подъезда пьяного мужчину. Вот и заглянули узнать, не из этой ли он квартиры. Это должен сказать один из моих сотрудников. Я же, стоя в сторонке, буду наблюдать за Алексеем.

Так и сделали. Позвонили. Кто-то открыл дверь. Сотрудник сказал о пьяном мужчине. Послышался голос Алексея, я его хорошо запомнил: «А пойду-ка посмотрю, кто это...» И вышел. Меня интересовал перстень на руке, и я этот перстень -- увидел. Слава Богу!..

Узрив меня в милицейской форме, Алексей словно онемел и какое-то время так и стоял с раскрытым ртом. Его будто парализовало или ударил могучий столбняк. А я, улыбаясь, протянул ему руку и сказал:

-- С Новым годом тебя, Алёша!

И он тоже нерешительно протянул свою, на которой красовался перстень. Мы поздоровались и... перстень оказался уже в моей ладони. Я, будто ничего и не случилось, спокойно сказал:

-- Рад, что ты все-таки нашел его. Я был в этом уверен.

И парню ничего не оставалось, как сочинять наивную сказку. И он стал это делать, вначале заикаясь, а потом все уверенней и уверенней.

-- Да, да, я его... После того раза... опять пришел и нашел... Хотел позвонить, да телефон потерял... У вас есть их телефон?

-- Есть-есть, -- кивнул я и полез в карман за записной книжкой. -- А вот сейчас от тебя и позвоним.

Мы с Алексеем вошли в квартиру, а там веселились несколько ребят и девчонок. Увидев меня, подскочила радостная Ольга:

-- Ой, здравствуйте, Виктор Алексеевич! Вы, как и говорили, на службе? А может, с нами посидите?

-- В другой раз обязательно, -- заверил я и стал набирать московский номер телефона Али Рагимова. И тут удача! Али находился в гостиничном номере, и вскоре я услышал его голос.

Ну а дальше были взаимные поздравления с Новым годом и моя радостная весть о том, что утерянный перстень найден и его можно забрать. Мои слова подтвердил и Алексей. Не знаю, что он испытывал в тот момент, но я был искренне рад, что наконец-то все так удачно разрешилось.

На следующий день, ближе к вечеру, я передал перстень его владельцу Али Рагимову, который, не теряя времени, приехал за ним из Москвы. Али был так рад, так рад, что словами не описать. Предлагал мне за удачно проведенную работу деньги, но я их не взял.

Клянусь своей жизнью!

Убийство на улице Сакко и Ванцетти

Считаю, что я неплохо знал, так сказать, внутренний мир, а точнее, психологию уличной детворы, в том числе и шпаны, потому что и мое детство прошло в этой среде. В самом начале я уже говорил, что на улице Беговой, где я родился и где прошли мои детские годы (а это в основном был частный сектор), во многих семьях были ранее судимые. Все это для нас, пацанов, не проходило бесследно. Зековский жаргон, поведение «тюремщиков», их стиль жизни, отношение к детям, семье, соседям -- все это безусловно влияло на наше воспитание. Но что интересно, большинство из нас впоследствии «вышли в люди». Кто-то стал инженером или квалифицированным рабочим, а кто учителем или врачом. Я, к примеру, увлекся спортом, а потом связал свою жизнь со службой в органах внутренних дел. Судьбы моих друзей детских лет

меня всегда интересовали, да и сами друзья детства общались со мной, что в определенной степени помогало мне в дальнейшей милицейской работе. А еще хочу сказать о том, что оперативник, если он стремится добиться в своей служебной деятельности хороших результатов, должен быть неплохим психологом. Однозначно! Он просто обязан знать внутренний мир тех оступившихся людей, с которыми ему приходится работать. В той или иной мере я этого вопроса уже касался в своих рассказах. Вот и еще один случай, которым мне пришлось заниматься в 2000 году. Это, кстати, мое последнее дело, которое я раскрыл перед уходом на пенсию. А было так.

Из травматологического пункта больницы скорой помощи в райотдел поступила информация о том, что туда обратился с телесными повреждениями Алехин Александр Юрьевич. Врачам он пояснил, что был избит неизвестными молодыми людьми на проспекте Революции. Травмы были и на голове. Ему оказали помощь, но от госпитализации Алехин отказался и был отпущен домой.

Надо сказать, что в то время таких сообщений из больницы скорой помощи поступало в отделы милиции много. Такая была договоренность между руководством органов внутренних дел и учреждениями здравоохранения. И нередко благодаря таким сообщениям раскрывались серьезные преступления. Для рассмотрения информации обычно давалось десять дней. Если сотрудник не укладывался в срок, то мог и схлопотать взыскание. Таков был порядок.

С данной информацией я поручил разобраться Владимиру Павлову. Прошло где-то около недели, Павлов о ходе дела мне еще не докладывал, и тут в отдел пришла женщина в черном платке и спросила, как ей увидеть Павлова. Тот куда-то отлучился, и я поинтересовался, зачем он ей нужен. Женщина пояснила, что Павлов вызвал к себе ее сына Александра Алехина, но он несколько дней назад умер и уже похоронен.

Эта новость меня заинтересовала, потому что я помнил о его обращении в БСМП. Повторюсь: Алехин был избит неизвестными на проспекте Революции, в больнице ему оказали медицинскую помощь и отпустили. И как же это так - если «ничего серьезного» с ним не было, а он вскоре умер?

Я поподробней поговорил с матерью Алехина, и вот что она мне рассказала. Ее сын Александр в свое время дружил с ранее судимыми ребятами: выпивал с ними, гулял допоздна, а то и вовсе не приходил ночевать. Ей пришлось приложить немало сил и материнского терпения, чтобы Александр прекратил встречаться со своими дружками. Он стал работать и неплохо зарабатывать. И все шло хорошо до тех пор, пока Александр случайно не повстречал тех же ребят, с кем ранее общался, и пошел к ним в гости. О деталях этой встречи он матери сразу ничего не рассказал, но и без того было видно, что явился он домой весь в синяках. На другой день сын пошел в больницу скорой помощи, где рану на голове обработали и зашили. В больнице он не стал говорить, что его избивали бывшие друзья, а сказал, что на него напали на улице неизвестные. Когда сыну стало совсем плохо, мать все-таки выпытала у него правду. И женщина назвала мне адреса и фамилии двух ребят, которые избивали ее сына -- Антонов и Фирсов. Проживали они на улице Сакко и Ванцетти. В общем, налицо было тяжкое преступление.

Я срочно разработал не совсем обычный план раскрытия данного преступления. Павлову же сказал, чтобы он об этом пока никому не говорил и

предупредил мать Алехина, чтобы и та нигде не проболталась о том, что ее вызывали в милицию.

Я и два наших сотрудника Павлов и Поротиков переоделись в этаких «клевых», хулиганистых пацанов: в расстегнутых рубашках, у каждого на шее болтались массивные цепочки. И вот под видом блатных дружков Алехина мы подруили на моем «Мерседесе» к дому на улице Сакко и Ванцетти. Именно там, по словам матери, ее сына и избивали. Мне надо было как-то расположить к себе убийц Алехина, чтобы они сами рассказали о произошедшем, а заодно прихватить вещдоки, то есть, чем они его избивали. В общем, постараться привлечь на свою сторону его убийц, чтобы они перед нами раскрылись, а весь разговор записать на диктофон. Главное же во всей этой затее было то, что негодяи еще не знали о смерти Алехина. Это и было самой важной деталью в задуманном мной плане. Тут я и мои товарищи могли и подыгрывать тем, кто его избивал. Зацепку же для подыгрывания, как я предполагал, всегда можно было найти. Наше обращение в судмедэкспертизу показало, что умер Алехин от черепно-мозговой травмы.

Выйдя из машины, я и Павлов степенно, вразвалочку ступили через калитку во двор. Поротиков остался в машине. Дверь в дом была открыта, изнутри слышались крики, смех, но мы спокойненько вошли. А там вся шарага в сборе, сидят и пьют спиртное четыре парня и две девицы. Наше бесцеремонное появление их явно насторожило. Вижу -- притихли. Пока они шурупили своими пьяными мозгами, что к чему, я как можно внушительнее изрек:

-- Так-так, пацаны, и кто тут будет хозяин?

-- А что надо? -- спросил один, внешне не ахти какой амбал, но, в общем-то, смахивающий на полублатного местного авторитета.

-- Давай-ка на минутку, -- небрежно махнул я рукой и вместе с Павловым вышел во двор. Вскоре появился и уже встревоженный хозяин (потом я узнал, что это как раз был Антонов). В полуоткрытую калитку была видна моя дорогущая машина; Антонов ошарашенно присвистнул и покачал головой, потом что-то сказал своим дружкам, гуртом вывалившим из дома и бросившимся разглядывать «Мерседес». Похлопав Антонова по плечу, я подошел с ним к его шараге. Видел, как они удивленно пялились на нас с Павловым, этаких франтоватых качков с золотыми цепями на шеях.

-- Вы кто? -- спросил наконец Антонов. Напряглись, приготовившись ловить каждое мое слово, и его друганы.

-- По балде получишь -- узнаешь, -- грубо рыкнул я.

Антонов побледнел:

-- За что? -- Э-э-э, подумал я, да ты, оказывается, еще и трус. И начал гнать понты: представляться корешем Алехина и с претензией «наезжать», что того не по понятиям избивали. Пожаловался, Санек, говорю: ни за что отдубасили. Вы же дружбаны?! Нет, не по понятиям, бурчал я недовольно и качал головой.

-- Да он первый, козел, базар затеял! -- взвизгнула стоявшая недалеко от Антонова размалеванная девица. Таким, как она, обычно нормальные, порядочные парни не нужны, ищут себе таких же и в клубок с ними сворачиваются. А она между тем всё кукарекала: -- Ко мне приставал и вот к ней! -- махнула рукой на вторую особу женского пола.

-- Верно говорит, -- уцепился за спасительную подсказку девицы Антонов. -- Сам всю бузу затеял! Сидели, бухали как положено, и вдруг -- бабу ему захо-

телось...

-- На мою глаз положил, -- встрял (как выяснилось позже) Фирсов. -- «Хошь, -- говорит мне, -- на твоей девке женюсь?» -- Да ты, козел, чего буробишь? -- говорю этой харе. А он -- «Сам ты козел. Она тебе рога понаставляет!» Во как оскорбил меня, -- пожаловался Фирсов. -- Заткнись, харя! Прошу пока по-доброму, -- сказал ему. А моя, не думавши, схватила черенок от лопаты да как треснет его по башке. Он свалил ее и стал душить. Тут мы подоспели и этой самой палкой лупить его стали где попадя. Куда палку подевала? -- обернулся Фирсов к своей девице.

-- За сараем валяется, -- ответила та. -- Хошь, принесу? -- Вскоре принесла и протянула почему-то мне. Палка вся в засохшихся пятнах крови, кое-где к ней прилипли волосы. Вещдок -- стопроцентный. Я сунул палку Павлову, а сам думаю -- или спяну, или еще не знаю с чего девица ту палку мне отдала. Их вообще ничего не насторожило. Как будто так и должно быть. Они просто оправдывались передо мной, что весь сыр-бор разгорелся из-за Алехина, вот он за дело и получил.

Я решил подыграть честной компании и признать вину Алехина, согласиться, что тот был неправ.

-- Да-а, -- киваю, -- зачем было к занятым девкам приставать да еще и душить?

-- Взаправду душил, -- подтвердили Фирсов и его деваха. -- Еле оторвали. -- Девица стала показывать, как Алехин ее душил, а она отбивалась. А потом все наперебой стали хвастаться, как лупили «этого козла»: кто по горбу, кто по шее или по башке.

-- Ты, мамочка, права, -- подхвалил я разгоряченную и раскрасневшуюся деваху. -- Жлобяркой Алехин оказался. А с виду вроде тихоня, все ти-ти-ти да ти-ти-ти -- и не подумаешь, что какой наглец. -- Говорю, а сам думаю, что пора Антонова и Фирсова отрывать от всей гоп-компании и доставлять их в райотдел. Нас трое, их двое -- справимся. Я, в принципе, уже обдумал, как все это обставить. План был таков. Я говорю, что Алехин пиво пьет в детском парке, а сюда идти боится, но готов с друзьями помириться. Но не получится, так напишет заявление в милицию. Пускай, говорит, менты разбираются, кто прав, кто виноват. Ох, как зацепил я этими словами братву! Что тут поднялось, какие только проклятья не посыпались на голову Алехина!

-- Да он, сука, на кого катил! Он -- тварь, козел! Уж мы его уделаем, отдубасим, влепим, на куски порвем!..

-- Ладно, мужики, тогда покатили, -- перебил я, а вылезший из «Мерседеса» Поротиков открыл дверцы, от себя по-барски пообещав пару пузырей всем поставить. Кто-то радостно заорал, что будут ждать, так как пора и им трубы промочить: они, мол, тоже, блин, водки желают!

-- Только смотри не жмотничай, -- напутствовали меня. В машину посадили Антонова и Фирсова, остальным велели ждать и не расходиться.

Ну, а как только Антонов с Фирсовым уселись в «Мерседес», так вообще обалдели. По-моему, в их мозгах пошло полное завихрение. Перед отъездом я тихонько спросил Павлова:

-- Палка с тобой?

-- А как же, -- кивнул он.

Но вместо парка мы подъехали к Центральному РОВД. Антонов и Фирсов

заерзали, догадываясь, что происходит что-то не то, но особо не напирали, так как особой вины за собой не чувствовали. Антонов почти равнодушно хмыкнул:

-- А зачем же в милицию-то?

-- Так надо, -- отрезал я и наконец-то представился. Потом представил своих сослуживцев.

-- А я давно понял, что вы из милиции, -- пожал плечами Фирсов. -- Так бы сразу и сказали. Ну, подрались, с кем не бывает. Сами промеж собой и разберемся. Может, мы в чем и погорячились...

Зашли в кабинет. Я вызвал заместителя начальника отдела дознания Журавлеву, пояснил, что за кадров привез, и ввел в курс дела. Антонову и Фирсову сказал, что весь наш разговор записан на диктофон. Напомнил, что черенок от лопаты, которым избивали Алехина, тоже с нами. Но они по-прежнему не проявляли особой обеспокоенности: Ну подумаешь -- подрались. Когда же я открыл свой главный козырь, что Алехин от побоев умер и им придется за это отвечать, Антонов и Фирсов просто онемели. Уж этого они никак не ожидали, потому и лепетали что-то невразумительное, вроде того, что я их на понт беру, да не может быть, мы его сильно и не били...

Пришлось зачитать им заключение судмедэкспертизы, а потом прокрутить запись диктофона. Павлов с Поротиковым съездили туда, откуда мы только что вернулись, и привезли девицу, которая больше всех верещала, как она лупила «козла Алехина». Когда же пришло время ответа на вопрос -- кто же именно убил его, все сразу стали валить вину друг на друга. Этой троицей занялась Журавлева: приступила к проведению допросов. Мы же свою работу выполнили с блеском и все необходимые материалы для продолжения следствия ей представили.

Несколько слов о том, что представляли собой Антонов, Фирсов и другие местные авторитеты, вокруг которых крутилась вечно полуголодная блатная уличная мелюзга. Антонов и Фирсов были не так просты, как казалось на первый взгляд. У каждого за плечами уже имелось по паре ходок в места лишения свободы. Те, кто попадал в их сети, к нормальной жизни, как правило, не возвращались и продолжали жить по «понятиям» своих паханов. Алехину же вроде удалось вырваться из этой шайки, но ненадолго. Как тут не вспомнить трагическую гибель героя повести Василия Шукшина «Калина красная» Егора Прокудина. Он тоже захотел жить, как все нормальные люди живут, но бывшие друзья ему этого не позволили и убили. Так случилось и с Алехиным, убийцы которого всячески пытались уйти от ответственности. Состоялся суд, и каждый, кто был причастен к убийству, получил по 9-10 лет лишения свободы. Было также внесено представление о формальном подходе к своей работе отдельных сотрудников травматологического пункта больницы скорой помощи, в результате чего тяжелая черепно-мозговая травма была ими не замечена и обратившийся за помощью больной Алехин умер.

Советы ветерана

Вот закончил рассказ и еще об одном «деле», которым мне пришлось заниматься. За годы службы таких «дел» у меня скопилось немало. Все они раскрывались, а лица, совершившие преступления, изобличались и отправля-

лись после состоявшихся судов в места лишения свободы. Так и должно быть. Оперуполномоченный, участковый инспектор или любой другой работник милиции должны с любовью и знанием дела относиться к своей работе, учиться этому у более опытных сотрудников, а впоследствии и сами передавать накопленный опыт молодым. Только так и никак иначе. Свою профессию я не только любил, но и понимал ее важность, значимость для людей. По сейчас переживаю за работу милиции. В связи с этим хотел бы поделиться своими мыслями, сказать, что могло бы повысить, на мой взгляд, эффективность работы милиции, а также, чтобы народ понимал ее проблемы и действительно гордился ею.

Мне, откровенно говоря, обидно, что сотрудники милиции сейчас находятся далеко не в равных условиях с работниками других правоохранительных структур. Милицию ругают, что она не справляется в полной мере со своими обязанностями. Да, недостатков в ее работе хватает и ругать, критиковать есть за что. Отдельные работники нарушают закон, чем дискредитируют себя в глазах населения.

Только не надо при всем этом забывать, что за последние годы из-за плохого материального положения из милиции ушли лучшие кадры, а равной замены им пока нет и не предвидится.

Посмотрите, сколько бывших замечательных сотрудников милиции возглавляют в банках и других учреждениях службы безопасности, сколько работает в разных ЧОПах! А почему? Да потому, что там хорошо платят. В милиции же требования к сотрудникам из года в год повышаются, а зарплата стоит на точке замерзания. Как в таких условиях обеспечивать себя и свои семьи? Для того, чтобы серьезно спрашивать с работников милиции за работу, надо им за нее и хорошо платить. Хочу добавить, что достойная оплата труда сотрудников сделает, кстати, не только более привлекательной саму по себе тяжелую милицейскую профессию, но и выступит серьезным сдерживающим фактором для распространения коррупции в органах внутренних дел и не только. Большинство сотрудников являются вполне нормальными людьми и не станут разменивать свою свободу, благополучие родных и близких на временные материальные выгоды. Надеюсь, что те меры, которые намечено провести по реорганизации милиции, помогут укрепить ее. Народная милиция в этом сейчас нуждается как никогда.

Есть и немало других вопросов, которые крепко мешают работе милиции. Я это испытал на себе, когда работал оперуполномоченным и в службе участковых. Взять хотя бы надуманные показатели работы, которые почему-то должны расти, увеличиваться с каждым годом. Отдельные руководители требуют от своих подчиненных показатели выше, чем за предыдущий период, а если на обслуживаемом участке все спокойно, правонарушений не совершается (в чем нередко заслуга тех же участковых и работников других служб), то сотрудникам угрожают выговорами, увольнениями, если не будет составлено заданное количество протоколов, не будет доставлено в отдел определенное количество правонарушителей. Чтобы избежать этого, часть сотрудников вынуждена представлять надуманную информацию, оформлять «липовые» протоколы, вести выдуманые дела (оперативники это понимают), привлекать к ответственности зачастую невиновных людей, чтобы выполнить «план по показателям». Ясно, что все это не способствует авторитету милиции, а в итоге

приводит к тому, что милиция «борется с воздухом». Виноваты в этом те руководители, которые толкают сотрудников на подобные нарушения закона. Подобную практику надо решительно искоренять, а таких руководителей строго наказывать.

Считаю, что не последнюю роль в повышении авторитета милиции играют ее руководители. Важно, чтобы к своим подчиненным они относились не только требовательно, принципиально, но и с уважением, признательностью за их труд. Не секрет, что многие подчиненные берут пример со своих непосредственных руководителей. Негатив, который исходит от руководства, передается их подчиненным и сказывается на качестве работы. Руководителями районного и выше звеньев нужно ставить людей, которые послужили, скажем, в патрульно-постовой службе, поработали и хорошо проявили себя в уголовном розыске, в следствии, участковыми инспекторами и в других службах. К руководящей работе нельзя допускать дилетантов, которые далеки от особенностей милицейской службы и знают о работе милиции только по фильмам и детективным книгам. Сейчас на службу в милицию поступает немало бывших военных, а также женщин, которые должны хорошо знать, что за вопросы им придется решать. Примеры из моей оперативной работы, думаю, их кое-чему научат и помогут разобраться.

Есть еще одна проблема, которую следовало бы решить более продуманно. Часто сотрудников милиции, что называется, всех под метелку, привлекают к различным мероприятиям, не считаясь с тем, что у многих из них есть своя основная работа, которую кроме них никто не сделает. Не хочу сказать, что подобных мероприятий, скажем, рейдов, не надо проводить. Проводить их нужно, но в разумных пределах. А вот сотрудников ведущих служб было бы целесообразно вообще освободить от проводимых рейдов и других мероприятий типа привлечения к обеспечению порядка на футбольных матчах. Иногда дело доходит до абсурда: на каком-то заурядном футбольном матче, где и болельщиков-то кот наплакал, сотрудников милиции больше, чем этих болельщиков. Зачем так растраниживать наше рабочее время? Кому и какая от этого польза? Считаю, что работники ОУР, участковые инспектора, инспектора по делам несовершеннолетних должны больше заниматься своей непосредственной работой: выявлять лиц, совершивших преступления или готовящихся к их совершению, а также больше заниматься профилактикой на обслуживаемом ими участке. Ведь эту работу за них никто не сделает. Это мое личное мнение, и с ним многие согласны. Свой участок каждый сотрудник милиции должен знать как пять пальцев. А для этого следует вкалывать дено и ночью.

И еще. На мой взгляд, службы милиции давным-давно «похоронили» себя во всевозможных бумажных планах и отчетах. Все должно быть в разумных пределах, а этого нет. Многие десятки лет не меняются сроки и порядок исполнения поступающих писем, жалоб и заявлений. Бумажная «работа» наворачивается огромным снежным комом. По бумагам и отчетам у нас зачастую все хорошо, а на деле? Зачем же плодить столько бумаг и увеличивать для этого аппарат сотрудников? А сколько проводится разных заседаний, совещаний, которые отнимают у всех нас уйму рабочего времени? Мне кажется, что это делается чаще от неумения и нежелания работать. На таких совещаниях только и слышишь, что работаем плохо, показатели низкие, раскрываемость пре-

ступлений желает лучшего. Порой наслушаешься этой критики и не знаешь, за что хвататься. Уж лучше больше заниматься конкретными делами, а руководство пусть создает нормальные условия для нашей работы. Я об этом выше уже говорил.

Болезнью милиции становится высокомерие сотрудников отдельных служб. Они себя считают элитой, а роль других, естественно, принижается. Подобную критику надо искоренять. Думается, что нельзя допускать в милицеских рядах и солдафонства. Во взаимоотношениях между сотрудниками должно быть уважительное отношение друг к другу. За нецензурщину сотрудников надо строго наказывать.

Несколько слов о нагрузке на сотрудников ОУР, следователей, участковых, дознавателей и других. Она, как правило, никакими нормативными документами министерства не определена и не дозирована. А следовало бы и этот вопрос продумать.

Вот о чем хотелось бы еще сказать тем, кто сейчас служит в органах внутренних дел. Помните и никогда не забывайте, что своей специальностью и своей честью надо дорожить. Если даете интервью или отчитываетесь о своей работе, то не бойтесь показывать свое лицо тем, чей покой и чью жизнь Вы охраняете. Не поворачивайтесь спиной к населению. И главное -- не привлекайте невинных граждан к уголовной ответственности. Этим мы подрываем не только свой авторитет, но и порождаем ненависть к власти и государству.

От автора

Таковы пожелания Виктора Алексеевича Мацаева по оптимизации деятельности милиции. Вполне естественно, что многое, если не все, начинается с отбора кадров. Кого мы отбираем служить? Достойных этой почетной службы граждан или бездельников, взяточников, тех, кто пришел решать какие-то свои шкурные вопросы?

Должен быть установлен и строго соблюдаться четкий ценз при отборе на службу, в том числе и образовательный. Следователи, к примеру, должны быть в обязательном порядке юристами. Плохо, что это образование можно получить где угодно и как угодно. Это тоже следует учитывать. Далее. Участковые инспектора, оперуполномоченные тоже должны быть юристами, а не специалистами по «рогам и копытам».

Для качественного изменения критериев психологического отбора кадров надо серьезно реформировать саму психологическую службу. На должность психологов подбирать опытных, компетентных сотрудников. При новом подходе к отбору кадров это будет иметь исключительно важное значение.

Органы внутренних дел должны поддерживать тесное взаимодействие с ветеранским движением. Эта связь часто носит формально-показушный характер. Между тем многие ветераны обладают уникальным опытом своей прежней правоохранительной деятельности, которым они могли бы поделиться с молодыми сотрудниками. Это лишь некоторые пожелания.

Р. С. Книга «Перстень шаха» была издана более шести лет назад. Тираж небольшой, и он быстро разошелся среди читателей. Почти сразу стали поступать запросы от них: где можно приобрести данную книгу? Тогда и было ре-

шено ее переиздать, включив еще два очерка: «Мечь» и «Покаяние».

Нельзя не отметить, что в последние годы в системе органов внутренних дел произошли большие изменения. Поменялось само название службы и ее блюстителей: теперь вместо милиции и милиционера, стали полиция и полицейский. Такое изменение было воспринято далеко не однозначно. Слова -- «полиция», «полицай» россиянами ассоциируются с предательством полицейав в годы Отечественной войны.

С января 2012 года были повышены оклады денежного содержания сотрудникам органов внутренних дел. Это сыграло свою положительную роль. Хотя нельзя не обратить внимания и на тот факт, что из-за сокращений сотрудников отдельных служб (Госавтоинспекции и др.) заметно уменьшилось количество несущих свою службу непосредственно на улицах.

В наши дни и органы внутренних дел не обошла стороной коррупция среди ее сотрудников, что безусловно понижает к ним народное доверие.

Велик некомплект в ряде служб, особенно он недопустим в ведущих службах, которые определяют конечный результат работы всей правоохранительной системы.

Виктор Алексеевич Мацаев работал в службах уголовного розыска и участковых инспекторов милиции. Работал добросовестно и профессионально.

Зная, что волнует его сейчас, хочу обозначить недостатки и упущения, которые мешают участковым инспекторам в исполнении своих обязанностей. В. А. Мацаев справедливо отмечает, что работникам службы приходится нередко выполнять функции, не относящиеся к их прямым обязанностям. Эти обязанности, как известно, регламентированы приказами МВД, и они должны неукоснительно выполняться.

Нередко руководители отделов полиции требуют, причем ежедневно, от каждого участкового раскрытия одного преступления по линии криминального блока, доставления в дежурную часть не менее одного административно задержанного и составления на него протокола. Участковый должен проверять несение службы нарядами ППС и ДПС, его привлекают к патрулированию во время проведения массовых мероприятий, так как патрульно-постовые службы в отделах или малочисленны, или их вообще нет.

По составленным графикам участковых привлекают к суточным дежурствам в следственно-оперативных группах. Им передаются для исполнения материалы из книги учета совершенных преступлений (КУСП), среди которых нередко бывают материалы по уголовным и экономическим преступлениям, не входящим в их компетенцию.

Нельзя не учитывать, что среди участковых имеется некомплект, а также есть немало молодых сотрудников, не имеющих достаточных профессиональных навыков и опыта. Отсюда и отработки участков зачастую носят формальный характер и исполняются лишь на бумаге. Какая может быть на участке полноценная профилактика преступлений, если на нее у участкового не остается времени?

Автор книги, как бывший работник органов внутренних дел, поддерживает предложения В. А. Мацаева об активизации деятельности участковых инспекторов полиции. Как не согласиться с тем, что служба участковых инспекторов полиции - это особая служба. В ней не должно быть некомплекта. Со-

трудники службы должны быть юристами, с достаточным опытом профессиональной подготовки. Их нельзя без особых на то причин перемещать с места на место и загружать работой, не относящейся к прямым обязанностям. Важно, чтобы участковый проживал на своем участке. Тогда у него будет больше времени, чтобы изучить свой участок и знать тех, кто требует к себе постоянного внимания.

Как не вспомнить участкового инспектора милиции Анискина, роль которого в кинофильме «Деревенский детектив» исполнил замечательный актер Михаил Жаров. Создавая нормальные условия для работы участковых инспекторов полиции, мы тем самым будем больше иметь у себя таких участковых, как знаменитый Анискин.

В заключение автор хотел бы поблагодарить Виктора Алексеевича Мацаева, щедро поделившегося с нами опытом своей работы в милиции. Этот опыт несомненно окажет свое положительное влияние на воспитание и повышение профессионального мастерства наших молодых сотрудников.